

САМОЗВАНКА

КРОМХНИК

ТЕРРА ЛИБ

Терри Лис

Самозванка. Кромешник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70086697

SelfPub; 2023

Аннотация

Возвращаясь после долгого отсутствия на родину, Упырь, наследник одной из знатнейших семей вампирского королевства, а по совместительству – коронный лазутчик, за землями неприятельскими присматривавший, никак не ожидал обнаружить в проклятых пустошах родного приграничья колдовские знаки. И пусть давно не секрет для него, что некогда могущественное и процветавшее упырьё государство умирает, что слепы подданные, королевой синеглазой околдованные. А те, что прозревают, в Башнях Северных гниют да в болотах тонут. Далеко ходить не надо: брат его младший той королевой очарован, стихи пишет, дамой сердца мнит. И не на кого положиться в родной земле. А королева синеглазая союз с заклятыми врагами уж заключить готова. Только под маской союза придут на земли вампирские истребление, костры и дыбы. А пуще того – ворожба тёмная, которой колдуны-ллакхары силы мрачные призывают. И силы те уже взяли след, кошмар с явью заплетая да Упыря путая.

Содержание

Часть 1. Упыри	7
Глава 1. Еретник	9
Глава 2. Выжлец	19
Глава 3. Волколаки	30
Глава 4. Калейдоскоп	44
Глава 5. Псы Иргибы	57
Глава 6. Похоронная Седмица	64
Глава 7. Стиллет	75
Глава 8. На берегах Багрянки	86
Глава 9. Железнодорожные	95
Часть 2. Крамола	100
Глава 1. Почтенное семейство	102
Глава 2. Сейран	111
Глава 3. Лилия и Роза	120
Глава 4. Гостеприимство, кров и стол	132
Глава 5. Белый Генрич	143
Глава 6. Призраки и миражи	154
Глава 7. Ллюкхэн	166
Глава 8. Корсак Гуинхаррэн	178
Глава 9. Страсти лесные и придворные	190
Часть 3. Равнсварт	196
Глава 1. Дивноокая Айрин	198
Глава 2. Сполох	210

Глава 3. Не обо всём стоит сказывать	220
Глава 5. Алая Башня	241
Глава 6. Быль и небыль	255
Глава 7. Палаты	268
Глава 8. Служба	277
Глава 9. Ворожба	284
Часть 4. Долина	290
Глава 1. Жилище	292
Глава 2. Тварь Равнсварт	302
Глава 3. Мессир Валдэн	316
Глава 4. Хозяин рода	330
Глава 5. Конные и оружные	340
Глава 6. Всё закончить	350
Глава 7. Адалин	358
Глава 8. Большое зло	370
Глава 9. Славные хлопцы	382

Терри Лис

Самозванка. Кромешник

*Чертополох нам слаще и милей
Растленных роз, отравленных лилей.*

*Mundus vult decipi, ergo decipiatur*¹.

...Чертополох нам слаще и милей
Растленных роз, отравленных лилей.

¹ (лат. «мир желает быть обманутым, пусть же он будет обманут») – выражение, приписываемое в «Historia sui temporis» де Ту (кн. XII) папскому легату Караффе (позднейшему папе Павлу IV, † 1559).

Уильям Шекспир. Сонет 94. Пер. С. Маршака.

Часть 1. Упыри

«Беру я от дупла осинова ветвь сучнистую,
обтешу орясину осистую, воткну еретнику в чрево поганое,
ное,

в его сердце окаянное, схороню в блате смердящем,
чтобы его ноги поганые были не ходящие, скверные его
уста

– не говорящие, засухи не наводящие...»

Заговор супротив "опивца зубастого, головастого,
как гадина, еретником именуемого", Симб. Губ.

Глава 1. Еретник

– Гля, какой! Вот те Хозяина Солнца знак, виритник², холера железнозубая! – суеверно обмахнувшись затверженным движением, прошипел рыжий молодец в расшитом узорчатой тесьмой сукманце³ и пихнул локтем белобрысого дружка, притаившегося рядом.

По обезлюдевшей околице со стороны корчмы неспешно брёл долговязый, с виду крепкий, будто выдубленный путник, одетый не на здешний лад: в высокие смазные сапоги, зеленоватую тунику и кафтан для верховой езды. На проклёпаных железками, перекрещенных ремнях пояса блестели цепи в три ряда – первый признак господина – и ремешки для ножен, на счастье, порожные. В ворота туники болталось с дюжину нарядных цацек, ровно у девицы или колдуна, а в ухе завлекательно горела самоцветная серьга.

– Уж ладно! – приглядевшись, промямлил белобрысый и чуть косоглазый ученик гончара, пригибаясь ещё ниже. Растущие по ту сторону плетня лопухи не казались таким уж надёжным укрытием от напасти. Виритники имели паскудное обыкновение зреть сквозь стены, чуют живую кровь издалека и морочить взглядом. – Да и откуда бы?

– Из лесу! – рыжий цыкнул щербиной на месте выбитого

² Еретик, колдун.

³ Вид верхней одежды, кафтан из сукманного сукна.

зуба. – Балий⁴ сказывал: наднесь заехал да в корчме ужо на-
бедокурил, стервь! И колодезь потравил! Сглазом да плёвом!

– Ох, Деян! – ужаснулся будущий гончар, дёргая дружка
за край кафтана, чтоб тот не высовывался. – Почто знаешь?

Рыжий Деян самодовольно усмехнулся, подкрутив едва
отросшие усы:

– Балий! – важно сообщил он, снова заглядевшись на до-
рогу. – Он-то сам видел, в лозняке сидел!

То, что балий Водовит сидел в кустах возле колодца, ни-
кого не удивляло. Известное дело, на то он и балий, чтоб чу-
додеять да напасть загодя высматривать. Но вот холера ми-
моезжая, глазастым старцем уличённая, вдохновения не вы-
зывала. Смурной мужик за версту смердел проблемами, как
заводь – тиной и гнильём. По выправке, по платью, по равно-
душию, с которым пришлый брёл вдоль заплотов и едва опе-
рившихся черёмуховых кустов – по всему выходило, непрое-
стой гость завернул под кветень⁵ в их тихое обомшелое Ху-
торье. С запылённых голенищ едва осыпался присохший по
пути суглинок, а на бледном, безбородом лице застыло вы-
ражение жестокое и собранное, отчего безоружный колоброд
выглядел опасней поднятого с берлоги шатуна.

– И что ж нам делать-то? – тревожно озираясь на спаси-
тельно крыльцо избы, прошелестел подмастерье гончара.

От забора пахло прелой древесиной и молодой травой,

⁴ Он же волхв, зелейник, колдун.

⁵ Месяц, примерно соответствующий апрелю.

дёрном и слегка компостом, от рыжего – горячечным азартом и бедой.

– Извести! – Деян стиснул кулаки. – На вилы тварь, да за околицей и закопаем книзу брюхом в шалге⁶. Жилы главное подсесть, не то выберется... – добавил он мрачно, рыща взглядом в поисках орудия.

– Да боязно чего-то, Деян! – заскулил будущий гончар, выглядывая сквозь щель на дорогу. Бродяга, чернявый, ровно головёшка, на ходу задумчиво вертел на пальцах очередную побрякушку. – Авось, сам сгинет?

– А коли нет? – возмутился рыжий. – Ходят по долам да всяям виритники-волколаки, волхиты⁷ приبلудные, озев⁸ наводят да скотину портят, а то и девок. На днях-от Ба-жай Шесток, коробейник старший, умом тронулся. Заблажил про ворожбу да кобылиц чёрных, на журавль колодезный взлез да спускаться отказался. – Белобрысый ошеломлённо вытаращился на дружка. Деян многозначительно покивал. – Как сняли – ослеп на оба глаза, тряся весь да вонял преотвратно. А друзья сказывали, накануне ещё гулял да бо-чонок горькой на спор сам-на-сам приговорить похвалялся. Сглазил молодца стервь проклятый! И тебя сглазит!

Гончар отшатнулся и упал бы на траву, кабы не стена сарая позади.

⁶ Большой лес, дровосека.

⁷ Волхв, кудесник, волшебник.

⁸ Сглаз, порча.

– Тем паче боязно! – сплюнув, прошипел он.

– А баляя благословение на что? – фыркнул рыжий ядовито.

Белобрысому отчаянно захотелось ответить, на что оно сгодится точно, но мстительный старик Водовит, прознай про эдакое красноречие, точно наслал бы на беспутного отрока обидную и стыдную хворобу.

– Так пушай его тот балий и мордует! – пробурчал он, наблюдая, как Деян примеривается к прислонённому у поленницы дрыну.

– Ох и баляба⁹ ты, Сошка! – рассмеялся шёпотом рыжий. – Потому тебя девки и не любят! – Белобрысый обиженно оттопырил губу, но смолчал. – Щас мы народ поднимем, – распорядился Деян, ловко забравшись на забор верхом. – Беги к корчме, коль трусишь. Да пришли сюда Зорана-кузнеца. И пусть топор захватит! Скажи, еретника потребно извести!

– Вот бешеный ты, Деян... – восхитился Сошка, подавая дрын.

Рыжий ухмыльнулся, помахал орясиной, как волхв посохом на Боев день, и молодецки засвистел в два пальца.

Дрын, ткнувшийся в укатанную тележными колёсами пылюку, преградил дорогу бродяге в сапогах. Чернявый поднял на оседлавшего забор свистуна загодя прищуренные, паскудно посветлевшие зенки.

Деян мрачно ухмылялся:

⁹ Рохля.

– Слышь... мил человек, – цыкнув зубом, начал он, недвусмысленно постукивая тяжёлой палкой. – Ты того, куда путь держишь?

– Прямо, – хрипло отозвался «мил человек», исподволь озираясь: на пустынной околице откуда ни возьмись появлялись люди. Пока чуть поодаль, беседой дурковатой якобы не интересуясь.

– Эх, беда, – притворно загрустил Деян. – Тут, понимаешь, какое дело: вот именно прямо тебе и нельзя!

– С чего бы? – в тон удивился путник.

– Да, вишь ли, погань ты, волколак!.. – Рыжий щедро плюнул пришельцу в ноги, чудом не замарав смазных сапог. Подкованную обувь Деян уже решил, расправившись с нечистым, забрать себе.

– С какого ляду? – внезапно развеселился обвиняемый. – Волколаков, что ли, не видал?

– Видал-видал, еретник, не сумлевайся, – тоже рассмеялся рыжий. – Вот прям шас его перед собою зрю! А ты, стервь, зубы мне не заговаривай! Ужо, вон, цепу стибрил посередь бела дня. То воровством зовётся. Аль ты не знал?

– Совсем сдурел? – чернявый вздёрнул выскобленный подбородок. – Или ты от рожденья хворый?

Деян, крикнув, бодро прыгнул с облюбованного насеста в лопушки. И, благополучно на дорогу выбравшись, подобрал дрын:

– Вот шас балия с кузнецом дождёмся и посмотрим, кто

тут хворый, – пообещал он, разглядывая путника вблизи. Как есть еретник, тут и слепой бы не ошибся.

На бледной коже угловатого лица белели тонкой сетью аккуратно срощенные шрамы, под тяжёлыми бровями полыхали рыжие, потихоньку разгоравшиеся нездешним пламенем глаза. Серьга в ухе, притенённая растрёпанными вихрами цвета воронового крыла, тоже подозрительно мерцала, ловя несуществующие блики.

– Рылом тощий, башкой чёрный! – прокричал Деян односельчанам, уже обступавшим говоривших разномастной гурьбой. – Как давеча нам балий сказывал? Волхит прибудный осуду навёл! Вода в колодце черным черна стала, попьёшь её – так в миг и околеешь!

Бабы согласно заголосили. Старик Лель заворчал про «болотный упыриный мор», стискивая прихваченные с подворья вилы.

Обвиняемый воззрился на обнаглевших поселян:

– Какая сказочная чушь, – восхитился он сквозь зубы. – Сдался мне ваш колодец...

– Сознавайся, погань! – пригрозил дрыном рыжий.

Еретник, смекнув, что отпираться смысла нет, оскалил клычищи. Не железные, но уже и не человеческие. Челюсти разъехались и удлинились, запавшие щёки обтянули кости поскверневшей образины. Чёрные вихры зашевелились помимо вдруг притихшего ласкового ветерка. Прозрачные весенние сумерки резко потемнели.

– Волколак! – ахнула румяная Беяна, отступая за спины мужиков.

– Упырь! – поправил, наставляя вилы, Лель. – Ох, зараза! Поди, долинный, погань!

Старик разбирался в деле не хуже куда-то запропастившегося Водовита.

Деян слегка попятился: долинных упырей побаивались неспроста, но этот, пусть и злобный, оказался в толпе вооруженных поселян без клинка, с одними серебряными цепушками. Теперь главное – не дать нечисти себя заморочить.

Рыжий тоже оскалился, широко обмахнувшись охранным знаком:

– Думаешь, коли ты железнозубый, управы на тебя не сыщется? Ты ж безоружный, – ехидно подмигнул он упырю.

– Дай пройти, – глухо приказал тот, неуловимо подбираясь. – Никто не пострадает.

– На вилы гадину! – зычно гаркнуло со стороны корчмы.

Из-под стрехи выпорхнули перепуганные птахи.

Балий Водовит, мышастый дед в потрёпанном кафтане, спешил по улице, воздев посох с дощечками над пегой головой. Следом размашисто шагал кузнец Зоран в кожаном фартуке, вооружённый здоровенным топором; семенил сбледнувший Сошка с косой и баба Звана с веником наспех перемотанных бечёвкой трав.

– Идите к ляду, – возмутился упырь, отпрянув от первого тычка. – Я ж вас не трогал!

Второй удар прилетел в скулу, но нечисть лишь щёлкнула зубищами и зарычала.

– Дави поганца! – рявкнул Водовит, потрясая примотанной к посоху трещоткой. Резкий стрекот перебивал даже ропот собравшейся толпы. – На вилы мразь виритную!

Мразь виритная, предсказуемо обозлившись, отмахнула руками, без видимых усилий, даже не прикасаясь, раскидав селян по придорожным лопухам. И рванула вдоль заплота, плеча вихрами. Деян, чудом удержавшийся на ногах благодаря воткнутому в землю дыну, припустил следом. Зоран и боевитый Лель не отставали.

– Камнями его, гадину! – оглушительно командовал балий, стрекоча посохом. – Дави!

Виритник, схлопотав булыжником в спину, огрызнулся и пронзительно засвистел. Толпа, покотившая следом за беглецом, дружно присела, готовясь к новой напасти.

От корчмы, шибая копытами зазевавшихся да тараня крупом нерасторопных, по околице неслась здоровенная тварь, размерами и статью, а также выражением плотоядной морды вполне годная бесчинствовать по большакам и без хозяйского призора. Следом бороной волочился кусок выломанной с мясом коновязи. Гортанное ржание больше напоминало рёв горного обвала.

Мастью нечистая коняга была вороной, зенками алыми – безумной. И мысли у поселян вызвала общие.

– Бажаева Кобылица! – заголосили, обмахиваясь да сосе-

дей оплёвывая, хуторчане.

– Чёрная!

– Хозяин Солнца нас упаси!

Притороченная у седла сабелька тоже воодушевлению не способствовала. Деян, вытянув бестию дрыном вдоль хребта, отпрыгнул из-под копыт. Зоран, попытавшийся подрубить упырю ноги, огрѐб пинка и откатился в лебеду. Рогаатиной ушибленный да вилами потыканный виритник изловчился заскочить в седло и, скрипя зубами, задал коню шпор. Ещё и сапожищами подкованными страждущих на ходу отпихивал.

Воронок, взревев на зависть всем окрестным звероящерам, рванул на север по мосткам пересекавшего Хуторье ручья.

– Пушай драпает, сдыхоть! – сорванный басок Водовита сквозил злорадством. – Камнями его!

Вампир прильнул к конской шее:

– Пшли б в Заземье, межеумки! Поубиваю ж ненароком!

Но в Заземье поселяне следовать не пожелали, даже в присоседившуюся Зелѐную Хмурь свернуть не подумали, а, сопроводив позорное отступление шквалом бросков, ломанулись следом вымуштрованной «свиньѐй». Видел бы то упырь – прослезился под впечатлением.

– Позѐмыш! – рывкнул он, явственно ощутив пустоту в притороченной к седлу кожаной суме.

В зашибленной голове шумело, по виску текло, а к рассе-

чѐнной скуле пристали волосы. Но заколдованную зверушку бросать в этой дыре не следовало.

Горноста́й с кожаным ошейником спутника кубарем слетел с конька ближайшей крыши, взвизгнув и заюлив в полѐте. Виритник изловчился ухватить его в воздухе, поразившись клятой меткости заполошных поселян, не иначе, на крысах всю зиму тренировавшихся.

Вампир намеревался возмутиться чуть очевиднее: порядку ради да в назидание потомкам пригрызть парочку особо ретивых остолопов иль саблей посечь. Но очередной булыжник крепко саданул беглеца по затылку, испоганив затею на корню.

Упырь, кратко охнув, ничком ткнулся в конскую шею, отчего жеребец лишь надал ходу, разворотив хлипкий плетень на выезде с селища.

Деян, провожая улепетнувшую в Холмы тень взглядом, сердито плюнул твари вслед:

– Конѐм обернулся, стервь! Истаял, что твой снег... и сапоги унёс!

Глава 2. Выжлец

Воронок гладким наметом нёс седока в Голые Земли – безлюдные просторы на юге Ветряного кряжа, где малые хребты-отроги сменялись холмами и плоскогорьем, а в вереске шуршал привольный ветер.

Над торфяными пустошами княжеским шатром раскинулся дочерна синий, звонкий небосклон, искристый от холодных звёзд в прорехах облаков. Над топляками Хмури его пятнали рдяные сполохи зарниц, а на востоке – мерклое зарево, источаемое Каменной Засекой, зачарованным рукотворным валом.

Чёрный жеребец летел через прошлогодний сухостой, кроша полые стебли, прочь от занозистых плетней и крикливых поселян, едкой вони людских жилищ и пролежавшего чуть в стороне разбитого тракта, пропахшего лошадиным потом и навозом. Хозяин, безвольным кулем обмякнув в седле, от падения удерживался лишь чудом и направлять воронка не мог.

Голые Земли к ночи превращались в поле волчьей, а то и волколачьей брани. Оголодавшие по зиме стаи грызлись меж собой с чисто людской непримиримостью. Край прослыл вурдалачьим, и славу ту вполне заслуживал. Упыри лютовали на торфяниках, с Зелёной Хмури, гиблых намороченных болот на западе, расплзалась и другая нечисть: жмари,

шиши, утопцы, мертвяки и карачуны, страховидла всех мастей, нахальные по безнаказанности, как пришлые негоцианты¹⁰.

Не планировал изгнанный поселянами вампир в такой компании ночку коротать. Собирался переждать до рассвета в Хуторье, а там в галоп до самого Поста, за день пустоши пересечь да на заставе вечерять с гвардейцами. Кабы не клятый балий.

В седле упыря растрясло.

Сознание возвращалось неохотно, окрестностью разочарованное. Да и кровь не спешила останавливаться. А пустошь вокруг, изрытая оврагами да непотребством колючим заросшая, наводнялась всё более характерным урчанием. Выкатившаяся на небосвод луна, щербатая и блеклая в предвкушении дозора, окатила холмы млечно-голубым, как саваны полуночниц, светом, картинкой не заинтересовалась и проворно нырнула за рыхлые облака.

Голоземье почернело.

Одухотворённый, переливчатый и густой, что каша, волчий вой заставил «еретника» укрепиться в сознании.

Беглец пощупал затылок. Ушибленная голова гудела, а пейзаж, затейливо темнотой задрапированный, но, погань такая, узнаваемый, навевал далеко не ласковые соображения. «Щас сбегутся, – понял путник. – Кровищей до самого Заземья прёт».

¹⁰ Купцы, торговцы.

Мысли свивались чёрными гадюками и в спасительный план складываться упрямо не желали.

На горизонте, всё ещё слишком далёкие, дабы послужить добрым знаком, обозначились занозистой чертой горы. Вампир стянул ворот туники, ёжась в распоротом неуёмными хуторчанами кафтане. По ночной поре проклятые пустоши индевели окороком в леднике, и пахнувший замороженным прахом северный ветер легко проникал даже под шерстяные плащи, подбитые мехом. Что говорить о суконной одежде.

Приметив не самый паршивый распадок, без признаков захоронений, вампир свёл коня по мшистому, зараставшему голубикой отлогу и даже принялся разводить костерок, когда в спину ударила волна дымно-сладкого воздуха, заморскими курениями провонявшего.

Путник отступил к нервно фыркавшему коню, проворно затоптав едва затлевший в ямке мох. Зыркнул на притороченную у седла саблю.

В Хуторье он нарочно не перевесил оружие на пояс, намереваясь тем самым усыпить бдительность впечатлительных завсегдатаев корчмы. Фокус не удался. Живущие промеж бескрайними гиблыми болотами и Голоземьем люди выучились воинственной осмотрительности. Рыжий молодец с дубьём чуть было не лишил вельможного вампира парочки зубов, а ушлый балий втихаря почти стянул один из амулетов.

«Еретник» сердито потёр саднящую скулу, отгоняя нава-

ждение: в глазах плавали и беспорядочно множились витиеватые узоры, а окрестность становилась всё неприветливее. Как в Голоземье очутился выжлец¹¹, выученный колдунами охотник за нежитью, он не знал. По Мрачным Холмам Псы не шарились, здешней нежити здраво опасаясь. Да и не мог шарлатан хуторской с букетиком поганок на груди такого переполоха поднять. Не чуял вампир в Хуторье иргибской шоблы.

Позёмыш, разделяя хозяйское настроение, нервно шебуршал за пазухой. Узкая мордочка ткнулась в воротник. Унюхав в стылом ветре волколаков, горноста́й неодобрительно чихнул. Юркий зверёк в кожаном ошейнике спутника, окольцованный обсидианом да в Каменной Розе клеймённый, на ярманке правиградской или в Златых Вёрстах Дзвенцска пошёл бы по цене табуна добрых коней. Позёмыша, как и всех спутников, взрастили чародеи в замковом зверинце. И заколдованный горноста́й отменно чуял враждебные чары.

Вампир нащупал рукоять сабли, ободряюще похлопав сердито всхрапывавшего коня по крупу.

Не по вкусу ночные прогулки по Мрачным Холмам ни колдунам, ни выжлецам. Вместо изничтожения злобной нежити опустевших земель те по городам промышленяют, оборотней оседлых ловят, вампиров-одиночек мордуют за со-

¹¹ Гончий кобель. Просторечное название Псов Иргибы на службе Семи Ветров, осуществляющих охоту за нечистью.

лидную плату. Да только каждую ночь в том же Затопье люди пропадают, да и в Горкморре, хоть за крепостными стенами, жизнь несладкая и короткая. Зато борцы со злом всегда свой хлеб с маслом имеют. А то и каравай с медовухой.

Ветер стих, а перед кровососом возник надменным припадением долговязый, поджарый колдун в подбитом кунице, узорчатом плаще, с дюжиной серебряных цепей при поясе да в кожаном ошейнике, травлёном чародейными письменами. Чуть раскосые лукавые глаза отливали холодной, светящейся во мраке синевой и слегка щурились. Зачаток недоверчивой ухмылки кривил губы. Зачёсанные назад русые вихры удерживала костяная фибула с Морской Змеёй. Хоть и с глазами морехода, ни дать ни взять, столичный кавалер из Семи Ветров, а в изничтожении виритников колдун поднаторевший.

К тому же, хорошо вампиру знакомый; Выжлецом за особые ратные заслуги прозванный и, вот диво, ничуть тем не тяготившийся. Хотя обыкновенно знатные колдуны презирали Псов Иргибы, за гроши выполнявших грязную работу.

Этот колдун был очень знатным, но с прозвищем смирился.

Нрав чароплёт имел для своего ремесла подходящий, ушлый, а ум – изворотливый. И всё же среди собратьев выгодно отличался сметкой, допускавшей подобие дружбы с объектами охотничьего интереса вне службы и приказа.

Справившись со спазмами да головокружением, «ерет-

ник» покрепче перехватил рукоять сабли.

– Здорово, Упырь, – помахал амулетом колдун, одёргивая полы щеголеватого плаща, запутавшиеся в сухих колючках. – Чё морду скорчил? Не признал?

– Признал, – пожал плечами вампир, позы не меняя.

Колдун отряхнул с броского, расшитого тесьмой кафтана несуществующие соринки и распрямился:

– Гуляешь, что ли, упырюга?

– Гуляет ветер по околице, я – путь держу, – мрачно буркнул тот, не понимая причин веселья. – Подойди поближе да поклонись пониже.

– Ого. Чего это мы не в духе? – Выжлец благодушно рассмеялся, пристальнее разглядывая помятого знаконца. Подвижное лицо отражало насмешливое недоумение пополам с любопытством.

– Спроси чего поумнее, – прозванный Упырём смотрел не ласково.

Колдун спрятал погасший амулет и огляделся:

– Ну да, Голоземье. Так ваш же, вампирий выгон¹². – Вампир поразмыслил, стоит ли намекать нечестивцу, насколько не ко времени его домыслы, но промолчал. – Ладно тебе, – миролюбиво продолжал колдун. – Это ж моя работа – не забыл, часом?

– Твоя работа мимо с распушённым хвостом бегаёт да по мою душу воеет, – напомнил Упырь прохладно.

¹² Пастбище для скота.

Неподалеку, ровно в подтверждение, недобро заворчал неупокоенный мертвяк.

Колдун пожал плечами, присев на корточки рядом с жалким кострищем едва в пядь величиной. Фыркнул, по достоинству оценив отопительные способности сооружения, со-страдательно глянул снизу вверх на Упыря. Позёмьш, высунувшийся из-за пазухи, нюхнул беллемлинских благово-ний, Выжлецов кафтан пропитавших, да и спрятался обрат-но. Вампир продолжал степенно разглядывать обомшелые кочки пологого ската, подчёркнуто избегая сочувственного взгляда колдуна.

– Я тебя в Хуторье учуял, – сообщил Выжлец, покачиваясь с пятки на носок в высоких сапогах из тонко выделанной кожи. – Думал, там и заночуешь. – Упырь не ответил. Выж-лец, подождав, понимающе хмыкнул. – Ускакать в Голые на ночь глядя без поклажи и плаща – даже для тебя странная затея. – Избранная колдуном ненавязчиво-вопросительная манера на Упыря никогда не действовала. Выжлец капиту-лировал: – Что за вожжа тебе под хвост попала, чудо клы-кастое? И чего ты какой... помятый? Скула разбита, весь в кровище...

– Люди, – невозмутимо откликнулось чудо. И, подумав, ехидно присовокупило: – Добрые, что примечательно.

Колдун присвистнул.

– Чё, так просто и напали? – не поверил он. Лукавый при-щур окончательно превратил синие зенки в блескучие щели.

– Ватажкой, – вампир с непроницаемым лицом развёл руками. – Балий им наплёл, что я колодец отравил.

– А ты травил? – подозрительно уточнил Выжлец.

Упырь покивал:

– Ещё бы. – Его глаза тоже воссияли. – Три ночи кряду в него плевал, чтоб уж наверняка. Потом ещё и помочился сверху.

Колдун рассмеялся, прихлопнув по коленям холёными ладонями. На узких пальцах переливался самоцветный перстень и гербовая печать. Гривна в ворота расшитой шёлковой туники призрачно мерцала. Все цацки Выжлец, не будь дурак, насытил колдовством загодя, иначе б и не сунулся в Холмы.

– И что, добрые поселяне решились на долинного вампира покуситься? – всё ещё не верил он. – Гвардейца Лучистого Стяга, Высшего по праву рождения?

Вампир лишь пожал плечами:

– Им-то откуда знать? Для них всё, что с зубами – еретник. – Колдун солидарно покивал. Упырь усмехнулся. – А что там с правами рождения – кто в долах да весях разберётся? Ежели при кошеле, и ободрать можно.

Лёгкий ветерок вкрадчиво шелестел в иссохшем вереске, клонил багульник и куцый, за зиму поредевший очерет. Лунный свет мазками серебра скользил по горбатым спинам притаившихся Холмов, вычерчивал скаредный рельеф, отблёскивал на слюдяной глади грязевых луж и распадков.

– Не скажи, – возразил Выжлец, подумав. – Ясновельможных здешний народ привечает.

Вампир спорить не стал. Лишь равнодушно потянул плечами, как обычно оставшись при своём мнении.

– И что, ты от крестьян драпанул вот сюда, в Голоземье? – допытывался колдун.

– Выбора особо не было, – признал Упырь хладнокровно и невзначай постучал пальцем по разбитой скуле.

Спина почти не болела, только в голове шумело, да затылок противно ныл. В целом, такое положение дел вампир находил вполне удовлетворительным, но просвещать Выжлеца пока не хотелось. Даже несмотря на унижительное сочувствие, без труда читавшееся на подвижной физиономии.

– Жаль, – взгрустнул в ответ тот. Только не понятно, о чём больше – крестьянском самоуправстве или упырьей несговорчивости. – Уж мнилось, грешным делом, Фладэрик встречи ищет, поумнел-одумался. Приятель, всё ж.

– Приятель? Встречи? – мрачно улыбнулся Фладэрик, впервые за долгое время слышав собственное имя. – Завязывай с грибами, Выжлец, мерещится тебе.

Искать встречи с крепкими, против вампирской крови травленными иргибскими кинжалами Выжлеца «еретнику» хотелось в последнюю очередь.

Колдун тем временем поднялся на ноги – физиономия, в ночи бледностью с упырьей сравнивавшаяся, вытянулась, подрастеряв былое дружелюбие.

– Ла-а-адно, ты прав. Какие мы приятели? Я Выжлец, верный пёс Норта, – и он медленно повлѣк меч из роскошных ножен, блестевших в полумраке серебром обоймиц да чеканного устья. – И за тобой охочусь.

Вампир мысленно усмехнулся. «Приятель», как же. Вместе бражку пили, вместе большак топтали, вместе девок тискали. Молодость-молодость, когда то было?

– Умный пёс не станет тявкать на всех подряд, – заметил Фладэрик, тоже сабельку обнажая.

Выжлец сердито сплюнул в вереск, вкрадчиво шуршавший под ногами.

– Чего ж ты от людей драпанул, краснобай бродячий? – ухмыльнулся помрачневший колдун.

– А чего, в болотине их всем селом топить? – поморщился вампир, уже жалея о внезапной доброте. – То ж люди!

– Экий благородный!

Чароплет проворным выпадом рассѣк воздух, однако обманчиво-флегматичной упырюги уже и след простыл. Озирая спину колдуна, укрытую складками изысканного плаща да размышляя между делом, а не слинять ли вовсе, вампир легко переступал по ржавому, обомшелому торфянику.

– Просто недосуг, – заметил он, не спеша с атакой.

Выжлец зарычал.

«Приятели» обошли вокруг почившего костерка, примериваясь, и ещё не известно, чем бы всё кончилось, если бы в многострадальный овраг разом не вывалилось с десятков ша-

ЛЫХ ВОЛКОЛАКОВ.

Фладэрик выругался в голос. Удача нынче от него отбежала в соседнюю светёлку, ещё и дверь чурбачком с той стороны подпёрла.

Глава 3. Волколаки

Голодные твари тарасили полыхавшие загробной прозеленью глаза, скалили обнесённые бурой пеной пасти, скребли когтями мшистый дёрн и нежничать явно не собирались. Всё, что пахло тёплой кровью или не успевало дать дёру по причине отсутствия ног – вполне годилось в пищу.

Упырь облизнул пересохшие губы: Выжлец – полбеды, побренчали бы железом, побранились для порядка, по старой дружбе; а этих только потрошить да жилы сечь, иначе до самого Поста жизни не дадут. Волколаки – настоящие, а не выдуманные суеверными поселянами – отличались диким аппетитом, буйным нравом и полным нежеланием покоиться в земле.

Огромные мохнатые подобия волков на непропорционально длинных лапах, причудливо выгибавшихся, когда нечистики приподнимались на дыбы, перебирая когтистыми, точно древесные сучья пальцами, нападали ночью и могли причинить массу неудобств зазевавшемуся, а тем паче безоружному путнику.

По поверьям, волколаками обращались проклятые, самоchinно испившие зелья или укушенные в дурную ночь. Но Фладэрик ни разу за свои сто лет не видал обратного превращения.

Под хищный клёкот влажного урчания над гребнем рас-

падка показалась кудлатая башка с бугристыми наростами вдоль черепа и горящими смарагдом зенками размером с пядь. Колдун, вслух возмутившись, благоразумно попятился к вампиру. Не сговариваясь, бывшие противники замерли спина к спине. Голодная нежить Голоземья не разбирала, упыря она глодает или высокопоставленным колдуном из Семи Ветров лакомится.

– Это чё за тварь? – хрипло уточнил Выжлец, поводя острием меча.

– Ваша работа, – ядовито откликнулся Упырь. – Познакомьтесь хоть...

Волколаки ленивой рысцой обходили овраг на жутких, неестественно гнущихся лапах, то приподнимаясь хрипящими столбами в полтора человеческого роста, то припадая к земле. Движение напоминало ритуальный танец, и круг сжимался.

Упырий конь взбрыкнул, оскалил желтоватые, совсем не по-лошадиному заострённые клыки. Глаза зажглись алым. На ремнях сбруи проступили отчётливые во мраке охранные узоры.

Колдун подсветил затаившуюся округу огненным снарядом. Светляк по крутой дуге ушёл в небо и истлел, не долетев пары сажений до распадка. Фладэрик насчитал с дюжину петлявших в низких зарослях теней. Рыча и огрызаясь, волколаки жарко дышали в унисон зловонными пастями и смотрели, не моргая, приседая и падая среди сухой травы.

– Стаей сбились, – проворчал колдун.

Вампир, безмолвно пришедший к аналогичному выводу, тоскливо помянул по матери негостеприимных поселян. Колдун, добровольно отказавшийся от ленивого досуга и всех прелестей уютных апартаментов по ту сторону равнины, клял своё поганое решение, на чём свет стоит.

Танец тварей всё ускорялся, урчание и гортанный клёкот сплетали шелест трав унылым плачем. Удушливыми волнами накатывали запахи гниющей плоти и сырого меха, нужников и застоявшейся болотной жижи.

Извлекая из-под узорчатого кафтана серебряную цацку с чеканным охранным знаком, Выжлец мысленно выплетал слова заклинания, пробуждавшие амулет. Фладэрик плавно поводил сабелькой, ловя на обоюдоострую елмань клинка случайные отблески небесных Князей. Путевые звёзды, над Голоземьем особенно яркие, с отстранённой плотоядностью наблюдали с подёрнутых сизой ряской туч, насупленных небес.

Чудища бросились внезапно и все разом.

Вампир закрутился на месте, отсекая саблей лапы и хребты, уворачиваясь от слюнявых пастей и чёрных, по-птичьи загнутых когтей. Выжлец, сосредоточенный на воспламенении рыцарской орясины, спасался колдовством, посылая в жутких тварей снаряд за снарядом с пламенеющей ладони. Здоровенный меч колдуна, весь в чародейских письменах, горел зарницей, но двигался без должного проворства.

Упырь с плавной стремительностью атакующей гадюки скользил среди цветных вспышек, сабля почти исчезла, превратившись в размытую шлею. Хрустели, переламываясь, кости, шипела опаляемая колдовством гнилая плоть, рычали, выли и огрызались волколаки. Колдун не то заковыристо ругался на родном наречии, не то сплетал особо сложный наговор.

Очередной снаряд взорвался многоцветьем у самых глаз Упыря.

Фладэрик попятился, ломая ритм. Почти упал в вересковые заросли и вовремя подставил локоть. Ощеренная пасть, возникшая перед носом, обдавала смрадом вывернутых кишков и ключьями бурой пены. Челюсти беспорядочно щёлкали в какой-то пяди от лица. Лобастый волколак легко, как котёнка, повалил Упыря на землю и рванул когтями. Задние лапы оскребли дёрн. Горностай, вывалившись из-за пазухи, опрометью стрельнул к коню.

Фладэрик разжал зловонную пасть, неловко перехватив саблю плашмя. Пальцы на осклизлой от крови рукояти разомкнулись. Вампир вцепился в смердящую дохлой псиной тварь обеими руками. Нечисть, сцепившись, покатила по поляне, путаясь в колючках и ароматном вереске. Зверюга рвалась к Упырьей глотке, беспорядочно загребая лапами, вампир давил волколака. Отмахиваясь горящим клинком и источавшей искры ладонью, колдун тревожно зыркнул на урчащий ком. Подпечённые волколаки отскакивали, тьякали,

огрызались, но бросались снова, отрезая его от прижатого к земле Упыря.

Фладэрик зарычал.

Зубы бестии на какой-то вершок не достали до физиономии. Вампир, извернувшись, засадил по-звериному вытянувшиеся когти в свалывшийся, липкий мех нежити под нижней челюстью. Кожа лопнула с влажным треском. Тварь захрипела и забулькала, суча суставчатыми ногами, когтями раздирая рукава кафтана на плечах. Упырь выдернул часть глотки вместе с окровавленным шматом жил. Волколак забился в корчах, поливая несостоявшийся обед гнилой кровью. Оскалив вытянувшиеся клыки, еретник отшвырнул тварь в кустарник. Подхватил почерневшую саблю и, кашля, вскочил на ноги.

Выжлец ухмыльнулся, собираясь прокомментировать зверскую гримасу, но не успел. Волколак прыгнул на чароплётца со спины, хватил за плечо, не достав до шеи двух пальцев. Исступлённо заурчал, клыками разрывая плоть, разгрызая вхолостую брызнувшую колдовством гривну. Колдун взвыл, локтем саданул нежить под рёбра, захлебнулся жуткой, сладковатой вонью. Попытался скинуть нежить на того, что подбирался сбоку. Но тварей оказалось слишком много. Вампир рассёк ближайшую зверюгу пополам, вывалив на дёрн лилово-синие потроха, блестящие от сизой слизи. Поскользнулся на умахённом кровью мхе.

Стая, чуя порванную плоть, обезумела.

Теперь чудовища кидались и друг на друга. Один сладострастно вгрызся в раскученную тушу на отлоге, другой уткнулся мордой в зловонную гору кишок. И влажно зарычал оттуда на попытавшегося присоединиться соплеменника.

Вампир завертел саблей, врубился в свору, рискуя засечь и незадачливого колдуна.

Истошно заорав, Выжлец подпалил вереск одним широким взмахом.

Фладэрик пригнулся, шарахнулся от огненных ручьёв, стремительными зигзагами полосующих окрестность. Припал на одно колено, предплечьями закрываясь от раскалённых шлей и жара. Дикий вой перешёл в визг, запахло печёным мясом и палёной шерстью. Гудел огонь. А окаянный чароплёт так поганил окровавленную физиономию зверскими гримасами, что напугал бы до икоты кого угодно.

Чудовищной силы колдовская атака выпивала жизнь подчистую и из самого кудесника. Лицо будто ссыхалось на глазах, щёки западали.

Намороченный пожар угас столь же внезапно, как и разгорелся. А сам колдун свалился навзничь в заросли багульника, как только издохла последняя обратившаяся самоходным факелом зверюга.

Пепельно-серый и едва живой, выглядел Выжлец скверно. Упырь, на ходу срывая пучок сухой, режущей пальцы травы и смахивая с клинка смердящую кровь, неспешно опу-

стился на корточках рядом. Отёр перо любимой сабельки о мох, бурый и жёсткий, несмотря на недавно сошедший снег.

Колдун, даже не пытаясь осмотреть рану, полулежал в шуршащих от каждого вздоха, одуряюще пахнущих кустах, и продолжал ругаться сразу на двух языках: родном и общем. Щегольской узорчатый кафтан набухал кровью из раскuroченного плеча. Что творилось со спиной, Упырь предпочёл не загадывать, но дышал Выжлец скверно. Пьянящий запах тёплой крови туманил голову, но Фладэрик лишь крепче стиснул зубы.

Позёммыш легко приземлился хозяину на плечо и проворно юркнул за пазуху.

Неубедительно подтянув драный ворот, Упырь поджал губы:

– Чего лежишь? – галантно полюбопытствовал он, опираясь о воткнутый в землю Выжлецов меч.

– Умираю, – процедил в ответ тот.

Вампир слегка отогнул воротник, тронул колдуна за подбородок, покрутив голову из стороны в сторону, критически осмотрел, прищёлкнув языком. Чароплёт не сопротивлялся.

– Не-а, – со знанием дела протянул Фладэрик, – в Армандирне починят. Меня там и не от такого латали.

– Ты дурак? – ощерился колдун.

– Драб Варьян? – вскинул брови, словно не понимая, еретник. – Далековато, но ты ж и перенестись можешь. Коли ша-

манами не брезгуешь.

– Угомонись ты, Упырь! – зашипел, морщась, Выжлец.

– Могу отвезти и ко Вдовьей Запруде, тут близко. Починят. Дальше, уж прости, не поеду. Поручение у меня, в замке ждут.

– Убей меня, Фладэрик, – простонал севшим голосом колдун, судорожно ухватив изгвазданную руку за запястье. Да ещё зенками воссиял так, что покойным волколакам и не снилось.

– Ты чё? – опешил вампир, отшатнувшись.

– Ты сам видел: он меня тяпнул, – Выжлец поперхнулся, бурно раскашлявшись. Рот обнесло алым. Лопнуло пару пухырей.

Чернявый ругнулся: насчёт спины всё верно мнилось.

– Ты чё какой суеверный? Это ж всё сказки, – вампир облизнул пересохшие губы. – Выжлец, ты наперёд меня знать должен.

– Твою мать! – просипел колдун. – Фладэрик, как побратима прошу! Я знаю, что будет...!

– Нашёл побратима! Я нечисть... поганая, – откликнулась она, хмуря высокий лоб. – Сам угомонись, колдун! Заштопают тебя в Запруде. Я заплачу и знахарей тамошних знаю.

– А законов наших не знаешь? – продолжая кашлять, приподнялся на локтях чароплёт. – Упырь, меня потом свои убьют. Начнётся скоро!

– Мы теряем время, – нетерпеливо обернулся через пле-

чо Упырь, сняв кисть с витой крестовины меча. Изысканно выгравированные чародейские письмена радужно мерцали, придавая оружию недостойно праздничный, легкомысленный вид.

– Сколько мы дрались, Фладэрик? – прошипел колдун с улыбкой, больше напоминавшей горестный оскал закусившего ядовитым омежником утопца. – Сколько выпили вместе? Удружи уж, убей меня! Не заставляй молить!

– Вот ещё, – фыркнул Упырь, не спеша подниматься. – Вспомни Миридик... красивое же место, чтоб его лешие на камне драли. Давай, колдун, надо встать.

Но тот лишь взвыл.

Локти, на которые Выжлец опирался, задрожали, богато изукрашенный кафтан на животе подозрительно темнел, ошметки форменного плаща столичной расцветки разукрасили кусток причудливой кровавой бахромой. И всё равно, живописнее прочего смотрелось обогрëнное плечо в обрывках крашенины. Да полусодранный, испещрëнный ллакхарскими знаками амулет верного слуги Семи Ветров.

Вампир понял: до Запруды они не дотянут. Выжлец уже одной ногой ступил за край.

Колдун, тяжело дыша, скривил рот:

– Слушай сюда, Упырь, – выдохнул он, пытаясь подбородком сдвинуть ремешок. Угадав порыв, Фладэрик, не чинясь, сорвал заколдованную удавку. На бледной, годы не знавшей солнца шее проступали кровавые письмена клятвы. – Вот

так. Прощай, обет Семи Ветрам, – колдун горько усмехнулся. – А ты... нечисть упёртая... слушай. Слушай теперь. Я... Я Ваа-Лтар, Седьмой колдун Сартана... А, пропасть! – оборвал он сам себя. – Короче! Я, Ваа-Лтар, сын Ваа-Знара, отрекаюсь от Семи Ветров, Наследника и клятв, ему принесённых... от мастерства и всех его... его даров! Князя свидетели, нет надо мной более его благословения... пропади оно пропадом! – Кровь текла по шее из раздавшихся порезов. Лицо осунулось и посерело под цвет иссушенной земли. – Знаю я, что ты – прелagатай коронный¹³, давно знал! Так слушай же, нечисть... Слушай и запоминай! То, что в Станбергваэре Огниффском творится, что правитель тамошний на Дитмара обозлился и оборотней грозит извести – это Семь Ветров... Норт! В Переправе эмиссар Нортов местного князька, Бренчишло, настропалил. Тот сюзерену челом ударил... и понеслось. А в Диколесье колдун засланный тоже подзуживает тамошних походом идти. На востоке... На Оборотенку напали вчера. Обошли Волочаны горкморским трактом, вдоль Засеки, ударили быстро. Разъезд, вроде как. Карательная экспедиция. Миридик стягивает Псов отовсюду, даже из-за Волнистых Гор. Нападение готовится... большое. Наследник собирается атаковать ваш Пост. Колдуны и чернокнижники Семи Ветров выдумали новую штуку! Особые... знаки. Калейдоскопы новые. Быть большой войне! Но... самое скверное... – Выжлец отвёл взгляд и зло скри-

¹³ Разведчик, согладатай; посланец

вился. Фыркнул. – Королева. То сам прочтёшь! Возьми! – Он неловко, локтем, с трудом шевельнув теряющей чувствительность рукой, рванул отворот кафтана. Вампир охлопал прокровившуюся тунику, вытащил несколько перекрученных свитков.

– И что это? – присвистнул Упырь при виде печатей, меряя колдуна подозрительным взглядом.

– Записи мои! Я ж сказал, Седьмой... колдун. А то – моя весточка Нурту, будь он трижды проклят!

– Неужто мне с самого начала всучить собирался? – уточнил Фладэрик, не пытаясь скрыть изумления.

– Нет, дурень ты, я тебя, предлагая, учуял и захватить обязался! Башку твою дурную в Семь Ветров привезти, желательно, вместе с прочими... частями. Но можно и без. Достал ты крепко Лилию, – Выжлец снова сморщился, снова закашлял. – Прознал Эрвар про твои подвиги... вестимо... – Кашель вспенил кровь в углах перекирвлённого отчаянной жестокостью рта. – Всех вас, лазутчиков острозубых, велел изловить да на спытки отправить: кожу сдирать, калённым железом печь да розгами драть. Чай, помнишь ты его забавы, – Валтар попытался презрительно плюнуть, но вязкая краснота лишь измарала гладко выскобленный подбородок, протянулась нитями по изуродованной шее. – Хватит... погань паскудная! Довольно я мучился... хватит! Помнишь, как мы рыбу ловили, Упырь? В деревне под Просекой, – неожиданно застонал он. Синие глаза зажглись сапфирами

в ночи. – А как в Аллесцэ «Под Каблучком» отдыхали... – Вампир поморщился, стиснул зубы. – Фладэрик, со мной покончено! По дружбе же прошу... я ведь тебе, прелэгатаю упырьему, сейчас такое отдал!.. От клятв отрѣкся! Окажи ответную услугу, убей меня... Я не хочу стать волколаком!

Вампир кивнул.

Опустился на одно колено, боком повернул саблю, мазнул пером, самым кончиком, по разодранной нарушенным обетом шее, обозначив неприкосновенность трупа для мелкой нежити, прочёл причитающиеся слова. А потом секущим ударом добил обмершего, стиснувшего кулаки колдуна. Сапфировые глаза, смотревшие в упор, моргнули и вдруг погасли, голова покачнулась, медленно скатилась вниз, промеж пол щегольского кафтана, колени конвульсивно дёрнулись и опали.

– Да осияет покой твой Великая Жрица, – едва проронил Упырь, не разжимая челюстей и уже размышляя, как посподручнее сбить тело. Возиться с сухожилиями не хотелось.

Выжлец, он же Валтар, или, на имтильский лад, как сам он порой себя называл, Ваа-Лтар, сын Вазнара из рода Варди – молодой, по меркам ремесла, колдун Сартана, происходил из Ставмена, материкового анклава солнечной державы Мореходов, но, поддавшись странной моде, избрал призвание иного толка.

Решил стать колдуном.

Учился в Миридике, наместничал в Ставмене, жил в пре-

стольных Семи Ветрах, не отказывая себе в удовольствии проехаться туда-сюда по озёрной равнине да по долине Окуня. Как выяснилось, докатался – или докатился – до ранга Седьмого колдуна. Людям не мешал, нежить шугал исправно. Сделался знаменит отчасти из-за приближённости к Норту, Алмазной Лилии Ллакхара, тирану Миридика. Едва Норт Адальхейн Эрвар, чтоб ему икалось, – распробовал власть, сразу зажал миридиканцев в стальной кулак, а значит, и островные города-деревеньки, столичный Шаа-Дан и родной Выжлецу Ставмен, вольные имтильские края.

Видать, не понравилось это Валтару.

А может...

Князь весть, с чего вдруг такая щедрость. Записи его ещё почитать и перепроверить надо. Сам Упырь чернилам не доверял, а коль уж случалась оказия, защитой соответственной обеспечивал.

Размышляя о причинах странного поступка, вампир аккуратно утопил окровавленное тело в ближайшей грязевой луже, понадеявшись, что та достаточно глубока, а колдуна утянет на самое дно. Туда же отправился и громоздкий меч чароплёта. Голову Фладэрик почтительно обернул остатками плаща. А вот кольца-кастеты да более-менее пригодные для нежити амулеты забрал – не пропадать же даром полезным побрякушкам.

Горностай недовольно попискивал за пазухой, так и не соизволив оттуда вылезти.

Спать вампиру расхотелось. Перед глазами всё ещё стояло бледное, изнутри высохавшее лицо Седьмого колдуна и яркие, вмиг побелевшие глаза. Ваа-Лтар, сын Ваа-Знара из рода Варди, заслуживал чего-то большего, чем зловонный топляк среди наводнённых нечистью Мрачных Холмов.

Словив воронка, Фладэрик забрался в седло, оглядел подпечённые колдовским огнём тела, обломанный очерет, заляпанный чёрной кровью мох, изжаренные потроха, кружевами растянувшиеся по вытоптанной прогалине, и задал коню шпор. Жеребец, прежде безропотно изображавший продолжение пейзажа, всхрапнул и ощерился, надал копытом дёрн, заплясал, звеня трензелями, и со скока перешёл разом на резвую рысь, удивив покачнувшегося в седле верхового.

Вампир размышлял, как быстро хватятся колдуна, и кто ещё мог знать о его ночной эскападе; ждут ли его возвращения в покоях преданные слуги или парочка девиц.

Окровавленное, иссохшее лицо и расширившиеся чуть не вдвое зенки не шли из головы. Фладэрик сплюнул в проносющийся под копытами коня вереск. Не забыл он паводок в деревне под Просекой. И Аллесцэ не забыл. А толку что?

Некоторые вещи нужно просто делать.

Глава 4. Калейдоскоп

Голые Земли – полоса овейных дурной славой холмов и пустошей – пролегали между равнинными лесами людско-го царства, владений Озара Косого, и Ветряным Кряжем, отсекавшим с южной стороны долину Олвадарани, королевство синеглазой Равнсварт. Суровые, негостеприимные края, изобильные лишайниками, колючим сухостоем, зарослями вереска, бездонными грязевыми лужами, смердящими ведьминым котлом, и расселинами в полторы сажени глубиной.

Редкие путешественники порой натыкались в Голых Землях на мрачные сооружения – кромлехи¹⁴ и менгиры¹⁵ периода Старых Войн, Тернеграда, а то и сотворения мира. А зимой, когда снег укрывал следы летних пиршеств изобильной и самовластной нежити, в Мрачных Холмах творились страсти похуже, чем в подгорных пыточных Семи Ветров. И волчьей войны оставались наиболее куртуазным мероприятием.

Проезжая вдоль правого рукава реки Олвадарани, для местных Багрянки или Рыжей, путники не раз замечали кровавые следы, ведущие в Голоземье, а то и находили причину появления оных под кустом.

Зимой жизнь в окрестных поселениях – Хуторье, Беглян-

¹⁴ Древнее сооружение, обычно круг из воткнутых в землю камней.

¹⁵ Вертикально стоящая каменная глыба.

ке, Дратве, Выжиге, – затихала. Даже в Горкморе и Саженцах, городищах крупных, против лиха укреплённых, с регулярным гарнизоном и справными крепостными стенами, народ предпочитал за эти самые стены носу без надобности не высовывать, ворота почём зря не открывать, а сидеть по домам да тавернам, изничтожая запасы под завывания суеверного певуна, пока тот на гусях да домрах наяривает, волчий вой за околицей перекрикивая.

Люд стервенел от наводнившего округу ужаса, так что с радостью отдавал последние гроши бродячему выжлецу, лишь бы тот предъявил парочку страхолюдных голов или припёр чучело оборотня, иногда – волчье, молью траченное да «героем» храбро из соседнего кабака умыкнутое. Горкморские доброхоты, как и бравое мужичьё из Саженцев, смотрели на подлог сквозь пальцы, неизвестно на что уповая.

По зиме северные оборотни редко выбирались дальше Волочан, предпочитая иные забавы. В отличие от упырей и вампиров. Фладэрик пожал плечами. Ну, пропадёт какой Микал Репка или баба Вторуша. Кабы по пьяни в яр упал, к мишке на паужин, или опята в кадушке ложными оказались, даром, что красные да крапчатые – никому б и дела не было.

И всё же мерещилось в Мрачных Холмах какое-то суровое, нелюдимое и неприятное обаяние. Особенно на закате, когда солнце кровавым пятном садилось в слоистые туманы Хмури, а с топляков летели протяжные стоны, песни

утопцев да болотников. Очерет на склонах полыхал, а там, дальше, в сухой осоке и скрипучем вереске мчались, свесив кровавые языки из жарких пастей, громадные северные волки, ночной кошмар Озаровых псарей. Или ковыляли, едва переставляя ободранные ноги, подвяленные в торфе мертвяки: люди их звали упырями, а вампиры – умертвиями.

Фладэрик оглянулся в седле, окинул взглядом кучерявую чёрную полосу перелесков равнины, где пролегали владения людей, не любивших ни зубастых гор, ни Вечных Льдов.

На востоке забрезжила первая зорька, вестница скорого рассвета. Небосвод светлел по кромке, наливаясь бледной позолотой, тягучей, что смола.

Первые лучи, черпнув разящего холода за исполинским провалом Колючего Змея, расколовшим равнину в незапамятные времена, запутались в сухой поросли Холмов, очертили уступами встающий на востоке массив Правобережья быстроводной Ларьи с его густыми рощами, буковинами и хорошенькими, будто резные игрушки, человеческими крепостями вплоть до самого Стародревья. Солнце, ленивое и медленное, как староста с похмелья, нехотя разметало парчовый подол над пыльными, едва пробудившимися от спячки долами.

Сквозь серую муть тумана, выползавшего из пепельных оврагов, клоками виснувшего на игольчатых ветках багульника и влажных мётлах высоких трав, лучи пробивались седые и палевые. Фладэрик свесился с коня, разглядывая вытоп-

таннный мох и прищурился, размышляя. С тракта безмолвные Холмы казались мёртвыми и пустыми. Привольные владения ночных бестий, волков и лис.

Изнутри же Голоземье настораживало свежепроторенными дорогами, совсем не похожими на путанные тропы умертвий.

– Хороводы тут, что ли, водили? – прикинул Фладэрик вслух, развлечения ради вообразив бранль¹⁶ на пустошах с нескладными мертвяками да чинно погладывавшими «лёгкую закуску» вурдалаками. Закуска вяло отбивалась.

Устало откинувшись на высоком седле, Упырь почесал скулу. Кровь – его собственная и волколачья, – высохла под ветром тянущими кожу чешуями, ровно брюхо престарелого дракона, и шелушилась коростой. Следовало бы спешиться и счистить мхом грязь хотя бы с лица, но вместо этого Фладэрик пустил чёрного жеребца ленивой рысцой, отстранённо покачиваясь в седле и размышляя о танцах.

При дворе Озара Косого, правителя Сердаграда и прилегающих территорий, на пирах принято было жрать, пока пояс не крякнет, и пить до поросячьего визга. После чего, обильно поливая брагой соседей, вскочить на стол и затеять танцы с запечённой кабаньей головой, либо учинить мордобой, а то и завалиться спать среди разносолов. И всё это – под визг дудок, бубнов да тимпанов, собачий лай, ор потешников и вопли девок.

¹⁶ Народный хороводный танец.

В Малом Яснополье, что в Нижних Землях Жеша, воевода учинял «седмицины» гулянья, где праздный народ упивался отваром грибов, покупаемых у травников с Чародеевой Пущи, после чего отплясывал в соседней роще, произвольно предаваясь блюду, дракам и, порой, самоистязаниям, с дубами да соснами бодаясь.

Музыкальные вечера в Огниффских замках редко обходились без нескольких бочонков крепкого вина, своры кобелей, жрущих прямиком с тарелок наравне с хозяевами, «молодух» и непременно поединка. Без кирас, верхом на тех самых кобелях. Менестрели, бродящие среди светопреставления печальными, источавшими скорбь призраками, щипали лютни и косели от хмельных паров.

Упырь усмехнулся: бранль умертвий среди вересковых пустошей Голоземья при таком соседстве выглядел вполне закономерно.

Позёмьш, угревшийся за пазухой, проснулся и нервно засуетился под туникой, напоминая нерадивому хозяину о необходимости подкрепиться самому и подкрепить прирученное зверье. Фладэрик вздохнул: хорошая затея. Без фуража Дух, пусть и зачарованный, зайдёт на местном сухостое, да и сам он не отказался бы от ломтика-другого строганины. Но где разжиться провиантом среди пустынных Холмов?

Спешившись в очередном овраге, Упырь расседлал косящего алым глазом жеребца, потрепал по лоснящейся, норовисто изогнутой шее, погладил, успокаивая, тревожно раз-

дутые ноздри. Привязывать или треножить коня не хотелось. Каким чудом хуторская коновязь не переломила воронку ног, вампир и сам не знал.

Фладэрик, облокотившись о седло, улёгся прямиком на мох и закусил прихваченный тут же венчик сухой травы, задумчиво уставившись в безбрежное небо цвета ляпис-лазури. Засыпать Упырь не собирался, но тело ломило после драки и жаркого приёма хлебосольных поселян, а голова тяжелела, ровно налитая свинцом. И веки потихоньку закрывались.

Солнце золотыми иглами лучей штопало пылящие холмы, точно мятую рогожку. И, судя по положению на принаряженном облаками небосводе, занималось этим уже с полдня.

Фладэрик, проснувшись от ноющей боли в затёкшей спине, нехотя стянул кафтан и рваную тунику, осторожно оторвал прилипшую рубаху, разглядывая ссадины и порезы. Гниль Упыря обыкновенно не брала, и всё же провалиться седмицу с лихоманкой тоже не хотелось, а значит в Посте лучше заглянуть к местному коновалу, что не слишком убедительно притворяется лекарем при крепости да гарнизон невозбранно приходит.

Полынно горький ветер теребил осоку на отлогах, заигрывал со спутанными, слипшимися от крови волосами и морозил кожу. Фладэрик цедил ругательства, обтираясь куском оторванного от рубахи подола, смоченным в остатках браги

из чудом уцелевшей баклажки.

В сумках нашлось немного вяленного мяса, завёрнутого в тряпки. Закончив скорбный туалет, Упырь разделил трапезу поровну: по полоске себе, горностаю и коню. Дух привередничать не стал. Позёмьш пару раз чихнул для порядка и укоризненно воззрился на хозяина антрацитовыми бусинами глаз, как будто тот нарочно выдумал полуголодную поездку среди прогорклых луж и вереска. Фладэрик пожал плечами, сделав вид, что собирается забрать подачку. Спутник стремительно образумился и вгрызся в тёмно-бурый шмат с подчёркнутым энтузиазмом.

Упырь удовлетворённо хмыкнул.

Валтаровы свитки, сберегаемые восковой нашлёпкой с оттиснутой Морской Змеёй, покровились и поистрепались. Разворачивая их на коленях, Фладэрик втайне уповал на размашистый почерк покойного колдуна. Не тут-то было. Валтар, клятый рукоблуд, питал нездоровую тягу к миниатюрам: писал убористо и тесно, словно пергамент тот уворовывал. Но что с мореходов взять?

Вчитавшись в ладно пригнанные закорючки, вампир присвистнул, бегло пробежал глазами несколько строк вниз, уже не прикидываясь полуслепым да малограмотным. На сентиментальные вирши писанина не походила. А вот на очередную холеру, в плетень незваной пожаловавшую, очень даже.

– Ясно, что за шальная блажь тебя из покоев вытащила да в Голоземье загнала... побратим-приятель, – мрачно по-

думал вслух Упырь.

Позёмьш солидарно тьякнул, пристраиваясь под боком. Но хозяин Спутника будто не заметил, в сердитом недоумении уставившись на пыльный вереск и далёкую, неприветливую черту зубастых гор. Поверить написанному удалось не сразу. И впрямь, война.

Прикинув расстояние до Поста, где можно накормить коня чем-то, кроме ядовитых колючек и высушенных трав, а заодно обсудить Выжлецовы откровения с командиром крепости, Сейраном, наследником семейства Милэдон, вампир проворно заседлал прядяющего ушами, нетерпеливого коня и поглядел на солнце из-под козырька ладони. До ночи оставалось ещё время.

Местность, где не болотила и не вспучивалась зловонными ключами, исходила прахом и коростой, ровно древний труп, коих тут залегло немало. Весь этот край, от Хмури до Заземья, когда-то вывернула наизнанку жестокая война. Безудержные чародеи былых времён надменно не задумывались о последствиях применяемых чар, размыкая Кромку мира и беспечно сманивая силы чужеродные на живую кровь. Зло курилось ядовитыми туманами над проклятой землёй, и призраки вставали над сухой осокой мёртвой ратью.

Где, как не в Голоземье, осознать всё безрассудство игрищ с обитателями Кромки? И тем не менее...

Упырь пустил коня резвой рысью, откинувшись в седле,

оглядывая пыльные окрестности: в ночи Дух забрал на восток пару лишних вёрст, умчав хозяина в самое средоточие угрюмых древних монолитов и луж, смердящих тухлыми яйцами. Кромлехи и туры неожиданных пропорций маячили среди вересковых кустов и побуревших трав, неприкосновенные даже для норовивших поработить Голоземье лишайников.

Коня в конце концов пришлось придержать, почтительно объезжая каменные сооружения и глядя строго мимо. Упырь не любил древние булыжники: мерещилось промеж них... всякое. А поймав пару раз отчётливые и не слишком радостные видения, вскоре паскудно оправдавшиеся, Фладэрик предпочёл впредь не заглядывать судьбе через плечо, дабы та, зараза мстительная, чем не отмахнулась.

Горы, сизо-лиловые в потёках льда, неспешно приближались.

Вскоре замаячил в холодной зыби Пост. Высокая куртина с зарешечённой аркой для левого рукава Олвадарани зигзагом уходила на север, к Прихоти – крепости, отмечавшей излом стены. В западной части зиял второй арочный проём для правого рукава, аналогично забранный решёткой из толстых брусьев. Исполинское сооружение некогда намертво запечатывало долину от южного Стилета до северного Клыка – скальных крепостей, названных в честь гор, в которых их прорубили.

Пыль вздымалась над Голоземьем зыбкой кисеёй, древ-

ние курганы сторожило вороньё. Подозрительная, звонкая и ломкая тишина давила на уши.

Конь шёл лёгким полугалопом, взбивая копытами высохший мох, когда Упырь резко натянул ремни, понуждая заплясавшего жеребца остановиться. Окрестность дурных предчувствий не обманула.

Фладэрик подался из седла, повёл ладонью над клонящимися под ветром сухими стеблями и, выругавшись сквозь зубы, отстегнул ножны с пассивных ремешков. Пришлось спешиться: Дух безобразничал, терзал грызло и молотил тяжёлыми копытами землю, не желая оставаться в дурном месте. Алые глаза выкатывались, как у перепуганной кобылы, чего с выученным воронком отродясь не случалось. Вампир, рассеянно почмокав губами и хлопнув пару раз по крупу, неотрывно разглядывал затеявшую недоброе округу. Холмы заледенели.

Валтар, курвин сын, Седьмой колдун Сартана, прогулялся в Голоземье далеко не первый раз.

Камни, слюдяные лужицы и стекло, опрятно разложенные ладненьким кружком, образовывали чёткий знак, глубоко врезаемый подрагивавшими нитями заряда в высохшую, изъязвленную мхом и спёкшейся травой свежую шалгу¹⁷.

Крепкое заклятье, леший бы подрал умельца. Коли погодить, вывернет наизнанку Голоземье вплоть до Ветряного кряжа. И кто-то оттуда да полезет.

¹⁷ Сухой лес или гора, где не растёт трава; здесь: бесплодное место.

Упырь медленно обошёл знак, читая витиеватые линии узора, пиктограммы и символы, накалявшие воздух. Большой колдовской круг проедал ткань бытия негашёной известью. Фладэрик опустился на корточки, пощупал взбугрённую землю, тихо выругался сквозь зубы.

Заступать за круг не хотелось. Но и просто оставить здесь колдовскую печать Упырь не мог.

От одного намерения кожа на затылке зудела и кололась, точно обожжённая, а потроха холодели. Но некоторые вещи нужно просто делать, напомнил себе Фладэрик, переступая границу калейдоскопа. Прошёл в центр и опустился на колени. Воткнул саблю, для того совсем не предназначенную, в землю, в средоточие поганых линий.

Запечатывало паскудный знак Затмение. Обряд трудоёмкий, мало кому ведомый и шумный, что базарный полдень. Мелкая нежить от него теряла последний разум. Даже оборотни дурели.

Но калейдоскопы ломали первичную структуру яви и отмыкали Кромку для потусторонних тварей, что похуже любого волколака. В военном деле подобные знаки часто применяли в качестве поддержки массированных атак. Но в чистом поле, среди древних каменюк... Розе, престольному замку Олвадарани, ни к чему колдовская напасть у южных рубежей.

К тому же, этот узор не походил ни на один из прежде виденных.

Упырь стоял на коленях, заранее готовясь принять отдачу телом. Воздух набряк молочным облаком, закружился обманчивыми завитками, мерцающими шёлковыми лентами. Сходясь к оголовью тонко зазвеневшей сабли, узкие шлейки струились вдоль лезвия, убегали в землю и снова выскальзывали, волнами растекаясь по рисунку. Линии узора загустели, взбухли белым, потом заискрились багрянцем.

Явь моргнула, крутанулась посолонь, встрепенулась в диком кульбите, перепугав коня ослепительной вспышкой. Дух плясал, вставая на дыбы, суча копытами, рыча и огрызаясь, но не смея оставить господина, окостеневшего в клубе потустороннего огня. Позёмьш истошно верещал, вцепившись в луку седла.

Вампир остался стоять лишь благодаря сабле, накрепко застрявшей в спёкшейся земле, и наследному упрямству, не позволявшему уронить себя ни в одном из смыслов. Лбом Фладэрик упёрся в раскалённое навершие, поочередно ругаясь и сплёвывая кровь с прокушенной губы. Вместо калейдоскопа вокруг чернел обугленный дёрн, смердело гарью, сырым железом и тухлым яйцом. Упырь, гадая, имелись ли у поганого узора братишки где в округе, поднялся на ноги, пошатнулся, переступая через взрыхлённый край, но устоял.

Дух отчаянно шарахнулся в сторону, едва не выдрав руку из сустава, стоило вампиру тронуть ремни упряжи. Фладэрик долго уговаривал и подбадривал воронка, но, в конце концов, повёл в поводу, окрестив бестолочью.

Солнце, поскучев и подрумянившись, неумолимо клонилось к горизонту, а горы так и не придвинулись ни на вершок.

Глава 5. Псы Иргибы

Лишь отойдя с десятков вёрст от оставленного на земле нездешним пламенем ожога, конь позволил хозяину забраться на седло.

Фладэрик, усталый и злой, как сам Тёмный Князь, смахнул с липнущего испариной лба спутанные волосы, устроился поудобнее и тронул пятками конские бока, посылая жеребца рысцой. Пахнувший иссохшей травой и мускусом ветер Мрачных Холмов холодными крыльями охаживал по лицу, вёртками змеями проникал под кафтан и тунику.

«Прогулка, достойная рыцаря Люкулы... со всей его волшебной придурью, – подумал Упырь, собираясь подремать и всерьёз мечтая добраться до клятого Поста хотя бы в ближайшую седмицу. – Заплутать в вампирьем околотке, в нескольких саженьях от границ отчизны. Великолепно».

Киноварь, расплескавшаяся вдоль кромки гор, поросших хвойным лесом, выцветала, растворяемая черничным вином темнеющих небес.

Ночь шёлковым покровом опускалась на Холмы. Едва сошедший снег обнажил белеющие кости оставленных без погребения воинов и бродяг, седую, проржавевшую осоку и северные мхи, напоминавшие парчу и драгоценный соболиный мех богатством вычурных узоров. Сумерки скрывали всё, обращая мрачные горбы волнами.

Фладэрик всматривался в темнеющий пейзаж без малейшего воодушевления.

Взгорье, сменявшее сизо-лиловые пустоши, воняло мертвяками. Вампир, едва прикинув, как сократить оставшиеся вёрсты, внезапно вылетел из седла назад и вбок. Но умудрился прихватить саблю и, чудом не сломав ни шеи, ни конечностей, кубарем откатиться в сторону.

Поперёк кафтана тлел след Хомута – боевого заклятья, активно используемого выжлецами.

– Еретник! – окликнул мрачный, сорванный басок.

– Упырь, – поправил Фладэрик, распрямляясь.

Дух отступал боком, нервно храпя и отплясывая. Хозяин с удовольствием бы к нему присоединился.

Выжлецы, по обыкновению сбивавшиеся ватажкой, разительно отличались от щеголеватого Седьмого колдуна, прозвище которому обеспечили своим призванием. Пятеро молодцеватых отморозков, косая сажень в плечах, ни тени разума во взоре, восседали на гривастых тяжеловозах, грузных и могучих. Сами дюжие, что бугаи, и вооружённые. Подле них Упырь, мечник, большаком возвращенный, казался чахлым недорослем.

При колдунах Псы выполняли роль ищеек, жутких, отменно выученных тварей на сворке Семи Ветров. И спускал их Миридик с лёгким сердцем, без промедления. Выжлецы загоняли добычу и объезжали территории дозором, в основном, шайками, отчего-то прозванными отрядами в Иргибе –

южном, выросшем на отшибе поселения, где диво сие пестовалось и дрессировалось. Ни размер оных, ни состав нигде не оговаривался, а порядка формирования не существовало. Кружки собирались «по душевному родству», в окрестных хуторах да весях обрастая сподручниками, падкими до разбоя и пьянки. Служба избавляла от губной избы¹⁸ или шибеницы¹⁹. А потому лиходеев среди рыцарей света и добра делалось всё больше.

Кто посметливей, предпочитали солдатскую службу в Сердаграде, дружину местных князьков-наместников или, на худой конец, наём к обозникам-торгашам, гонявшим караванами товары по лесам.

Выжлецы же пользовались дурной славой. И в игрищах Семи Ветров, состязавшихся с вампирской долиной Олвадарани да Триединым господарством оборотней, становились разменной монетой или козлами отпущения. Гвардейцы Лучистого Стяга, даже самые последние дурни и пугала, из коронного замка отродясь носа на равнину не казавшие, запаршивевшая аристократия, выскочки из мелкопоместного дворянства, охотников надменно презирали, и за людей не почитая, не то, что ровней. Упырю же Иргибские Псы, за вычетом откровенных душегубов, куда больше напоминали людских защитников, чем холёные колдуны, вынужденно поднаторевшие в вероломстве.

¹⁸ Помещение присутствия губного старосты, здесь: аллегория суда.

¹⁹ Виселица.

Голоземье шелестело в предвкушении поживы. Псы, хму-рясь, мрачно тискали вооружение, выкованное мастерами кузнецкой слободы Иргибы да супротив виритной крови заговорённое.

– Ты поучи, поучи нас, стервь, – невидимо в сумерках ослабился здоровяк с буздыганом²⁰, легкомысленно при-строенным на плече побочной головой.

– Приходится споспешествовать, коль выжлецы невеже-ственные пошли, – развёл руками Фладэрик.

Ватажка выглядела скверно и грозила неприятностями, очевидно, частенько промышляя разбоем.

– Ты не мудрой, клыкастый, лучше саблюку скидавай, – посоветовал грузный молодец с огромным родимым пятном на бычьей шее, метким плевком сбив хрупкий стебелёк у са-мых Упырьих сапог. Водянистые зенки, впотьмах белёсые, тарасились плотоядно.

– Может, ещё сплясать? – мрачно улыбнулся Фладэрик.

Тот, что возвышался посередке, в поддоспешнике да смаз-ных сапожках, неизвестно с кого снятых, рассмеялся:

– Ну, хошь, спляши. Мы пособить могём. Жаль, дерев подходящих нетуть. А вот верёвочка найдёс-ся!

– Весьма признателен, – кивнул Фладэрик. Тянул вре-мя вампир намеренно. – Отрадная и неожиданная услужли-вость. Знать, не все так скверно в Иргибе, коль такие курту-азности в ходу.

²⁰ Булава с шипами

– Чего разлаялся? – рявкнул пятнистый, сердито зыркнув на болтливового товарища. Еретник усмехнулся чуточку отчётливее. Цепкий взгляд скользил по мрачным битюгам. – Сказано, бросай мечугу... да энто... цепи сымай! Неча тут твякать!

– Твякать – это по вашей части, – согласился Фладэрик, словно невзначай разминая плечи и запястья.

До Поста было рукой подать, но драпать Упырю надоело. А вооружённый разъезд псов у самых границ вампирьего королевства, да после обнаруженного в Холмах знака, бесил откровенной наглостью.

– Падаль виритная! – выругался поддоспешник.

– Вымесок ерохвостый! – поддержал доселе молчавший бугай с бердышом.

– Поторопись, железнозубый, – самый старший и, как ни странно, самый щуплый, почти не разжимал спекшихся в тонкую черту губ, отчего слова цедились медленной, нечленораздельной гнусью. – Не искушай судьбу да парней не зли... то чревато.

– Чревато с упырём в Холмах задираться, – указал Фладэрик, надменно вскинув подбородок. – Я не купчик сердаградский и не холоп. С какого ляду мне вам сдаваться?

Вопрос выжлецов отчего-то не порадовал.

Детина с бердышом, сквернословно гавкнув, перехватил древко обеими руками. Здоровяк снял буздыган с плеча. Застрекотал во мраке взводимый арбалет. Упырь ощерился,

вдыхая заострившиеся ароматы дублёных кож, металла, конского и человеческого пота, солонины, которой молодцы вечерами... и колдовства. Медовый, терпкий дух тёк от земли, из рваных кружев мха и шелестящих вересковых кустов, из расколотых камней и дёрна. Но удивляться новому оттенку было некогда.

Ужель прознал Эрвар про измену Седьмого колдуна? Или его безвременную смерть почуял? Ведь если в Голоземье творили гоэтические ритуалы, дозорные разъезды выжлецов могли привлечь лишнее внимание. С другой стороны, знаки должен был кто-то охранять. Но обезвредить калейдоскоп Фладэрику нынче не помешали. Так что или кого, забыли в Голоземье Псы Иргибы?

Выжлецов обучали ратному делу скорее пыльные большаки, чем мэтры фехтования, потому стиль боя не отличался изысканностью. А булавы в арсенале встречались куда чаще привычных Упырю клинков.

«От дубин не так легко отвыкнуть», – насмешливо подумал Фладэрик и пару раз крутанул саблю, пластая сгустившуюся ночь на пробу.

Князя мерцали в небесах, холодные и равнодушные. Над Мрачными Холмами протяжные распевки волчьих стай сплетались с шелестом сухой травы, рычаньем, свистом и молодецким уханьем раззадоривавших себя богатырей.

Сабля, ретивая сестрица, секла ловчее, а двигался вампир куда проворнее двужилых битюгов, и всё же сравнять

шансы никак не получалось. Лезвие бердыша прошло в какой-то пяди над макушкой, а буздыган почти достал плечо. Упырь, отпрыгнув из-под удара, перекатился боком, подскёк ноги поддоспешнику и, поднимаясь, накрест перерубил шею. Отсечённая голова покатила по отлогу, мягко подсакивая на кочках. Тело, нелепо растопыбив руки, рухнуло ничком, забрызгав алым взревевших Псов.

Сухо щёлкнул арбалет.

Фладэрик увернулся от болта и с разворота по диагонали отсёк широко замахнувшегося бердышом ратника, рассадив туловище от ключицы до бедра. Одна беда – буздыган в тот момент тоже не прохладился.

Упыря сбили с ног, ткнули булавой по темечку, а обухом – аккурат в живот. Правую руку опалило болью. Медовый дух окутал вымоченным в лекарственных настоях саваном. В боку горели угли. Тело отнялось. Вампир изумлённо вытаращился на небо, где зашатались, заплясали путевые звёзды. Где заметала шитым серебром подолом Жрица, милостивая спутница Князей. Где распустились подобием ночных огней лиловые и изумрудные зарницы. А из Холмов навстречу им попёрли мертвецы.

Глава 6. Похоронная Седмица

– Нешто дышит? – протянул елейный отрок в буйных кудрях, чумазый, как стены землянки, солдат гарнизона, шупая вывернутую, скользкую от крови шею соплеменника. По всем видимым признакам, вроде переломов и чуть не вываленных потрохов, соплеменник тот выходил свежепреставленным. Но отчего-то, стервь такая, ещё дёргался. – Глянь, Астаз! Экий он живучий!

«Живучий» глухо захрипел.

– Ещё повремени, и он своим ходом околеет, – отозвался Астаз, плечистый молодец немногим старше кудрявого недоросля.

Портили его лишь синяки под покрасневшими от дыма и вина глазами и многодневная щетина. Выдернув стрелу из выжлецкого горла, Астаз брезгливо свалил тушу в занимавшийся костёр. Переложенный мхом сухостой охотно тлел и столь же охотно смердел, дымя курганом, так что дюжие ратники, сваленные горой, больше коптились.

– Нашёл невидаль, – буркнул Астаз, вытирая пот предплечьем. От кафтана разило плесенью и псиной, так что облегчения жест не принёс, лишь размазав вонючую грязюку по лицу.

– Да ты б тоже ошалел, кабы он тебя больше, чем дырявый выжлец, занимал, – обиделся отрок, суеверно прислушива-

ьясь к влажным хрипам из раскучоренной груди. – Глянь-ка, дышит. Как только мозг не вытек?..

Хозяйственный Астаз, сердито плюнув в дым, обернулся и грозно сдвинул густые брови:

– Не признал его?

– Больно тут узнаешь, – проворчал солдат, стараясь особо не приближаться к телу. – Морда вся в кровище.

– Чего тебе морда? Девица, что ли? – Вампир наморщил лоб, изловил присмирившего воронка. – Вон, знак родовой, цепи да серьга в левом ухе, – указал он и крякнул, поднимая тяжёлого, как мельничный жернов, Упыря.

Чёрная зверюга понуро притворялась шёлковой, кося шальные зенки на бездыханного хозяина. Цедя проклятья, Астаз перекинул сипящего соплеменника через седло.

– И чего мне его побрякушки? – не понял отрок, шмыгнув простуженным на крепостных стенах носом.

– Побрякушки, – передразнил мрачный Астаз, размышляя, как закрепить безвольную ношу в высоком седле. – Старшой Адалин, Фладэрик. Должен был наднесь вернуться из окрестностей Миридика. Уж нарочный с запросом навевдывался. Мессир Гуинхаррэн злится, Её Величество тревогу бьёт.

Упырь, кое-как устроенный в седле, влажно хрипел. С порванных губ на подбородок сочилась вязкая тёмная кровь.

– Тревогу? Что так? – нахмурился отрок, с куда большим участием воззрившись на распотрошённое нечто, поимено-

ванное старшим Адалином. Фигурой известной и даже легендарной. Слухи вокруг Фладэрика вились вороньими стаями и часто подтверждались. А нынешний жуткий вид наводил на самые безрадостные размышления.

– Постелька простыла. Да будто ты не в курсе! – огрызнулся Астаз, ломая обветренный рот в небрежной ухмылке. И, подтянув ремни, выругался: – Зараза! Ведь верно, шас дух испустит. Надо в Пост! Шибко!

– Куда там! У него башка пробита! – осознав беду, заныл солдат.

– И твою пробьют, если мы эту стервь не спасём, – припечатал вампир, поспешно подзывая праздно стерегущих окрестность лучников. Дюжина встрепенулась. – Пригляди-те, чтоб прогорело! – распорядился Астаз, заскакывая в седло. Акация, любимая серая кобыла в белых яблоках, норовисто склонила точёную головку, заплясала на вытоптаных кустах. – Ходу! – прикрикнул вампир, мягко тронув конские бока. – Н-но!

Акация всхрапнула и сорвалась в галоп.

В Голоземье, гиблых лиловых пустошах, что подъедали пегие от лишая отроги с юга, не следовало оставлять неприкаянными тела ни соплеменников, ни врагов, даже под самыми крепостными стенами. Проклятое место плодило беспокойных умертвий, как иной подпол – крыс.

Возглавляемый Астазом, обмелевший отряд долетел до Поста в полторы лучины.

Гарнизон Прихоти не сразу сообразил, что творится на сумеречных Холмах. Зажжённые над брустверами²¹ огни освещали лишь подножия стен да рокочущий алый поток рукавов Олвадарани. И вряд ли караульные подоспели бы в срок, кабы не «живучесть» Упыря и странные зарницы, внезапно полыхнувшие над мёртвыми холмами.

Стена встретила верховых гробовым молчанием.

Исполинское крепостное сооружение – памятник обстоятельной домовитости праотцов – высылось рукотворной отвесной грядой промеж двух кряжей, преграждая устье долины. Стоявшую особняком скалу, называемую Ястребиным Когтем и приходившуюся на излом стены, древние зодчие укрепили крепостью с кургузой башней правильной прямоугольной формы, увенчанной плоской, зубчатой макушкой и деревянной конструкцией для дозорных. Крепость нарекли Прихотью и с самого основания редко перестраивали, отчего она, далёкая и мрачная на фоне пепельных небес, хранила отпечаток суровой и грубой воинственности прославленных в балладах эпох.

От Когтя к северу уходила вторая часть Поста: стена, расчёрченная угрюмыми башнями на равные отрезки и терявшаяся в тумане Лунного кряжа. За пару дней по парапету можно было, не спускаясь в долину, проехать верхом от Стилета к Клыку, что замыкали хребты по обе стороны.

²¹ Так же парпет. Внешняя стенка, венчающая крепостную стену, за которой укрываются обороняющиеся.

Ворот укрепление не имело.

Отряд, тем не смущаясь, мчал аккуратно в Стиллет, не сбавляя ходу. Грозная вершина скальной крепости, чудовищным медведем-шатуном вздымавшаяся над головой, злорадно наблюдала. Астаз неизменно чувствовал на себе её холодный, злощущий взгляд. И уговоры тут не помогали. Вампир не сомневался: скала его ненавидит. И каждый раз, с размаху влетая в седой монолит, минуя зачарованный порог, он ждал, что именно сегодня фокус не сработает, и кто-то не досчитается рук-ног.

Секрет древних зодчих коронные любомудры открывать не спешили, снабжая лишь краткими инструкциями, отчего процесс не становился приятнее. «Сие есть тайна», – важно говорил Коронный Чародей, выпячивая колесом затянутую в парчовый кафтан грудь. И тыкал перстом в небо, будто сам ту тайну сочинял. Астаз подозревал, поганые чароплётцы и сами не понимали, что именно сотворили праотцы, и надо ли заклятье подновлять.

Изнутри Стиллет напоминал полость улья.

Отряд остановился посреди просторного зала пяти саженьей в высоту. Каменные стены, изъязвлённые обрешечёнными ходами, с искусной скрупулёзностью прорезали узорами древние письмена. Меркло светящаяся, хитроумная вязь испещрила полированный монолит. Понатыканные тут и там факелы исправно чадили и куда скромнее рассеивали привычный полумрак.

Исполинский холл выступал в качестве передового двора, где нежелательные посетители разом отправились бы под раскалённую смолу. Соответствующая конструкция, устроенная под самым сводом, приводилась в движение с укрытых на верхотуре обходных галерей и вызывала у Астаза не меньшие опасения, чем зачарованный вход. Брусья морёного дуба, железные цепи, ворота и лебёдки снизу казались хлипкими и несуразными, опоры – шаткими, а огромные жбаны – чересчур тяжёлыми.

Вампир предпочитал не смотреть вверх без нужды.

В разные стороны от двора разбегались за подъёмными решётками кроличьи норы улиц, отродясь не выдававших солнца. Свайные подъёмники из древесины железняка, скрипя и позванивая цепями, воскрешали в воображении образы орудий пыток и казней.

Бездыханного Фладэрика устроили на сооружённых из плащей носилках, подняли ярусом выше и уложили в высокой комнате с глухими сводами, соседствовавшей с кордегардией.

Астаз хмурился. Златокудрый, подозрительно нежной наружности «командир» на вид едва разменял двадцать вёсен от роду и, разогнав сквернословный дозор, наперебой спешивший «доложиться», тело осматривал уж слишком заполошно. И выглядел немногим живее, чем окровавленный, что-то бессвязно хрипевший Упырь.

Оборванный терракотовый кафтан и зелёную тунику при-

шлось срезать кинжалами, щадя выдернутые из суставов руки и рваное брюхо. А вот ременную перевязь и форменный, клёпанный пояс с цепями порезать Астаз белобрысому отроку не дал. Ругаясь и сопя, осторожно снял сам и уложил на сундук.

Под рубахой, мокрый от хозяйской крови, нашёлся трясущийся спутник. Зверёк не сразу очухался в астазовой руке, но не преминул куснуть за ладонь.

Разглядывая костенеющий остов из-за плеча золотоволового «командирчика», вампир окончательно помрачнел и решил с балаганом завязывать. Шутка ли: любимца королевы замучить.

Унимая вопящего, ужом выющегося Спутника, Астаз посоветовал белобрысому «командиру бастиона, старшему вампиру крепости» больного перепоручить владеющим лекарским ремеслом и звать из долины гарнизонных. Потому что, коли язва чернявая околет тут в «школярскую седмицу», безутешное Величество всенепременно поснимает головы всем причастным, в том числе, и самому Астазу. И разбираться никто не станет, школяр ты или Смотрящий, от скуки перебравший с хмельным и потому за караульными не доглядевший.

Мероприятия эти холерные Гэдэваль Лаэрвиль, недоброй памяти канцлер Стударма, учебного заведения для отпрысков именитых родов и особо отличившихся умников, хвала Князьям, устраивал редко. Вельможным ученичкам предла-

галось поддерживать порядок в очищенной от постоянного гарнизона цитадели. Вопиющая неосмотрительность со стороны мессира канцлера. Хорошо, строили древние крепости на века.

Астаз сердито скрипнул зубами.

Горе-студиозусы половину срока ожесточённо бездельничали на вольных хлебах, в относительной безопасности от розог наставников, а вторую, осознав последствия, пытались оные устранить. Трех с обморожением увезли на телегах, двое отравились, один свалился со стены в потёмках. Не обошлось и без драк.

Но апофеозом стал этот проклятый Фладэрик.

Караульные, заметив на пустошах зарницу, до последнего надеялись, что это мертвяки добычу делят. Пока Астаз Валдэн, Смотрящий Стилета, для порядка с недорослями оставленный, не вышел на стену помочиться да оказию ту не расшифровал. Весь многодневный хмель с Валдэна тогда как рукой сняло. Караульные, балагурившие на стене, получили по шеям. А Астаз поднял дюжину и выехал в Холмы. Успели они чудом.

Воюя с кусачим горностаем, Валдэн потопал обратно в холл, костеря постылый молодняк и на ходу сочиняя послание в Розу.

Командир-златовласка, тем часом, над полумёртвым собратом уговаривал призванного «лекаря» – такого же зелёного и впечатлительного – поторопиться и, полыхая лихора-

дочным румянцем, обещал люлей в случае неудачи.

«Целитель» смотрел ошалело, обходил тело широким суеверным кругом, чесал в маковке, кряхтел и воровато косился по сторонам. Вонявшие потрохами и болотиной тряпки он сбросил на пол, а туго скрученный, прокровившийся свиток, разглядев странные печати, всучил подоспевшему с повязками да мазями гарнизонному. И наказал передать команду. А лучше, отослать непосредственно в Розу, Величеству лучезарному лично в белы рученьки.

Вычищать раны, сшивать плоть и накладывать смердящие териак²² повязки пришлось долго. Пепельный от пережитых страстей целитель уже мысленно прощался с головой, когда в дверях показался солдат в стёганом кафтане с полосами чёрной кожи по рукавам и значками постоянного гарнизона Прихоти – увенчанной тремя башнями стеной на серебристом поле.

– Что это? – возмутился гвардеец, не совладав с первым впечатлением.

Лекарь мрачно шмыгнул носом:

– Хворый, – буркнул он, не поднимая глаз.

– Вижу, что не здоровый, – хмыкнул солдат, не без опасения косясь на врачевателя. – Он тебе что, денег должен? Или сестрицу обесчестил?

– Не смешно, – обиделся лекарь, смотреть на дело рук своих тоже по возможности избегая. – Я всё, что мог, сделал...

²² Лекарство, универсальное противоядие. Здесь: целительный декокт.

– Это-то и настораживает, – согласился гарнизонный. – Чародея во всём Стилете не сыскали?

Сочувствие сквозило ехидством, так что лекарь только, потупившись, уныло колупал носком сапога пол. Лучистый²³, осторожно пощупав синюшное плечо, передёрнул собственными. Вампир на столе глухо стонал и кровоточил.

– Он в северной части, недалеко от Клыка: парней холерина забрала, – лекарь развёл руками. – Не ждать же!

– Это да, – протянул гарнизонный, потирая гладкий подбородок. – Астаз тут вообще? Ничего не говорил? – Лучистый навскидку провёл рукой над изувеченными плечами. Жилы сами собой зашевелились. Оттенок синевы слегка переменялся.

– Наказал Микэлю за вами посылать, – отчитался лекарь стылым шепотком. И, ответа не дождавшись, прибавил: – Тут только школяры. Седмица же.

Гарнизонный скрипнул сведёнными челюстями, распрямился и покрутил затёкшей шеей:

– Не иначе, похоронная, – пробурчал он сердито. – Кто решётки на Малом Обходном заклинил? А южный подъёмник поломал? Был бы Милэдон, башку бы снял... остолопам, – явно придержав выражения, солдат угрожающе зыркнул на побелевшего лекаря. – Наигрались, так валите отсюда! Командир же приказал возвращаться.

Отрока как ветром сдуло.

²³ Гвардеец Лучистого Стяга, гвардии долины.

Лучистый проводил того мрачным взглядом и, насвистывая под нос пошловатый мотивчик «вдовушки» – крестьянской песни о похождениях весёлой молодки, – деловито перетряхнул сваленные на полу тряпки. Изобильная коллекция периаптов²⁴ привлекала внимание. Зачарованные цацки в Златых Вёрстах Дзвенцска, до которых ещё поди доберись, стоили целое состояние. А шаманский навенз²⁵ Драб Варьяна и вовсе не заполучить без высочайшего благоволения старшего Ведуна, вредного, что сам Тёмный Князь.

Натёртый пахучими мазями, замотанный вмиг прокровившимися повязками Адалин глухо застонал.

Гвардеец, усовестившись внезапной меркантильности, стибрил всего одну серебряную цепочку с подвесом из оникса, окинул соплеменника сочувственным взглядом и решительно удалился.

²⁴ Амулеты, обереги. Заколдованная вещь, наделявшая обладателя сверхъестественной силой.

²⁵ Узел-оберег.

Глава 7. Стиллет

Седой туман пах мёдом и сухой осокой.

Палевый разлив ласкал колючие холмы, куделью растянувшись по отлогам, карабкался среди лиловых островков вереска, метёлок очерета, завитков папоротника и розеток дурнопахляна. Отрезами изысканного шёлка льнул к ноздреватым монолитам ледяных камней кромлеха. Грубо обтёсанные плиты вставали хороводом вокруг холма. А в воздухе петляла тихая свирель.

Фладэрик оглянулся, пытаясь вспомнить, как оказался среди проклятых камней. А заодно и определить источник звука. Пастушеская флейта тлела потайной печалью. Он стоял в самом центре большого круга. Узор из белых, гладко окатанных камней, оттенённый ярким мхом, спиралью разбежался под ногами.

Свирель манила и баюкала. Дурманил голову медовый аромат.

Упырь заметил тени, переходящие от монолита к монолиту за внешним кругом исполинских каменюк. Ломаные силуэты качались, будто танцевали среди тумана и пахучих трав.

До Фладэрика донёсся тихий, едва уловимый смех.

В прозрачных облаках, мерцая и двоясь, скользили звёзды. Очень быстро, точно кто-то сматывал в рулон парчо-

вый полог неба. Зелёные небесные огни переливались и дрожали. Адалин потрянул влажными волосами, посмотрел на окровавленный, изрезанный кафтан, на вывернутые руки. И с удивлением отметил, что вряд ли смог бы держаться на ногах в таком состоянии.

– Ты себя недооцениваешь, Упырь, – насмешиливо заметила Валтарова голова, подкатившись к сапогам.

Рот колдуна кривился в подобии усмешки или оскала. Волосы впитали столько крови, что хвост почернел. Синие глаза полыхали, как Ставменский маяк.

В медовом аромате проступила соль. Холодный ветер причесал шипящий очерет.

Фладэрик наклонился и двумя руками поднял ледяную, липкую голову Седьмого Колдуна.

– Зачем ты это сделал, Выжлец? – спросил Упырь хрипло.

Голос не повиновался. Звук вышел тихим, точно шелест сухой листвы по шапке погребального кургана.

– Сделал что? Калейдоскопы? Так то была моя работа, – засмеялась голова. Слепые зенки разгорались всё ярче. – Мой долг по обету. Служить Семи Ветрам и Эрвару, Алмазной Лилии Ллакхара.

– Вы разомкнули Кромку, Валтар, – нахмурился вампир. Колдун захохотал:

– Нет, Упырь. Это сделал ты. Твоя сабля проткнула явь и запечатала наш знак. Твоя рука сжимала рукоять. Теперь

ты Кромешник.

– Какая чушь... – слова застряли в горле.

*Кромешник? Страж и заложник Кромки, нечистый дух.
Сказка, какой пугают непослушных мальшей.*

*Танцующие тени скользили всё быстрее. И звёзды превра-
тились в метеоры.*

– Узнаешь, Адалин. Всё узнаешь.

*Голова Седьмого Колдуна вдруг загорелась, опалив
нездешним пламенем лицо и руки Упыря, изжарив грудь и
потроха.*

Фладэрик распахнул глаза и попытался сесть. Не тут-то было. Замотанное полосами ткани, покрытое коростой тело повиновалось неохотно. Повязки на животе паскудно побурели. Упырь выругался сквозь стиснутые зубы и уронил затылок обратно на неприветливую твердь стола.

Подкопчённый каменный свод и характерный запах сомнений не оставляли: штопали Адалина гарнизонные пьянчуги вампирского Поста. Они же, судя по всему, нашли и куда-то дели треклятый свиток Седьмого Колдуна. Фладэрик осмотрелся. Голова болела, шея едва шевелилась, а сжать кулаки удалось не с первого раза, и всё же тело потихоньку пробуждалось.

Своей одежды Упырь поблизости не заметил, но на сундуке лежали полотняная рубаха, длинная шерстяная туника с украшенным тесьмой подолом, дублет из тёмной кожи и ремни аккуратно снятой перевязи с ножнами. На бочке

по соседству нёс печальную вахту одинокий глиняный кувшин. Воняло снадобьями, выстуженным камнем, сырым железом и мышами. В разбросанной по полу прелой соломе кто-то вкрадчиво шуршал. Стену коптил небрежно воткнутый в кольцо факел.

Фладэрик осторожно пошевелил пальцами, сжал кулаки, согнул локти, повертел кистями. Плоть жгло раскалённой кочергой. В боку, в затылке и плечах будто засели шипы. Упырь медленно сел. Стол, напоминавший покойницкий, устроили из уложенных на козлы досок, разгородив пространство «покоев» пополам. В углу на жаровне тлели угли. Оттуда тянуло можжевельником, топлёным жиром, миррой и анисом. Отметив букет ароматов редкой тошнотворности, Упырь поморщился и попытался угадать, куда безвестный доброхот подевал Валтаровы свитки. Варианты одинаково удручали. Попади записки королеве ли, Гуинхаррэну иль в Малый Голос, больше их Фладэрик, конечно, не увидит.

Тяжёлая, окованная железом дверь приоткрылась с натужным скрипом.

Незнакомый гвардеец, щеголяя свеженькими командирскими лычками форменного облачения, пренебрёг галантными порядками и ввалился без позволения, точно к себе домой. Фладэрик устремил на вошедшего непроницаемый взгляд, коим потчевал зарвавшуюся челядь. Лучистый пригнул украшенную подвитыми кудрями башку в знак почтения.

– Мессир проснулся, – отметил он остроумно. Упырь считал констатацию очевидных вещей пустой тратой времени, а потому промолчал. – Что ж, славно. Мы тревожились.

– Напрасно, – отозвался, невольно кривясь от гадостного «мы», Адалин.

– Мессир себя не видел. – Молодой командир повторно склонил блестящую в факельном свете макушку и чопорно прикрыл за собой дверь. – Вид был... преотвратный.

– Потрясающе, – тонко улыбнулся Упырь, исподволь разглядывая посетителя.

Прежде Прихотью командовал старший наследник Милэдон, Сейран. Мракобес и бражник тот ещё, но хозяин исправный, да и мечник не из последних, не понаслышке знавший, каким концом вперед следует держать саблю. В отличие от лощёного хлопчика, которого Упырь прежде имел удовольствие наблюдать лишь при дворе Её Величества, среди ему подобных красотуль в щегольских аксамитовых²⁶ кафтанцах да кружевных брыжах.

– Давно я тут? – только и уточнил Адалин.

– Четвёртый день как, – ответил так и не назвавшийся командир, без спроса садясь на сундук. – Сперва только бредил. Но вчера чародей принёс какой-то новый декокт. Как вижу, рецепт оказался удачным.

«Вот ещё рецепты декоктов на мне не испытывали, –

²⁶ Плотная ворсистая, часто узорчатая ткани из шёлка и золотой или серебряной нити, напоминающая бархат.

мрачно подумал Упырь, облизнув полынно горькие, иссохшие струпьями губы. – Того и гляди превратят в мантикору».

– А где мессир Милэдон? – Кожа под перевязками обнажёживающе зудела, не пульсировала и не полыхала. Фладэрик подумал, что уже мог бы удержаться в седле. А значит, с местным гостеприимством можно было и попрощаться.

– Теперь здесь команду я. – Манерный подданный огладил бугристый рисунок богато расшитых обшлагов кафтана. Любовно оправил звякнувший ажурными цепями, избыточно проклёпанный пояс. – А Милэдона отправили в долину, – Упырь равнодушно кивнул. – Я... заслужил это место, – зачем-то добавил гвардеец, с вызовом уставившись на соплеменника.

– Не сомневаюсь, – отозвался тот бесцветно.

По имени новоиспечённого командира Адалин не помнил, а род по значкам не узнавал. То ли от захудалости оного, то ли от общей незначительности. Представиться же гвардеец так и не надумал.

Сейран Милэдон, старший из четырёх сыновей Белого Генрича, оставался одним из немногих подданных долины, с которыми Фладэрик водил знакомство в охотку, а не по долгу службы. Упырь, возвращаясь домой, в прежние времена частенько задерживался в Прихоти, по возможности откладывая визит в замок. Нелюбовь старшего Адалина ко двору стала притчей во языцех, тем паче, обласканный Её Величеством подданный почитался желанным и долгожданным го-

стем в королевских покоях, о чём десятилетиями судачили клятые Дамы.

Отставка Сейрана не радовала. Но и тешить надменное непотребство, без спросу взгромоздившееся на сундук, Упырь не собирался.

Свежеиспечённый командир Прихоти представлял зрелище презанимательное: хорошенькое личико с до сих пор не ломаным носом да точёными скулами портил лишь массивный подбородок. Чуть раскосые глаза, под стать какому тугату²⁷, приблудившемуся из волшебной сказки, глядели запальчиво и одухотворённо. А вот придворная стрижка и локоны, подкрученные на железках, в стенах Поста, от куртуазных приблуд столь же далёких, как сельский нужник от светлокняжеского терема, выглядели нелепо. По меркам неизменно полупьяного от скуки гарнизона, стерегущего вампирье пограничье, такой командир – ходячая несуразица, объект солдатского зубоскальства.

Красавчик, плотно стиснув челюсти, тоже взирал на соплеменника с надменным недоумением. Адалин, горбоносый, тощий и жилистый, с иссечённым шрамами лицом, заросший, точно деревенский староста, прекрасно знал, какое впечатление производит.

– Моя преданность угодна Её Величеству, – бросил Лучистый, выпятив грудь колесом. – Наша государыня прозорлива.

²⁷ Народ, племя, нация. Здесь: обитатели холмов, аналог высших эльфов.

– Воистину, – ухмыльнулся Упырь. – Завидная проникаемость, что граничит с ясновиденьем. Кому и охранять рубежи, как не юному дарованию, оных не покидавшему. Свежий взгляд, опять же.

– Я... – гвардейчик запальчиво вскинул благородный подбородок. – Я ходил в разъезды!

– Не думал усомниться, – покивал нарочито серьёзный Адалин. – Опасно нынче в Саженцах. Да и вдоль Мрачных Холмов так запросто не погуляешь.

– И что же мессир делал в Голоземье? – пощипывая подвиту у прядку у уха, сварливо ввернул командир.

От усмешки, изогнувшей спёкшиеся губы Упыря, кровь в жилах леденела, как от прыжка в трехсаженную прорубь. Фладэрик задумчиво почесал разбитую скулу и отозвался безразличным, но не терпящим возражений тоном:

– Птиц ловил. Болотных лебедей.

Лучистый выгарашил одухотворённые глаза, нахмурился и, не дождавшись пояснений, сердито отмахнул ухоженной рукой:

– Ладно. Как разведка?

– Какая разведка? – удивился Адалин. – Я птицелов. Куропатки, рябчики. Жар-птицы.

Командир внезапно потерял терпение:

– Довольно шуток, мессир Фладэрик. Свитки те, что за пазухой были, я в Розу с нарочным послал. И приказал отдать лично в руки Её Величеству.

Упырь мысленно покивал: даже не мессире Гуинхаррэну, заправлявшему коронными прелгатаями, – самому Величеству, князепосланной и иже с тем. *«И да окутает его тленные кости благодатным покровом зелёная топь»*. Адалин не шелохнулся, старательно удержав сквернословие и заморозив лицо равнодушием.

– Давно? – только и уточнил он.

Командир прищурился в потолок, подсчитывая:

– Уже должны дойти. Ответа ждать?

Фладэрик кратко покачал головой. Единственный ответ, который мог прийти из Розы – придворный палач с отрядом вооружённых гвардейцев. С другой стороны, оплошность эта вполне укладывалась в текущую легенду. Если всё грамотно обставить. Так, как сделал бы это преданный интересам Её Величества прелгатай.

– Тебя долго не было, Адалин, – вдруг заявил безымянный дурень, наморщив лоб под бараньими локонами. – В долине большие перемены. Не один Сейран. Болтают, нынешний Меч Её Величества, Инэваль Аманир, впал в немилость. И гвардию распустят. А динстманны²⁸ при дворе в открытую Лучистых задирают! – пожаловался он.

Вообразив злорадных от природы, по долгу службы поднаторевших в издевательстве над ближним упырей, глумящихся над замковыми щёголями, Адалин удовлетворённо

²⁸ Несвободные министералы, обязанные нести военную службу при господине.

хмыкнул. Подневольные и оттого свирепые, сверх меры буйные рубаки вызывали куда большее сочувствие, чем чванливый, разлагавшийся одесную трона цвет долинной знати.

– Ещё поговаривают, вампиры на озёрной равнине пропадать стали, – продолжал молодой гвардеец, стылое выражение морды соплеменника в упор не замечая. – Чаше обычного. И не абы кто, а добрые гвардейцы. Её Величество Королева...

Командир помедлил, зайцем косясь на молчавшего Адалина. Вся спесь с мальчишки разом улетела. Фладэрик мысленно вздохнул, отметив, что столь зелёных, не оперившихся юнцов отправлять на Пост – верх жестокости. И неосмотрительности. Как бы хорошо не строили защитные сооружения древние, каким бы неприступным не выглядел шедевр фортификации, а управлять оным должен кто-то чуть более опытный и менее... восторженный. Мальчишка же едва ли на много перерос его младшего брата.

– Князепосланная госпожа и повелительница, дивноокая миледи Айрин отстраняет от дел Лучистый Стяг, – выпалил командир. – По совету мессира Тэрглоффа. С сохранением званий и титулов. То вопрос решённый.

Адалин непроницаемо молчал. Известия не радовали, а откровенность подданного – даже пугала. Придворный щёголь хорошо знал, с кем говорит. И подобные разговоры вели прямиком на шибеницу.

Но мальчишка всё не замолкал:

– При дворе болтают про запрет разъездов и разоружение. Но младший брат мессира вот-вот пройдёт гоминиум²⁹. И он тоже жаждет посвятить себя мечу.

Упырь не ответил. Братишкиных порывов он не одобрял, но и осуществлению оных не препятствовал. У Радэрика имелась своя голова на плечах, пусть и бестолковая. Припомнив ясные глаза и доверчивую улыбку младшего, Фладэрик Адалин невольно стиснул зубы. Таким мальчишкам при дворе придётся быстро и болезненно взрослеть.

– Королева мудра, – заметил Упырь тихо, искоса зыркнув на побелевшего командира. – Негоже нам, солдатне малограмотной, в Её решениях сомневаться, приказы Совета обсуждать, – напомнил он почти мягко.

Лучистый, кажется, готов был разрыдаться.

– Выполний свой долг, гвардеец, – посоветовал Адалин со вздохом, – а дела Совета оставь тем, кто в этом смыслит.

²⁹ Омма́ж (фр. *hommage*), или гоминиум (лат. *homagium* или *hominium*) – одна из церемоний символического характера: присяга, оформлявшая заключение вассального договора.

Глава 8. На берегах Багрянки

Позёмыш, зримо округлившийся на дармовых харчах, лениво прошуршал в сырой соломе, волоча уворованную в погребках заячью тушку. Фладэрик умывался над бадьёй и, покосившись на хвостатого проныру, невольно усмехнулся:

– Потяжелел ты, скоро сойдёшь на неплохую похлебку, – заметил он негромко.

Горностай, не выпуская из пасти чересчур крупную для него добычу, что-то сквернословно проурчал и проворно спрятался под лавку. Упырь покачал головой.

Умывался он неспешно, нарочно растягивая удовольствие – что-что, а вода в крепостях Поста всегда была отменная, из горных источников, прозрачная и вкусная. Оттого и бражка удавалась.

Не без труда расчесав свалявшиеся вихры, Фладэрик скрупулёзно выбрал репы из штанов, отчистил сапоги и привёл в порядок саблю. Натирая промасленной тряпицей мягко отливающее рыжиной в факельном свете лезвие, Адалин думал о Кромке, цветном стекле, блестящем среди трав на Мрачных Холмах и решении королевы прекратить разъезды.

Ощущение холерины, притаившейся за поворотом, усиливалось.

За несколько дней без памяти Упырь сильно осунулся,

заскорузлые ремни перевязи пришлось подтягивать, чтобы провисшие ножны не царапали пол.

Могучий хвойный лес предгорий встретил одинокого верхового шумной разноголосицей. Протяжным стоном высоких, позолоченных солнцем стволов, шорохом седых еловых лап и далёких сосновых шапок, петлявшим в ветвях ясеней сквозняком, птичьим пением и вороньим граем.

Суеверный люд твердил, что в холодных северных горах, за рекой Багрянкой обитали упыри, железозубые еретники и вурдалаки, охочее до крови навье племя. Суеверный люд не сильно ошибался. В долине между Лунным и Ветряным кряжами расположилось вампирье царство.

Среди стройных елей, гривастых сосен, пихт, курчавых вязов и застенчивых берёз хоронились выстроенные воинственными пращурами родовые крепости, точно притаившийся за нужником волколак. Такие же серо-пегие в плешивых облачениях мхов, лишайника и дикого винограда. На склонах гор стены укреплённых зубчатыми башнями поместий посверкивали яркими гербовыми флажками и пиками просмоленных тынов³⁰. Величественный и негостеприимный край пах хвоей, железом и сырым гранитом. Но в едва проклюнувшейся траве уже белели язычки упрямых подснежников, а вдоль вымощенного плотно пригнанными камнями тракта среди щербатых валунов карабкались брусника

³⁰ Частокол из вбитых в землю жердей или брёвен. Засака.

и морошка.

Фладэрик откинулся в седле, с удивлением обнаружив на собственном лице небрежное подобие улыбки. В чужих краях он сам не заметил, как соскучился по дому.

Пусть на южных самоцветных горах, среди белых, изъеденных жилами скал, зеленели заливные луга, прозрачные перелески и кудлатые буквины, в лазурных озёрах плескались русалки и пёстрые рыбы, леса изобиловали дичью, а в расщелинах сторожили зазевавшихся путников крылатые звероящеры, угрюмый северный край неожиданно согревал сердце. И земельные притязания Миридика, всем тем лазурно-приветливым богатством владевшего, вызывали большое недоумение.

Но за стены Поста ни колдуны, ни выжлецы пока проникнуть не могли. Разве что домовитые зубастые соседushки по старой памяти на межу зарились, привечая домены набегам. Ведь промысловое зверьё по дикости своей границы наделов упорно игнорировало, вгоняя падких до охоты хозяев в тихое бешенство, сопровождаемое зубовным скрежетом да блеском вытарашенных зенок.

Молодое солнце узорчатой канителью расписало гладкие сосновые стволы и еловые лапы, запрыгало по траве кружевными зайчиками. Туман слоистой паклей растянулся по кустам, запутался в корнях и пепельном подростве.

Нынче в моде были развлечения иного толка: потайные, но ничуть не менее кровопролитные. Сосредотачивались

оние под нежным крылышком любезной Государыни, в стенах коронного замка. Там, где исподволь собирали кровавую подать жертвами отравлений, гаррот да узких, ровно спицы, стилетов, что так удобно скрываются в складках придворного платья.

Опускаясь в долину, тракт забирал вправо и выравнивался. Среди разваленных камней, караулом стерёгших дорогу, становилось всё больше обточенных, узорчатых плит, изображавших круги Годоврата и обережные знаки. Скоро появились и первые менгиры Князей с грубым подобием насупленных лиц.

Тёмного и Светлого Князей вместе со Жрицей в долине почитали почти на равных, несмотря на очевидные противоречия. Считалось, навью покровительствует Тёмный. А Ллакхары давно прибрали к алчным рукам и усердно эксплуатировали в проповедях Светлого. Но вампиры не чурались привечать обоих, а гимны Жрице возносить ежевечерне.

Фладэрик пустил коня в галоп. Слепые глаза липли дурной болезнью.

По мере приближения к Розе настроение Упыря неумолимо портилось. От легкомысленного благолепия задремавшего в безделье околотка сводило потроха.

Адалин, шурясь, покосился на восток. Среди горных кражей, овейный седыми облаками, залёг Граварос, скальный город Орлиного племени.

В стародавние времена, поминаемые современниками

безо всякой охоты, долина Олвадарани заключила договор с пернатым народом. И поставные со стороны Волочан денно и ночью маячили в поднебесье, преданные клятве из чистого упрямства и вопреки здравому смыслу. Поскольку дивно-окая Государыня уже, кажется, и думать забыла об их существовании.

Упырь мрачно сплюнул под копыта перешедшего на рысь Духа.

Навий народ, сидящий в долине, под защитой Поста и гор, точно девица в тереме или лиходей в порубе, не вызывал уважения. А договоры с колдунами и вовсе раздражали. Алмазная Лилия Ллакхара, тиран Миридика и Семи Ветров, Норт Адальхейн Эрвар ненавидел обитателей этих краёв. Охотно и радостно ловил их, пытал и сажал на пики. С чего вдруг Каменная Роза портовой девкой разлеглась перед этим господином, Адалин не понимал и всё угрюмей теребил ремень сбруи, игнорируя тревогу прядущего ушами жеребца.

«Власть – украшение умной головы и глухая повязка на дурной», – подумал Упырь сердито. И дурных голов в Совете делалось всё больше.

Коронный замок, Каменная Роза, сокровище лазурных гор, притягивал пустоголовых, как коровий труп – волков. Знать реяла над Чёрным Троном коршунами, стремясь урвать бенефиций пожирнее да пожётче наподдать клювом ближнему. А синеглазая правительница, сиятельная Айрин Равнсварт, чью пагубную, злую красоту десятилетиями

воспевали менестрели от Окуня до золотых степей, потворствовала той грызне. Ведь занятые потайной междоусобицей подданные так напоминали резных болванчиков на игровой доске. Упырь усмехнулся: болванчиков – и не всегда резных – надменные, раздутые от спеси Высшие напоминали и ему.

Пресыщенный как придворными околичностями, так и державным обществом, коронный преллагатай долг исполнял с ретивостью завзятого самоубийцы, годами пропадая в чужедальних странах. Лишь бы от призора Канцлера, мягких перин да одеяний златотканых подальше оставаться. Семейное же гнездо – почти не перестроенный отцом, суровый Адалин, – Упырь посещал так же часто и так же охотно, как душегуб урядника. Или деревенский пастушок – известное на всю округу урочище с еретниками.

В Адалине хозяйствовал младший брат. Но малец как раз учился в Стударме, а имущество семейное тем часом берегали кастелян и челядь. И возможно, поместье уже рухнуло или готовилось к тому.

Фладэрик придержал воронка, размышляя, не наведаться ли в то гнездо, проверить пустодомок³¹. Немилость, постигшая Милэдона, стальным шипом засела в подреберье. Командир Прихоти покинул пост не случайно. Упырь подозревал, что мессир Тэрглофф, Канцлер Долины недоброй памяти и таковой же сути, примеривается и к нему. А значит, пришло времечко перетряхнуть и перепрятать учинённые

³¹ Мелкая нечисть, поселяющаяся в заброшенных домах.

в наследных землях тайники. Да и заканчивать с «окрестностью Олвадарани».

Но знаки, колдовство, что описал в тех свитках Валтар...

Просмотреть удалось лишь первые листы, и этого вполне хватило.

Неожиданно для самого себя Упырь потянул ремни упряжи, направив коня по третьему пути, не к Розе и не в Адалин. Налево, аккуратно к одной из опрятных, недавно перестроенных крепостей, прикорнувших за сосновой рощей на берегу Багрянки среди садов и мирных пастбищ.

Состоятельные хозяева Благородных умудрялись на диво бестолково, потворствуя придворной моде, перестраивать фамильные владения. И превращали воинственные башни в нарядное безобразие на западный городской манер, что куда больше располагало к праздной созерцательности, чем к успешно выдержанной осаде.

Талайбрин Стрэлэнд, имевший при дворе титул Приказа и исполнявший – или симулировавший, – подле Величества функции сенешаля, одобрял паскудное поветрие обеими загребущими ручонками. А уж Тэрглофф и подавно от радости приплясывал, катам³² очередного «неудобного» сплавления, да домен переименовывая. Так вышло с Кэрдзэнами, чьи владения после пожара и суда над единственным выжившим наследником тишком перешли Короне.

Ветряной Кряж, дымчатые горы, поросшие лесами, эма-

³² Палач, осуществляющий дознание. Пыточных дел мастер.

лево блестящие потёками искристых ледников, громоздились над пушистыми сосновыми шапками. Лунный, иногда называемый лазурным из-за оттенка выступающих пород, тонул в серебре тумана и низких белых облаков. Розоватый под лучами солнца, неубиваемый тракт вновь запетлял среди расступавшихся стволов и обточенных холодными ветрами, памятных камней. Холодало. Фладэрик невидяще смотрел на рассечённую лиловыми тенями стёжку, размышляя, какая участь ожидала теперь род Милэдонов.

– Напрасно Белый Генрич домину перестроил, – пробормотал под нос Упырь, сминая жёсткие ремни упряжи бесчувственными, давно огрубевшими пальцами. – Напрасно.

Адалин и сам не знал, хорошая ли это идея – навещать опальное семейство. Вперёд его гнала тревога, въевшаяся застарелой грязью усталость и нежелание лицезреть двор.

В Розе, несмотря на всю её красу и гипнотическое очарование синеглазой Равнсварт, прекраснейшей из королев, Фладэрика одолевала смертная тоска. От вида ясновельможных физиономий, затхлости и ароматов злодеяния, преследовавших по пятам на крытых переходах. От призраков сложивших головы друзей и мёртвого отца.

Ропот быстроводной Багрянки, спешившей прочь из долины, возвестил о приближавшемся конце пути.

Адалин пожал плечами: он мог себе позволить праздную прогулку. И знал, чем оправдать её в глазах Гуинхаррэна и Тэрглоффа. Ведь Упырём его не за красивые глазки называ-

ли. Глазки тут были совершенно не при чём.

Глава 9. Железзубые

Ввечеру над Овражками – малым хутором на обомшелом, заросшем очеретом и регулярно подтопляемом берегу Причудины или, как ласково называл речку Старый Домаш, Чудинки – аппетитно запахло праздником. Мамка Загляда отравила в печь пироги, мамка Паруша, засучив рукава, начиняла кулебяки, а стрый³³ Добря выкатил из погреба здоровущий, характерно поплёскивавший бочонок.

Мирко, проскользнув в тёплый, распаренный, пропахший скотиной и силосом хлев, привычно вскарабкался по разошедшейся лесенке на заваленную сеном поветь, ловко прижимая оттопыренный ворот рубахи. Из-за пазухи время от времени доносилось ласковое бляение. Прутик родился недавно, был самым маленьким и, как водится, самым любимым. Мирко проводил с хилым козлёнком всё свободное время, коего у паренька оставалось совсем немного. Жителям Овражек редко случалось сидеть сложа руки – подворье требовало сил и усердия. Даже от малышей, а девятилетний Мирко-то почитал себя почти взрослым.

Выпутав вздрагивавшего Прутика из рубашки, мальчик бережно уложил его в тёплое сено. Улыбнулся, погладив выпуклый, пушистый лобик. Козлик смотрел доверчиво, смешно пригибая голову и нелепо растопырив ножки. Мирко ка-

³³ Брат отца, дядя по линии отца.

кое-то время наблюдал за любимцем, шлёпнувшись на толстые брёвна рядом, потом приподнялся на четвереньки и пополз к стене – поглядеть, что делают на дворе остальные.

Не дополз он всего пары вершков.

Снаружи что-то громко хлопнуло. Истошно завизжало голосом мамки Паруши, забранилось так, как умел только Малой Домаш, в самом Сердаграде некогда гридем³⁴ служивший, да в драке покалеченный. Мирко, присев от неожиданности, заторопился, путаясь коленками в сене. Приник к щели, нарочно ото мха давным-давно вычищенной. Внизу, в причудливых сумерках, с приближением цветеня³⁵ делавшихся всё более прозрачными, творилась какая-то ерунда. Со стороны ляды³⁶, точно стайка неприкаянных чучел, с жердин спрыгнувших, шли люди. Странно шли, ломаясь и дергаясь, а, несмотря на несуразность свою, всё равно шибко. Так что несколько уже через плетень... перевалилось?

Мирко изумлённо вытаращил глаза, предусмотрительно куснув ладонь, чтобы не заорать: нет, не люди брели в сгущавшихся потёмках с вырубки к его родному хутору. Не на людей бранился Домаш, не о них вопила Паруша, суеверно выкликая Хозяина Солнца в заступники.

³⁴ Дружинники, телохранители князя. Гридница (гридня) – помещение для их проживания.

³⁵ Месяц, примерно соответствующий апрелю.

³⁶ Лядо (ляда, лядина, лядинка, от праслав. *lědo) – место вырубки и выжига леса при разделке лесных угодий под посевы.

– Еретники! – ахнул Мирко, слепо нашаривая дрожащего рядом козлика. – Железнодорожные!

Во дворе мужики, похватав, что под руку подвернулось, с топорами да вилами заступили нечисти дорогу. Захлопали ставни, что-то загремело, завывли девки и перепуганная скотина. Вот чего коровы такие зашибленные стояли, а овцы у самой стены сгрудились. Прутик тихонько, жалобно мекнул, шарахаясь от руки. Мирко сердито насупил пшеничные бровки: хоть и маленький, а дурной!

Плетень рухнул.

Страшных гостей оказалось слишком много. Твари пёрли напролом, не обращая внимания на тычки вил и удары топоров, на росчерки косы, которой орудовал могучий Добря. В полумраке, скрадывавшем детали, нападавшие выглядели поспешно слепленными куклами. Но липкий ужас, исходивший от упырей, превращал нелепость в кошмар.

Мирко, ухватив-таки несчастного козлёнка поперёк живота, пополз к лестнице. Солома больно кололась сквозь порты. А внизу и чуть в стороне, в избе, завопила Ладка. Не мамка, матушка. Мирко и сам не понял, как услышал сквозь стены и двор. Крик той, что заменила мать, заставил мальчонку дёрнуться, ладони соскользнули, разошедшаяся лесенка хрупнула. Но падения он не почувствовал, разом взвившись на ноги, опрометью подскочил к воротам.

Рычание, влажный треск и страшная возня снаружи обр-зумили.

Мирко схватил рогатину, не особо приглядываясь, скользнул к щели между неплотно притворёнными створками. Раньше ему надрали бы уши за такое разгильдяйство – того и гляди, скотина разбредётся по всему двору. Теперь он мысленно возблагодарил Хозяина Солнца за промах.

Овраженских мужиков он сперва не увидел. Только странно скрюченные тени, дёргающиеся от поваленного плетня до самых крылец. Потом несколько – за баней – разогнулись, рыча и толкаясь, шелкая друг на друга оскаленными, выпуклыми звериными челюстями. Тут-то Мирко и понял. Ему вдруг стало очень холодно. Рогатина задрожала, словно живая. А створка дёрнулась, больно саданув по плечу. Мальчик подумал, что снова упал, но ворота повторили вероломный манёвр. Но на этот раз Мирко увернулся.

На пороге, горбятя спину, почти доставая когтистыми лапищами до земли, воздвиглось чудище. Не соображая, Мирко отчаянно пихнул тварь рогатиной, проскочив под взвившимися, страшными руками, кубарем выкатился на двор. Налетел на что-то в потёмках. На что-то мягкое, влажное и липкое, податливо разъехавшееся под руками. По обрывкам крашенины да крупным алым бусинам, подвернувшимся под пальцы, Мирко догадался и шарахнулся в лопухи, отчаянно сглатывая дурноту, ухватившую горло спазмом.

Старая Алянка давно бранила «ленивых порозов», которым недосуг выкорчевать «проклятый лес посередь двора». Сейчас «лес» пришёлся кстати. Спрятаться среди могучей

ботвы, схорониться от нежити – ха, пустое! Найдут. По запаху. Но собраться с мыслями стоило. Рогатину мальчик выпустил. Обомлевший от страха козлик за пазухой даже не брыкался. Из большой избы ещё доносились разрозненные крики, грохот, а на пропахшем убоиной дворе уже только чавкали. И принюхивались.

Мирко, осенив себя охранным знаком, что было духу выпрыгнул из лопухов, пролетел мимо подобравшихся для броска тварей, запетлял зайцем между хуторскими постройками, пробиваясь к мельнице. «Чудинка! Причудина! – колотилось в голове у сметливого мальчонки. – Добежать до реки!»

Он любил Овражки. Даже после смерти родителей, по зиме волкам доставшихся. И потому, скатившись в прибрежный очерет, отчаянно хлюпая в вязком прибрежном болотце, но не останавливаясь, сердито растирал по щекам злые слёзы. Мирко был необычным ребёнком. Так говорила мама. Так говорил бабий из соседнего хутора. Так, качая головой, шептала суеверная, но мудрая Алянка. А Загляда прямо называла «маленьким вещуном».

И теперь вещун твёрдо собирался выжить.

Часть 2. Крамола

Иду один, утратив правый путь,
В кругах подземных, как велит обычай,
Средь ужасов и мраков потонуть.
Поток несёт друзей и женщин трупы,
Кой-где мелькнёт молящий взор, иль грудь;
Пощады вопль, иль возглас нежный – скупю
Сорвётся с уст; здесь умерли слова;
Здесь стянута бессмысленно и тупо
Кольцом железной боли голова;
«Песнь Ада» А. Блок. 31 октября 1909.

Глава 1. Почтенное семейство

Милэдон, просторное владение, лакомый кусок в не слишком завлекательной топографии, сплошь изъеденной ледниками, вылизанной ветрами и загодя нелюбезной ко всему живому, от прочей сварливой упырьей долины отличалось ухоженностью.

Ленники души не чаяли в радетельном господине, а то и личную заинтересованность имели, чем иначе объяснить странное усердие?

Рощи, трепетно берегаемые, скромные и опрятные вырубki-выработки, любовно расчищаемые, лазоревые, что мечта утопца, озёра, насколько знал Адалин, богатые рыбой и водоплавающей птицей даже сверх меры. Аж две собственных мельницы, обе исправные, пивоварня и пашня. Последнее – особенная редкость и повод гордиться, а заодно и опасаться набега завистливых соседей.

Выращивать что-либо, кроме царапучего, ядовитого бересклета и лебеды в здешних почвах казалось верхом безумия. А всё ж сноровистым хозяйственникам удавалось. И Князь весть каким образом. Ибо тощая супесь окрест изобиловала, разве что, камнями да рытвинами. Ну, и лесом, само собой. Да таким, что за годы упорной, ожесточённой борьбы за существование выработал непререкаемую устойчивость ко всем каверзам судьбины, вроде мороза, ураганов, подсечно-

го земледелия и возможного конца света. Почему и рос с самозабвенностью замыта³⁷. Да ещё отбиваться наострился.

Кроме сельскохозяйственной сметки и записной домовитости, старый Генрич отличался ещё и беспробудным гостеприимством. В поместье вечно торчали всевозможные не столь зажиточные кумушки, безземельная родня, далёкая, как щербатый месяц над горами, мутные соседские отпрыски и прозорливые министриалы³⁸, приживальщики и свора вечно голодных динстманнов, портящих местных наследников гульбищами-охотами.

И само несметное семейство.

Младшие братья Одрич, Йонек, Дитуш и Эстэрварт, «тётушки» разных возрастов, от давно окостеневшей Альдэгерды, перемещаемой исключительно по праздникам благодарными потомками, до юной, розовощёкой Ингигерд, скакавшей по двору с шалопаями-правнуками старого Милэдона. Средний из четверых сыновей, Луксас, уже успел обзавестись не только детьми, но и внуками. И мелкий Уольрич с робким, угрюмым Генричем Вторым бодро марали в пыли нарядных деревянных коников.

Фладэрик, подъезжая к благолепному муравейнику, крепостным забором обнесённому, ожидал чего-то подобного,

³⁷ Торговая пошлина в городах или торжках с товара, привезенного на продажу, а также с денег (с приезда) на покупку товаров.

³⁸ Министриалы (лат. ministeriales, от лат. ministerium – должность) – представители мелкого рыцарства, владеющие небольшими земельными участками, на основе доменального права.

особенно умиляясь настежь растворённым воротам – в полторы пяди толщиной створка. Потому не удивился ни столпотворению, ни взопревшим, вечно торопящимся конюхам, ни гвалту, осенявшему замковый двор. Ведь так и должно выглядеть добротное родовое гнездо. Ну, разве что, поменьше воплей, звона, закипавшей на задах потасовки и, возможно, репы, горой сваленной аккурат посреди мощенного двора.

Объезжая рыже-бурый курган корнеплодов, Адалин обнаружил сломанную телегу, кокетливо притаившуюся за нарядной свалкой, деловито хрумкающих поклажей лошадей, бранившихся неопрятных сервов с верными мотыгами наголо и Альдэгерды, видимо, позабытой заботливыми родственничками в жутком передвижном кресле на припёке.

Драка затевалась именно тут, при активном участии всю костерившей нерадивых остолопов бабуся в бежевом чепце. Упырь фыркнул. Альдэгерда, судя по всему, и в лучшие годы не отличалась кротостью, а уж теперь, с лихвой насладившись жизнью, приобрела все черты хрестоматийной, прямо-таки записной упырицы. Даже несмотря на чепец. С богатым словарным запасом и недурственным воображением.

Внять мудрости веков собралась приличная толпа дворни. Фладэрик, препоручив воронка заботам нервно косившего на оглушительную троицу конюха, тоже остановился посмотреть, а вернее, послушать, рассеянно перестёгивая пас-

совые ремешки да пояс с цепями подтягивая.

Альдэгерда, имевшая изначальное преимущество – несмотря на мотыги, «остолопы» явно робели перед свирепой хозяйкой, – как раз перешла к заковыристым, непристойным благопожеланиям родне всех присутствующих аж до седьмого колена. С подробностями. И Адалин молча мотал на воображаемый ус изрекаемое, против воли усмехаясь.

– Фладэрик? – несколько запыхавшийся, чуть не на глазах лиловеющий не то от изумления, не то от удушья Стэван, третий из сыновей Генрича, выскочил откуда-то из-за толпы прямо на Упыря и разом остолбенел, опуская кнут.

Судя по платью, вампир сам едва-едва соскочил с седла. И поездку перед тем имел не менее увлекательную, чем иронично кривящийся гостюшка. Так что пегая, хлопьями, грязюка покрывала подданного аж до осиянной льяняными локонами макушки.

– А ты здесь... каким ветром?

– Попутным, – откликнулся Адалин, улыбаясь чуть отчётливее.

Почтенная старица приступила к подробному описанию особенностей физиологии провинившихся, чрезвычайно упирая на детали.

Стэван закашлялся, обронил кнут и взвыл сакраментальное:

– Бабушка!

Фладэрик, прикидывая, ждать ли приличествующего мо-

менту обморока, осмотрительно посторонился. Стэван же чувств лишаться раздумал. Вместо этого, подобрав кнут, свирепо зарычал на ближайших зрителей и проворно сориентировал недогадливых. Отменно сквернословящую бабуся откатали в дом под немолчный аккомпанемент сварливых благопожеланий, «мотыгам» надавали по шеям, недожранную шустрыми лошадка ми репу на тележках потащили куда-то к хозяйственным постройкам в глубине.

Стэван, белобрысый, могучий, что твой дуб, и столь же сговорчивый, пользовался заслуженным, граничащим с паникой уважением. При таких плечах – и луженной глотке, от бабки унаследованной – трудно его не вызвать. Наконец, разогнав дворню, вампир снова обратил внимание на ухмылявшегося гостя, смиренно поджидавшего в тенёчке разросшегося в несколько стволов боярышника.

Пригладив бледные кудри, подданный попробовал изобразить на широкоскулой физиономии скромное подобие радушия, а то и радости. Ничуть не бывало. Выражение вышло до того натянутым, что и сам лицедей, прекрасно сообразив производимый эффект, махнул рукой. Насупился, подозрительно зыркнул исподлобья:

– Иди в дом, Адалин... Коль приехал.

Фладэрик, пока причин не понимая, лишь пожал плечами да, не переставая усмехаться, молча последовал за крепышом. Стэван, сопя звероящером, печатал шаг по камням, словно пятками гвозди заколачивал. Да ещё кнutowище гнул

эдак... характерно. Упырь начал кое о чем догадываться. И догадки эти его совсем не обрадовали.

– Генрич ещё не вернулся, – сообщил подданный, пропуская гостя вперёд себя. – Будет к вечеру. Так ведь ты не к нему...

– Не к нему, – подтвердил Упырь, намётанным взглядом окидывая владение. Положительно, строили его, даже сочиняли, не без смекалки. Кажущаяся приветливая беззащитность на деле оборачивалась тяжкими, железом окованными последствиями, кои Фладэрик очень одобрял.

– Надолго к нам?

– Проездом, – скупно обронил Упырь.

Стэван, хмурясь пуще прежнего, воровато глянул по сторонам, проворно ухватил гостя за плечо и, придвинувшись чуть не нос к носу, зашипел:

– Стало быть, от Поста в Розу? Значит, слышал?! Про Прихоть...

– Слышал, – Адалин не спешил ни отпираться, ни отстранять напирającego богатыря.

Дюжий Милэдон, всюю напрягая плечи вслед за извилинами, продолжал цедить сквозь плотно стиснутые зубы:

– А про Тэрглоффа? Про предписание высочайшее, про то, что в Замок брата трижды дёргали, да обратно... на телеге привозили?

Фладэрик, не моргнув, продолжал равнодушно смотреть в опасно сузившиеся, побелевшие зенки. Хотя внутри пога-

ненько ёкнуло. Ведь стоило предположить.

– Что за шашни у вас там были, не спрашиваю. Да только, если ты такой друг ему закадычный, будь добр... – загадочно не окончив фразы, подданный скривился. Находишь они снаружи, вампир сплюнул бы. И не факт, что не на сапоги Упырю.

Адалин ожидал чего-то подобного. Не ожидал он, что Стэван, отшвырнув кнут, вцепится в его руки мертвой хваткой:

– Фладэрик! Князь весть, что дальше будет, но спаси моего брата! Ты же можешь! Заступись перед королевой! Не виноват он ни в чём. Честью рода клянусь! Может, чё и сболтнул по пьяни... так ведь... Фладэрик! Не губи! Что хочешь отдам! Генрич на всё согласится. Любой откуп, Адалин! Землю, доход, что хочешь!

– Что ты несёшь? – раздельно выдохнул тот, всё же несколько отстраняясь. Уж больно скверно воссияли глаза у третьего Милэдона.

– Прошу! Отступись! – Захват крепчал, зенки полыхали.

Упырь медленно выдохнул, усилием воли успокаиваясь:

– Стэван, – позвал он возможно непринуждённое. – Что. Ты. Выдумал!

– Выдумал? – готовясь метать молнии из глаз, а то и дым пускать ушами, задохнулся подданный. – Хочешь сказать, ты не при чём?

– А ты хочешь сказать, я Тэрглоффу прислуживаю? –

разозлился Адалин. – Рехнулся?

– Сейран всякое болтал, когда приезжал сюда... – застоял Милэдон, отпустив-таки едва не поломанные в приступе братской любви конечности. – Вечно, как выпьет, начинал... Отец его и так, и эдак, а он всё своё! Про Королеву, про Канцлера... про тебя... Фладэрик! Отступись! Скажи королеве, не было ничего...

– Дурак! – рявкнул Упырь, надменно вскинув вмиг разболевшуюся голову. – Ты что, богатырь холерный, думаешь, это я на него донёс? Тэрглоффу? Королеве?

– Так... – несколько опешил белобрысый. – Ты же...

– Я его друг, дубина! И Тэрглоффа на шибеницу с куда большим удовольствием препровожу... вместе с Её Величеством!

Стэван отшатнулся, изумлённо распахнул рот, да так и замер.

– А ты думал, – зло расхохотался Адалин, – что за «шашни» мы с твоим братишкой обсуждали? – И, слегка понизив тон, прибавил: – А коли ты на всё готов, спишь и видишь, как кровь родную от катов да Башен Северных убережь, сделай милость, рук мне больше не ломай. И разговор этот, по возможности, забудь. Глупость я сделал, приехав. Не думал, что всё настолько скверно. Но да ничего не попишешь. Придётся тебе меня принимать, притворяться радушным хозяином. И не орать. По возможности.

– Фладэрик, – проморгавшись, охнул начавший сообра-

жать вампир. – Да я, если поможешь... Мы всё сделаем! Прости, что... что тебя заподозрил! Но ты же... Как же, говорят, ты...

«Тварь Её Величества». Третий Милэдон не рискнул закончить мысль, но это и не требовалось. Адалин прекрасно знал, какие слухи невозбранно бродят по долине.

– И правда, – мрачно кивнул Упырь. – Говорят. Я виноват, Стэван. Мне жаль, что так вышло. Я постараюсь всё исправить. Хотя бы с твоим братом.

Глава 2. Сейран

Сейран обрелся ныне в отдельной пристройке, напоминавшей башню и с основным зданием соединявшейся посредством крытого перехода, учинённого на уровне полутора саженей над землей. Оценив оборонительный потенциал убежища, Фладэрик насмешливо прищёлкнул языком и выразительно зыркнул на родственничка, уныло бредущего подле с факелом. Стэван, подсвечивая больше себе в глаза, чем на дорогу, странно пожал могучими плечами, оправдать закономерный выбор и не пытаюсь. Поскольку, в силу общего здравомыслия и житейской сметки, полагал предприятие заранее провальным.

Упырь успел оценить по достоинству как предивной жути портреты праотцов в массивных рамах, щеголявшие записной мрачностью, а то и откровенным косоглазием, так и стратегическое расположение раритетных ковров-гобеленов, утеплявших стены да гостей дезориентировавших, потому как порой лишь подразумевали эти самые стены, разграничивая пространство. И это было странно, поскольку в остальном планировка выглядела современно.

В глаза бросались многочисленные охотничьи трофеи и исполинский, напоминавший жерло вулкана камин большого зала, по которому Стэван прорысил особенно проворно. Видимо, опасаясь, как бы гостюшка драгоценный чего

не спёр. Поскольку тут нашло упокоение целое стадо разнообразного редкого зверья обок с орудиями собственно-го умерщвления, фантазийно скомпонованного нарядными венками.

Фладэрик, вопреки досужим подозрениям, не особенно заинтересовался.

К подобным развлечениям он охладел давно, а к чужо-му бахвальству и вовсе был настроен саркастично. Кроме прочего, в зале притаилась стайка родни, что примечатель-но, живая, несмотря на скоропостижное окоченение, вызван-ное явлением чернявой беды, путешествовавшей по дому за угрюмым Стэваном.

Адалин привык к впечатлительности на удивление осве-домлённых соплеменников, сопричастных двору и всем его сплетням, как степной тушканчик царскому терему – в луч-шем случае, диковинной закуской эксцентричных господ. Стены Розы придворное злословие никак не ограничивали, а потому периферийные землевладельцы млели зайцами и стремительно деревенели, стоило очередному фигуранту по-басенок промелькнуть на горизонте.

С другой стороны, у этих дядьёв имелся веский повод. Милэдоны со дня на день ожидали не то нарочных, не то уже конвоиров, что после «телеги» не удивительно.

Наследник Генрича – осунувшийся до костяка, просве-чивавший мослами верстовой столб – ростом долговязому Адалину почти не уступал, а в лучшие времена удалью мо-

лодецкой да придурью хмельной и фору давал. Теперь же, из-за ключиц ли сломанных, потрохов отбитых или от общей гнусности происходящего, ссутулился и приуныл.

Обряженный, ровно фамильное привидение, в льняную рубаху до пят Сейран сидел на скромной постели, набросив на плечи медвежью шкуру. Обмотанные тряпьем ступни вампира подверглись свежей перевязке. Статная, точно княжна, упырица в богатом платье из узорчатого шёлка, подбитом мехом, неспешно обернулась навстречу посетителям, за версту обдавая шквальным высокомерием, вполне годным окучивать на большаке купеческие обозы пешком и без дубины.

Несмотря на выражение надменного личика, костюм, всем требованиям придворной моды соответствовавший, украшения в тщательно убранных на западный лад волосах и звонкий цокот подкованных каблучков, вампирица гордо несла перед собой огромную бадью с кувшином и ворохом покрытого коростой тряпья. Сзади горбилась под весом ещё одного ушата, полного бурой жижи, пепельная, предобморочная девица в туалете попроще.

Стэван почтительно склонил голову и придержал ненужный факел. В обиталище Сейрана коптели потолок с дюжину свечей да две железные корзины с углями, поставленные прямо у постели. Ширмы у узких окон тоже раздвинули. Так что света хватало.

Упырица с бадьёй, окинув посетителей стылým взглядом

пронзительно голубых глаз, вызывавших невольные ассоциации с прорубью, снизошла до скорбного поклона, не разжимая побледневших губ. Адалин прищурился. Он понял, кто перед ним. Угадать труда не составляло, хотя про Тэарвин Упырь прежде только слышал.

Урождённая Арнэль, дочь безвестного и малопримечательного семейства, сдержанная, по всем приметам достойная супруга незадачливого наследника Милэдона, жила во владениях затворницей. Двором она благоразумно пренебрегала, равно как и злополучными знакомцами муженька.

Адалин редко посещал густонаселенное семейное гнездовье командира Прихоти, предпочитая, по примеру самого Сейрана, крепость сомнительной прелести домашнего уюта. И всё же, Тэарвин производила впечатление.

Фладэрик поглядел на пегого от подживавших синяков Милэдона.

А ведь умельцы Канцлера не особенно скромничали. Вампир, стиснув зубы, не без труда забросил ноги обратно на кровать, надсадно фыркнув, как подозревал Упырь, лишь для того, чтобы скрыть постыдный, но вполне оправданный стон.

– Я и забыл, что ты женат, – подходя ближе, сознался Фладэрик в тоне придворной беседы.

Стэван, оставив несчастный факел в кольце подле двери, тенью воздвигся за плечом. Его старший брат, позеленевший от натуги, медленно перетянул шкуру на грудь, оставив-

шлись мимо гостей неподвижными, неправдоподобно большими в окружении роскошных синяков глазами на ссохшемся лице. Те странным образом напоминали инкрустацию – кусок стекла или полированного камня в маске из выбеленной кости. На лбу бывшего командира проступила испарина. А Фладэрик мысленно выругался. Недоброй памяти умельцы скромности той и близко не нюхали.

Милэдон стоически ощерил треснувший рот в жалком подобии усмешки:

– Здравствуй, Фладэрик. Стэван.

Адалин покивал, разглядывая невысокого юношу, прикорнувшего на сундуке в углу с каким-то кодексом. Парень бдительно сверкал зенками, положив книжку на колени. И явно размышлял, не подтянуть ли поближе ножны, праздно прислонённые к стене. Судя по дублету и знакам, его украшавшим, вампирчик был наследником одного из министералов Милэдон. Да ещё и гвардейцем.

Проследив за взглядом гостя, командир прикрыл веки:

– Аарэм Дофот, вестовой... бывший. Мой держальник³⁹.

– Тоже, видимо, бывший, – усмехнулся Фладэрик.

Сейран едва приметно пожал плечами:

– Близкий.

– Логично, – одобрил Адалин, чуть пристальнее необходимого оглядев парня вновь.

³⁹ юноша из бедных дворян, взятый на воспитание и использовавшийся для поручений

Воспитанник держался настороженно, разделяя заблуждение Стэвана относительно персоны незваного посетителя. Обычай принимать то ли под опеку, то ли в услужение свежеприсягнувших Лучистых, молоденьких выпускников Стударма, на диво бестолковых, зато энергичных, что пшенички, корнями прорастал в седую древность. Тем не менее, а может, и благодаря тому, оправдывал себя на деле. Подопечных называли «близкими» и натаскивали соответственно собственным представлениям как о функциях, так и о моральном облике гвардейца.

Фладэрик кивнул.

Дофот, отложив кодекс, нашёл нужным поклониться, почти чопорно от растерянности: вампирчик никак не мог разгадать настроения патрона. Не мудрено. Физиономия отличалась выразительностью иного умертвия до пробуждения.

Третий Милэдон, откашлявшись, зачем-то цапнул кочергу, отчаянно поворошил угли в корзине, щедро осыпав искрами окрестность да чудом не опрокинув конструкцию. Поглядел на брата.

– Аарэм, будь добр, поставь столец⁴⁰ для гостя, – распорядился Сейран негромко. – Вот тут, поближе. Спасибо, – говорил подданный мягко, хоть и с трудом.

Упырь подавил тяжкий вздох. Командир Прихоти был на редкость дельным и достойным мужем. Верил в добро и справедливость, а то и, стыдно сказать, благородство.

⁴⁰ Род стула, табурета.

Нежизнеспособная особь. Тем паче, в долине Олвадарани, владениях дивноокой Равнсварт.

– И тебе, Стэван, – продолжал негромко Сейран. Белокурый богатырь, не выпуская верной, пусть и неловкой кочерги, что-то пробурчал, возможно, уже размышляя, как этой самой кочергой будет дорогого гостя в случае чего потчевать. – Распорядись насчёт обеда. Думаю, Адалин голоден?

– Нет, благодарю, – тряхнул головой тот к облегчению не слишком хлебосольно настроенного молодца. – И от жажды тоже не умираю, – предвосхищая развитие темы, заверил Фладэрик с тонкой улыбкой.

Сейран фыркнул.

Когда бдительная родня – кровная и самочинная, – покинула спальню, Милэдон смущённо покосился на посетителя. Фладэрик на взгляд не отреагировал. В сущности, ничего предосудительного. Даже завидно. Преданные до посинения сродники, бестрепетная жёнушка, собственноручно менявшая мужу перевязки. Чем не идиллическая картинка?

Разве что, участь главного героя невзрачная да безрадостная.

Адалин прикрыл глаза. Сам он на исконных землях отчизны чувствовал себя едва ли не более одиноким, чем среди пьяных степей за Колючим Змеем или вздыбленных менгиров Мрачных Холмов. В Голоземье хоть подрасться удавалось от переизбытка чувств.

– Я скверно выгляжу, – вяло усмехнулся Сейран. – Впро-

чем, ты тоже, – а ведь, и верно. Упырь почти позабыл о состоянии собственной физиономии. – Что стряслось?

– Выжлецы, – кратко отчитался Адалин. – А тебя, я так понимаю, выродки Тэрглоффа?

– Они, – бывший командир покаянно вздохнул. – Прости, Упырь, я облажался... – Фладэрик вежливо вздёрнул бровь, собираясь уточнить, однако Милэдон, сипло кашлянув, опередил вопрос: – Наверное, сболтнул чего лишнего по пьянке. Пёс их разберет... Насели крепко.

– Но домой тебя отпустили, – пожал плечами Фладэрик, скрестив на груди руки.

– Я, всё-таки, наследник Белого Генрича.

В душевной комнате пахло скверно: болезнью, болью, бобровой струей, дягилем, барсучьим жиром и гарью. Больше всего бесила именно гарь. Даже сладковатый душок, распространяемый гноящимся несмотря на все старания Тэарвин мясом, да опийный привкус, вызывавший гаденькие ассоциации, так не раздражали.

Упырь, растирая ладонью нижнюю часть лица, прогулялся до сундука, задумчиво поглядел на забытый кодекс. Поднял.

– Да и куда я денусь? – Милэдон лежал на спине, уставившись в потолок. Растрескавшиеся губы неприятно кривились. – Видал, что с ногами...? – Упырь рассеянно покивал. – Тинктурами напоили так, что не заживает ведь ничего! Хэминд, отморозь, старался.

– Нешто самолично? – подивился между делом Адалин,

листая шелушащиеся страницы.

– А то! Крысий канцлер.

– К сожалению, вампирский, – повернувшись на каблучках, прищёлкнул языком Фладэрик. – Хорошо. Мне нужны подробности. Надо понять, что им известно. Кстати, – он выразительно приподнял кодекс. – Ты же, разумеется, в курсе, что эта писанина считается запрещённой на территории долины Олвадарани последние четверть века? Твой велико-возрастный держальник точно надёжен?

Сейран слегка поморщился, насколько позволяли медленно заживавшие побои:

– Упырь, я введу его в семью. Он мне как сын.

– Это же не ответ, – почти издевательски скривил губы Адалин, талантливо симулируя брезгливое недоумение.

Милэдон подавил тяжкий стон:

– Ну, разумеется. Ты хоть кому-то доверяешь? Брату своему, к примеру?

– А ты наивный, – Упырь почесал бровь, меланхолично колупнул подвядший струп.

– Князя великие, – пробормотал Сейран. – Аарэм просто изучает историю!

По источникам, запрещённым специальным указом Королевы.

Достойное занятие для недостойного подданного. Фладэрик и сам любил подобные предприятия. А всё же, парня следовало проверить.

Глава 3. Лилия и Роза

Кодексы Миридика в долине не жаловали. Пёс знает, отчего.

Холерные колдуны учиняли разливанные моря пустопорожных славословий, подпекаемыми воробушками заходились в угоду ревнивому тирану, пестуя монаршую спесь да самомнение щадя. Данное сочинение пожелавшего остаться неопознанным автора ещё выгодно выделялось на общем фоне некоторой замашкой на здравомыслие и рациональность, и излагало спорную историю последних полутора столетий почти без искажений.

Миридик, южное царство колдунов, себя прозвавших Ллакхар в честь древней столицы и народа-прародителя, до недавнего времени представлялось надменной, кичившейся прогрессивностью республикой, управляемой Большим Сартаном.

Сэтвенты – могущественнейшие, а заодно и богатейшие, представители – вершили судьбы пространного, исподволь непрестанно расширявшегося, ровно плесень в погребе у нерадивых хозяев, государства из престольных Семи Ветров. Помыкали провинциями через эмиссаров, спорами разбросав колонии на запад и восток. И причиняли ощутимую головную боль хозяйке Каменной Розы, тактично притесняя человеческих правителей, но на господство сверх того не

претендуя.

Всё меняется. Вот и в Семи Ветрах умонастроение знати изменилось.

Сэтвент Сартана, мессир Вильфар Аррамунет, собрав тишком ватажку неравнодушных и сочувствующих, приволок откуда-то с восточных развалин пыльные скрижали, накормил мухоморами Хранителей Знания, на-гора под тем делом сочинивших с дюжину пророчеств, откопал в дремучей западной провинции древний род, ведущий историю от самого Эрвара Лилии, и радостно приволок наследничка в столицу. Тогда он ещё по простоте душевной не подозревал, что за гадину пригрел.

Молодой Наследник оказался к наставнику на удивление благодарным. Ни ядами не попотчевал, ни на кол не высадил. По сию пору подле себя держит.

Норт Адальхейн Эрвар, голубоглазая прелесть о золотых кудрях, произвёл на колдунов-ллакхаров неизгладимое впечатление. Чуть не светлокняжеского отпрыска, дивный плод ветви легендарного короля, знамение грядущего возрождения державы. И ведь далось оно Сэтвентам! Пёс знает, чего любомудров не устраивало. И жилось им сыто да привольно, и в целом народ не бедствовал. А поди ж ты.

Белокурый Адальхейн, проявляя невиданные способности в обучении, слыл записным умником, вдохновенным оратором, а заодно и храбрецом. Наследник, Принц, Алмазная Лилия Ллакхара! Сартан ликовал, подданные млели в

ожидании чудес. И чудо случилось.

Ближе к совершеннолетию Щенок, хунту «дядюшки» Аррамунета изящно пестуя и потайные интриги заплетая, устроил что-то вроде переворота, заручившись поддержкой народа. Скорее всего, Вильфар торил дорожку для себя любимого, живописуя в фантазиях не то счастливое регентство при вялом дурачке-монархе, не то марионеточное правительство, управляемое тeneвыми советниками. И, разумеется, обознался.

Лилия на деле оказалась именно что алмазной, не по зубам ни столичным интриганам, ни иноземным конкурентам.

Добравшись до заветного венца, Адальхейн тотчас провозгласил реставрацию прежних обычаев и узаконил свою власть. Хитроумно и вполне успешно, благодаря фантастической, самозабвенной наглости, все мыслимые пределы переросшей, задавил вялые поползновения свободомыслия. Приструнил Сарган бестрепетной рукой, отчасти вырезав, отчасти запугав или перекупив отобранным у вырезанных.

И пошло-поехало.

Самопровозглашённого правителя счастливо благословили вразумлённые плетьюми-угрозами Хранители Знаний, приняли со слезами радости в помутившихся от ужаса глазах Сэтвенты, голову купно с имуществом сохранившие и на том благодарные; признал народ, давненько по жестокой длани да хозяйской дубине истосковавшийся. Миридик ощерился в предвкушении войны, зазнался и окончательно обнаглел.

Эрвар, приложив немало усилий, сколотил державу себе под стать.

В государстве, где все от мала до велика обладали какими-никакими колдовскими способностями, вроде стольцев, мановением век метаемых, или кулаков самовоспламенявшихся, а любая, даже случайная трактирная потасовка грозила перерасти в катастрофу мирового масштаба, а то и светопреставление, появление такой фигуры, как Норт, стало судьбоносным.

Ллакхары завязали с междоусобной грызнёй и обратили алчные взоры на пышный соседский околоток, воспылав под чутким руководством молодого Адальхейна имперскими настроениями. Щенок вознамерился завладеть окрестностями – ближними и дальними – непосредственно, без всяких околичностей, вроде эмиссаров и податей.

Фладэрик, задумчиво созерцая незатейливые гравюрки в кодексе, прикидывал, чем же прельстил Её Величество южный колдун, чего посулил завлекательного, что дивноокой госпоже последние мозги снесло.

Алмазная Лилия и Каменная Роза – подумать только, и откуда у судьбы страсть к цветоводству?

– Ллакхар, – пробормотал отвлечённо, почти забывшись, Адалин. И тотчас встряхнулся, отругав себя за оплошность. Сказывалась поганая усталость.

– Курвино племя, – подтвердил сипло Милэдон. – Садись, Упырь. Поди, с рассвета в седле.

– Ляд бы с тем, – пожал плечами Фладэрик, отложив несчастный кодекс. – Не впервой. Итак?

Сейран натужно откашлялся, сглотнул:

– Тэрглофф спит и видит, как бы тебя подловить. – Упыря сообщение не удивило. Констатировать очевидные факты он привычки не имел, но смирился, принимая вступление. Командир Прихоти собрался с мыслями: – По-моему, он уже на всё готов.

Приелась Канцлеру роль злобного полудурка на посылках. Опустившись на столец, Адалин мрачно растёр шею под волосами. Нет, кем-кем, а полудурком Хэминд, змея подковёрная, был в последнюю очередь. Серебролюбивый изверг и палач, дивное сокровище в волшебном сундучке Её Величества. Достойный наследник Эйлэйва Проворного по прозвищу Выскочка, затесавшегося в число вельмож Розы по какому-то чудовищному недосмотру.

К Высоким Семьям Тэрглоффов относили лишь последние полтора поколения, что, по меркам долины Олвадарани, неприлично мало.

Фладэрик излишней приверженностью идеалам навъей породы не страдал, коронных аристократов по большей части презирая. Но и с методами Проворного, скользкого, что маринованный маслёнок, мириться не научился. Хэминд, здорово напоминая батюшку, шагнул дальше. И вывел придворные козни на новый, астрономический размахом и геологический областью залегания, уровень.

– Меня допрашивали на предмет контактов с некими личностями, улизувшими из Северных Башен, – поведал Сейран тихо. – Ну, и в отношении высказываний, имевших место, Князь весть, где и в чьём присутствии.

– То есть, свидетельств тебе не предъявили?

– Пока нет, – Милэдон ослабил, скосив глянецвитые глаза. – Приберегает на крайний случай... стервь дальновидная.

– А ты стал осмотрительнее в подборе эпитетов, – заметил Упырь с усмешкой.

Командир наградил Адалина укоризненным взглядом.

– Сам попробуй, – предложил Милэдон сварливо, но обиду проворно проглотил, прекрасно сознавая виновника произошедшего. – Прав ты, зараза злоречивая. Надо было раньше озаботиться.

– Я так понимаю, истязает тебя Хэминд из любви к искусству, – предположил Фладэрик. – Кроме языка беспутного вменить нечего. А подозрений, несмотря на канцлеровы происки, для приговора Благородному пока маловато.

– Тэрглофф жаждет изобличить тебя, – прикрыв веки, вяло вздохнул командир. – Заговор, измена, подрыв устоев.

– Да хоть бражничество с волколаками, – усмехнулся Адалин. – Крыса пока перебьётся.

– Шальная самоуверенность, – протянул с нежностью Милэдон. – Фладэрик, не мне тебя осторожности учить. Но теперь я боюсь. За Тэарвин, за семью. За тебя, дуралея!

– Хорошо, – кивнул тот, решительно прихлопнув по коленям. – Значит, идею мою оценишь.

– Излагай, – приподнялся под шкурой Сейран, игнорируя зловещий хруст суставов.

– Тебя волнует благополучие родни и сохранность дома, – потирая подбородок, обстоятельно начал Фладэрик. – При этом, ты, разумеется, понимаешь, что отвертеться от обвинений в оскорбительных речах, монаршее достоинство уязвивших, не получится. Скорее всего, у Тэрглоффа имеется парочка купленных, а то и вполне искренних свидетелей, готовых под присягой подтвердить твою виновность. – Милэдон сокрушённо кивал и спорить не собирался. – Понимаешь, о чём речь? – уточнил Упырь, взглядываясь в скорбное, постаревшее лицо.

– Не трави душу, – скрипнул недоломанными челюстями командир. – В чём идея?

– Идея, Сейран, в покаянии, – меркло улыбнулся Адалин и скорчил до того возвышенную физиономию, что Милэдон, усомнившись, содрогнулся.

– То есть? Мне, что...?

– Не шарахайся, басалай уличённый, – фыркнул Фладэрик, насладившись произведённым эффектом и мину скомкав. Выражение лица вновь сделалось постным и подчёркнуто ироничным. – Черкнёшь на имя Величества пару ласковых строк. Мол, в содеянном не раскаиваюсь, болтал в полном уме и твёрдой памяти. Семья не при чём, один я такой,

греховодник, у почтенного Генрича уродился. Почему и тикаю отсель искать лучшей доли в туманной дали. Поминай, как звали, шлёндра венценосная. И пару твоих виршей. Желательно, продублировав в Стяг да гарнизону Прихоти. Чтоб солдатня под чарку повторяла да тишком насвистывала. – Ошеломлённый Милэдон уставился на соплеменника, не мигая. Мрачная улыбка кривила губы Упыря. – А тебя, тем часом, через Эреттурн за Зубатку переправим, – продолжал он невозмутимо. – Обратни Рункарда хороший слог любят. А стихи твои позабористей любой «вдовушки». Они оценят.

– Верхом? – недоверчиво нахмурился командир, загодя ёжась.

– К седлу привяжем, если сам не усидишь, – пожал плечами Адалин. – До Гравароса лично провожу. А там тебя обратни встретят.

Сейран пожевал губами, размышляя.

– Затея рисковая. Потому может сработать, – подытожил Фладэрик негромко.

– Но, – Милэдон всё ещё сомневался, меряя гостя угрюмым взглядом исподлобья. – Даже сработав... как это спасёт тебя?

– А чего меня спасать? – ехидно щурия ярко воссиявшие глаза, ослабилась в ответ тот. – Чай, не девица подневольная.

– Хэминд не успокоится. Ты ему что кость в горле, – бывший командир пасмурно наморщил изборождённый свежими морщинами лоб. – Или колючка в сапоге. Вышние, сам

говорил, тоже не в восторге, – унылое перечисление грозило затянуться, но Упырь не перебивал, лишь утвердительно кивая в ответ на каждую фразу. – Гвардейцы завидуют, министерялы давно позабыли присягу, Совет, да и Голос, тебя боятся. А испуганный зверь кусает...

Адалин только развёл руками.

– Фладэрик, ты ведь... допрыгаешься, – скорбно протянул Сейран с чисто отеческой тоской.

Упырь лишь фыркнул:

– Да и пёс бы с ним. Мне что терять? Ни семьи, ни обязательств. – Милэдон устало и неодобрительно поморщился, но возражать не стал. – Радэрика, будь он хоть самому Тёмному Князю сродник, ни одна собака не заподозрит. Второго такого... образцового отрока не найти. За него сам Канцлер Стударма поручится, я уж про Каувица молчу, – пожалуй, тут Упырь слегка приукрасил действительность ради спокойствия запальчивого Милэдона.

Гэдэваль Лаэрвиль, монарший ставленник, в университете королевском заправлявший, отличался характерным, ушлым складом ума и соответствующей прозорливостью. Иные на лакомых постах не заживались. А старший наставник, Тиргерат Каувиц, вельможной шельмоватостью составлял достойную конкуренцию дворцовым прихвостням. И всё же, младшего брата сии достойные мужи, в целом, одобряли.

– Без тебя всё рухнет, – резонно возразил командир, предусмотрительно понизив тон. И пристальной взгляделся

в шалое лицо, пробрезжившее нарочитым легкомыслием. – Ты же понимаешь?

– Я помирать пока и не собираюсь, – откликнулся насмешливо Упырь. – Наивно ждать чего иного от «ублюдской твари королевы». Разберусь.

– Князь свидетель, ты сказал, – набожно буркнул, осеняя себя соответствующим знаком, Милэдон.

Про старшего Адалина он в казармах слышал всякое. А ведь гвардейцы с динстманнами да солдатнёй преллагатая уважали, а то и, стыдно сказать, любили. Как величали за глаза ненавистного упрямца остальные, Сейран тоже имел некоторое представление. И осведомлённости Фладэрика на сей счёт отчего-то совсем не удивился. Удивляла, разве, лёгкость, с которой наследник одной из знатнейших семей долины принимал придворное злословие.

– Кстати. Твой брат присягает ей на днях. Ты не останешься в Замке? – припомнил и невольно удивился командир.

– Не мне же присягает, – покрутил серёжку в ухе Адалин. – Величеству. А тебя проводить нужно. Орлов проводить. Да и... хм... срок уже. Думаю, пора прощаться с Розой.

– То есть... всё готово? – Фладэрик, не снимая со стылого лица ухмылки, кивнул. – Упырь! За это стоит выпить! Не кривись, твоё любимое прикажу! Ишва-Илэ. Золотое Ставменское! Обычай велит.

– Обычай много чего велит, – пожал плечами, не слишком сопротивляясь, Адалин.

Голова гудела, потихоньку сраставшиеся покровы ныли и зудели. А Упырь почувствовал странное, не связанное со внешним миром раздражение. Лютую, отупелую тоску, бьюком вцепившуюся в глотку.

Растирая ноющий загривок, Фладэрик степенно наблюдал, как призванный Дофот колдует над кубками, подобострастно глядя на покровителя, старательно сооружавшего из постели подобие берлоги. И на ходу прикидывал, как бы спровадить страдальца из долины. То, что в седле Милэдон не удержится, чем дальше, тем становилось очевиднее. Адалин помянул проклятого Канцлера и его окаянных приспешников, дело своё, судя по результатам, знавших прекрасно.

Держальник почтительно передал гостю кубок и, закусив губу, отступил к двери. Сейран, улыбаясь, полулежал на подушках, шкура сползла на ноги, обнажая облепленные рубашкой рёбра, туго стянутые перевязками.

Ишва-Илэ, пряная отрава, креплёное имтильское вино, отдающее изюмом и буйством, пахло одуряюще, вызывая в памяти подзабытые картины, а в разуме – оттеночное беспокойство. Упырь прикрыл глаза: а ведь проныра Милэдон знал, чем потчевать надменного приятеля, помнил и, кажется, нарочно озаботился.

Ставменское зелье не пользовалось особой популярностью у кровососов. В виду специфичности, стоимости и, отчасти, взаимоотношений Короны с мореходами. Подданные блистательной Айрин предпочитали сладкую дрянь родом из

Ардуайна или забористые Ярьенские шедевры, больше напоминавшие приправленную опилками сивуху Хуторского Бажая. Бражку Адалин принимал как неизбежное зло, титулованную западную канитель, отдающую мхом – тоже, но с куда меньшим восторгом.

А Золотое Ставменское они частенько пили с отцом.

– На удачу! – провозгласил бравурно Сейран, воздев кубок. – Во славу Розы и на погибель врагам!

– Угу, – буркнул Фладэрик, избегая чрезмерной экзальтации, против воли принюхиваясь к знакомому, свербящему полутонами аромату.

Глава 4. Гостеприимство, кров и стол

Подрумянившееся к вечерней зорьке, а всё равно чахоточное в северных краях светило, клонясь к пушистым шапкам сосен, что застлали отлоги синих гор, искоса заглядывало под откос узкого, бойницу напоминавшего окна. Не то взалкало напоследок кровавых подробностей упырьего быта, не то попрощаться заглянуло.

В каминном зале, сакральной кладовой битого зверья, дежурной усыпальнице раритетного оружия, а заодно, как подозревал Адалин, месте регулярного послеобеденного паломничества, собралась небольшая толпа.

Генрич Белый Милэдон, сутуловатый старик с гвардейской выправкой, пепельными усами, годными послужить родовым знаком в обход герба, и носом им под стать, в сопровождении полчищ собак и своры чуть более многочисленной родни чопорно предстоял посередине, аккуратно зачесав пенные космы на старомодный лад, и зачем-то напялив придворный кафтан, древний, что поселковая знахарка, и лишь чудом от моли упасенный. Ещё и перевязью той же эпохи обмотался.

Фладэрик приглядывался к амуниции, дивясь как сохранности, так и самому факту ее существования. Громоздкая, напоминавшая конскую упряжь конструкция смотрелась на почтенном кровососе вполне уместно.

Собаки млели, родня благоговела.

Нервно почесав бровь, Адалин выбрался из ниши окна, откуда невозбранно любовался пейзажем и сочинял «покаяние» Милэдона. Поклонился, размышляя, чем ещё почтить явление подобного масштаба.

Сопровождаемая зловещим скрежетом, ритмичным похрустыванием и проникновенным шорохом ползущей по стене сороконожки, в зале объявилась Альдэгерда. Разумеется, в кресле. Памятный чепец прикрывала благообразная накидка, прихваченная обручем. Собаки благоразумно старухи сторонились. Родня огребала тычки подвяленным перстом и острым локтем, послушно расступаясь.

Искося глянув на подкатившую на самоходном кресле старицу, Генрич отрывисто мотнул кудлатой головой:

– Рад приветствовать тебя в своём доме, мессир Адалин. Прости нерасторопность. Я не знал о твоём визите, иначе прервал бы прогулку прежде. – Упырь улыбнулся, благополучно симулировав воспитание и маскируя прищуром диковатый взгляд, невольнo мерявший делегацию. Древняя упырица только что его подозрительно... обнюхала? – Позволь предложить тебе моё гостеприимство, кров и стол.

– Благодарю и принимаю, мессир Милэдон, – откликнулся Фладэрик, понимая, что отступать попросту некуда.

Семейство обложило его плотным кольцом. Да и Альдэгерда верхом на инженерном исчадии, напоминавшем скорее осадную машину, маячила недобрым предзнаменованием.

Генрич важно задрал породистый нос, демонстрируя фантастические усы. Упырь почти проникся. В самом деле, этот старик знал толк не только в высадке корнеплодов и масштабном окуневодстве. Успел послужить Короне, запятнав фамилию ратной славой, как черничник – подол распутной поселянки.

Трапезничать семейство полным составом угнездилося уже затемно в изумительно напоминавшем кишку, долгом, что полный титул Королевы, и тёмном, что её же помыслы, зале в южной части дома. Ещё бы, ораву сперва следовало собрать, сгруппировать, а там и высадить, избегая лишнего столпотворения.

Адалин очутился одесную хозяина, заняв место хворого, а потому от всеобщей трапезы освобожденного Сейрана. Генрич, милостиво приподняв углы усов в улыбке, взирал на гостя. Стэван и Луксас, заседавшие чуть поодаль, за дядьями, – куда менее дружелюбно. Четвёртого отпрыска Фладэрик не заметил. И лишь тогда вспомнил, что вампир по юности своей ещё обретается в Стударме. Фладэрик оценил разброс. Пожалуй, поболе, чем у них с братом.

Эстэрварт, который-то из дядьёв, оказавшийся справа, легонько подтолкнул гостя под столом и выразительно осклабился в ответ на вопросительный взгляд. Упырь разыгрывал трупное окоченение.

Семейство Милэдонов здорово напоминало сплочённый древний клан, какими жили восточные степняки. Глядя на

них, Адалин прикидывал, как можно сплочённость эту к делу приспособить. Родственные чувства, не в определении Фладэрика, злорадного и циничного до мозга костей, а в классическом их понимании, за редкостью в Долине почитались явлением сказочным, то ли вымершим за ненадобностью, то ли изначально вымышленным, как единороги или справедливая власть. А тем не менее, существовали. Доказательству чего стал вынужденным свидетелем сам Упырь.

– У меня есть мёд, – заговорщически, самым углом рта, сообщил Эстэрварт.

– Поздравляю, – откликнулся, разглядывая ломящийся стол, Адалин. От дядюшки за версту несло скипидарами, и доверия известие не вызывало. Как и энтузиазма.

Генрич не поскупился на угощение.

Снедь, расставленная вокруг грузных серебряных подсвечников, поражала воображение и заранее настораживала желудок. Вечеряли Милэдоны обстоятельно, плотно, и, судя по реакции сотрапезников, регулярно. Ни обширные мясные тазы с лоснящимися каплунами, кабанятиной, олениной, дичью и прочими лесными радостями, ни отряды соусов, их обложившие, положенного интереса не вызывали. Как и маринады, хлеб, овощи, колбасы купно с обильным озеленением.

Не мудрено.

По-настоящему питались чинные подданные иначе. Но, что похвально, тишком, в уединении и тайне, отчаянно прикидываясь пестующими ханжеское добронравие жителями

соседних государств.

Семейство, вслед за Хозяином, активно веровало в Князей и Жрицу, а потому судорожно внимало творимому Генричем благословению, славу оных провозглашавшему. Фладэрик покладисто разглядывал подсвечники, живописавшие в металле колченогих звероящеров, и тем симулировал благочестие за компанию.

Подобный ритуал разделяли многие вампиры. И относительно князепоклонства, и относительно приёмов пищи. Моду ввело неуёмное Величество, регулярно учинявшее пиры на человеческий лад. Знать снулыми призраками восседала по лавкам, усердно прославляя «щедрость» госпожи. Собаки, огребавшие харчей от пуза, жирели, челядь ликовала. Недоумевал лишь отвечающий за казну Орэндайл да ядовитые скептики вроде Адалина.

– ...и да озаряют путь идущим по земным дорогам милосердием неизъяснимым, и да примут окончивших его, и да направят заблудших...

Уж они направят. Фладэрик подавил неуместный вздох, рассудив, что зевнуть в разгар благопожеланий, не вызвав определённой реакции степенного собрания, не удастся.

– ...да прольёт милость свою примиряющую, да одарит любовью и долготерпием, да благословит страждущих. Хвала, хвала, хвала.

Упырь ожидал продолжения в обычном духе верноподданнического словоблудия: традиция предписывала трое-

кратно же прославлять Величество, Розу и Совет. С перечислением всех заковыристых титулов. Однако Генрич ограничился скромным упоминанием чтимых предков и обозначил верность клятве скупым упоминанием. Упырь мысленно фыркнул. Вот вам и преданность традиции.

Значит, старый Милэдон уверовал в непричастность гостя к сыновним злоключениям. Иначе разливался бы соловушкой о дивных качествах любезной порфириносицы до самых петухов.

Кстати, о петухах.

Эстэрварт, деловито крикнув, как раз потянулся за каплунами. Генрич, снисходительно обзрев стол, ограничился хлебом. Фладэрик, сытый уже от одного духа, окутавшего просторный зал, последовал его примеру. Ещё саднящие после недавней встряски потроха проявляли завидную тягу к воздержанию, заодно намекая, что последний кубок Золотого, распитый натошак, был не лучшей идеей.

Упырь вздохнул, с нутром в кои-то веки солидарный.

Да ведь не откажешь болящему, внезапно уверовавшему в свою звезду. Адалин его восторгов не разделял. И спешку чумную почитал главным врагом задуманного.

Он слишком долго, слишком кропотливо пестовал нарождающееся исчадие народного долготерпения и коронного маразма, чтобы теперь по глупой неосмотрительности запороть всю затею на корню. Разумеется, за дюжину-другую лет Тэрглоффу случалось ловить не только кого попало. Но

теперь, на финишной прямой, Упырь не хотел неожиданно-стей.

– Гуляш! – многозначительно представил Эстэрварт, ткнув в чеканный ушат с густым варевом, едва не пузырящимся от сознания собственной важности.

Фладэрик небезосновательно полагал, что глянцевого от жира творение местных поваров вполне способно в случае чего оказать достойное сопротивление покусившимся на сохранность его лаковой корки. Есть – и даже оскорблять подозрением в съедобности – дивный шедевр было бы кощунством. К тому же, опасным для здоровья.

При взгляде на ушат внутренности завязывались суевверными узлами.

– Семейный рецепт! О! И перепёлки! Очень рекомендую, – вещал весьма довольный содержанием стола скипидарный дядька.

– Благодарю, – кивнул, сглотнув, Упырь.

Эстэрварт благодушно улыбался, глодая обильно сдобренного бледным соусом, сочившегося жиром и за версту вонявшего травами каплуна.

– Не гляди на Генрича, – фыркнул вампир. – Он у нас тот ещё постник. Будь его воля, на воде речной да коре лесной жил бы... – Адалин пожал плечами. Кора корой, однако, от трапезы он и сам предпочёл бы воздержаться. Пусть и не в пользу древесины. – А хочешь действительно поесть – только свистни, – продолжил, помахивая косточкой, общительный

сотрапезник и выразительно заломил густые брови. – Это всё так – для отвода глаз да позы...

Адалин галантно пригнул голову и продолжал отыгрывать добронравие. К слову, Упырь не заметил, когда это они с Милэдоном успели сойтись достаточно для подобного тона. Но усатый по примеру хозяина Эстэрварт, в силу возраста, мог позволить себе толику панибратства. И Фладэрик любезно улыбнулся:

– Хорошая мысль.

– Да уж, – покивал, состроив мину выразительную, дядька. – Тебе б не помешало. Экий одр. Немудрено, что народ шарахается!

– Странно, что птицы в полёте не мрут, – поддакнул позабавленный Адалин. Вот ещё одром его не называли родственнички хворых заговорщиков.

– Кто тебя пощипал? – небрежно зашвырнув едва надкушенное бёдрышко под стол ревниво вьющимся тут же собакам, уточнил Эстерварт.

Упырь смерил соседа беглым, насмешливым взглядом: неприлично смуглый для подданного, носатый и белоусый, выглядел дядюшка куда моложавее брата. И заметно веселее. Ведь не его старшего отпрыска в застенках Розы клещами потчевали да едкими тинктурами травили.

– Вестимо, вышеозначенный народ. Под впечатлением.

– Понятно, – беззлобно ощерился подданный. – Старая песня. Молодец. Язык почём зря не распускаешь. Поучил бы

нашего олуха... уму-разуму.

– Думаю, его уже научили, – откликнулся Адалин, понимая, что за светским трёпом с повадками излишне добродушного дядюшки хорониться долго не получится. А потому и не пытаюсь.

Эстэрварт, пестуя избранный тон и закономерно пренебрегая приличиями, обсосал изгвазданные жиром пальцы, выразительно округлил zenки и поиграл кустистыми бровями:

– О как! Ну, коль ты находишь! По мне так запоздала наука.

– Возможно, – чинно пригнул блеклую физиономию Упырь, в раздумьях пощипывая подбородок. И раздумья те, к вящему сожалению хлебосольных усачей, к столу и всем горестям его отношения не имели.

– Эх, молодость, – хищно фыркнул дядька. – Несогласие, бунт... доблести всякие...

– Столбы позорные, – не удержался Адалин, прищёлкнув языком. – А то и шибеницы.

– Ну, это как повезёт. – Эстэрварт, ухмыльнувшись, запустил ладонь в хлебную корзину. – Лучше б, конечно, без столбов.

– Без столбов забор падает, – откликнулся Фладэрик, вызвав приступ бурного восторга, осиянного фонтаном крошек.

Не успевший толком прожевать откушенное любитель

мёда закашлялся, стремительно бурея. Адалин воспитанно игнорировал происходящее, пока слуги спешно приводили младшего хозяина в чувства. Генрич, едва различимо ухмыльнувшись, кратко кивнул гостю и выразил тем самым сдержанное... одобрение?

То, что Белый Милэдон прислушивается к застольной беседе сыновнего залётного сотоварища, Упырь догадался сразу. А вот подтверждению умилился. Не иначе, гость таки выкупил хозяйское доверие. Не понятно только, чем именно: кулинарным аскетизмом или повадками.

Рдяное факельное освещение кутало продолговатую залу в романтический полумрак застенка, и умиляло верностью традициям. Пирующие – иначе обозвать застольное изобилие язык не поворачивался – подданные обменивались впечатлениями; столь же чинно, воодушевляясь хозяйским примером, перетягивались ждущие подачек псы. Адалин на мгновение прикрыл глаза, напоминая готовому обмануться сознанию: уютное затишье гостеприимной усадьбы – всего лишь сладкий морок над чавкавшей, плотоядной трясинной. Клок тумана, заплутавший в буреломе коронного безобразия.

Упырь мрачно усмехнулся.

В Замке ретивые придворные остолопы с удовольствием вразумят заблуждающихся. Заботливой подножкой, а то и аппетитной потравой не дадут обмануться мнимым благолепием. Чем не повод отпустить притомившееся здравомыс-

лие? Скоротать ночку в куда более приятной компании ласковой, что заскучавшая в сельской глуши вдовушка, наивности.

Упырь сердито щёлкнул челюстями на очередного призрака, услужливым напоминанием вылуцдившегося из недр подсознания: безглазое лицо в тайне казнённого подданного, присвоенный домен, знаки в Голоземье.

Долготерпение себя исчерпало. Не осталось у долины Олвадарани в запасе праздных ночек. Давно не осталось.

Глава 5. Белый Генрич

К исходу вечера, так или иначе, случившемуся-таки до первых петухов, вопреки всем сумрачным предзнаменованиям и страшным посулам, вроде пространных здравниц и негаданных перемен блюд, скипидарный Эстэрварт сподобился отпотчевать примороженного гостя клятым мёдом, на поверку оказавшимся едва ли нежнее какой забористой сивухи.

Вступив в коалицию с выпитым «ставменским», ядрёная бражка раскалила нутро и объединёнными силами, не чинясь, так саданула по мозгам, что ростки ветвистого хмеля едва из ушей не поперли. Привычный Адалин поползновения те игнорировал. И отстранённо отметил приступ внеплановой благодати.

Генрич, заключив трапезу многословным благословением, скорее напоминавшим гвардейский наказ, отбыл восво-яси. Родня, выдохнув, рассосалась следом.

Упырь, неожиданно ухваченный под локоток, обнаружил себя следующим подле хозяина по неузнаваемому в полумраке коридору среди гравированных жестянок доспехов, вооруженных заточенными орясинами. Позади размеренно топотали бдительные слуги, хоронясь в тенях крысиной стайкой. Белый Милэдон, топорща безупречные, за всё застолье ничего крепче воды так и не отведавшие усы, причи-

стил горло, предупредоготовляя к беседе замечтавшегося гостя. И упырь усилием воли отогнал пробрезжившую мысль о грядущем отдыхе. Отпускать сыновнего дружка на покой без прояснения, а то и внушения, заботливый папаша не собирался.

Чувства седого упыря Фладэрик понимал и уважал, но и поспать без угрозы внеочередного потрошения, удушения или обгрызания, не отказался бы. В Розе-то счастливой оказии не предвидится.

– Прости мне мою навязчивость, Адалин, – чинно изрёк Генрич, не поворачивая головы. Совсем не стариковская выправка внушала уважение. – Сейран наследует мне по праву рождения. И судьба его может определить судьбу Милэдона.

Выводы Фладэрик сделал закономерные и очевидные: отказываться от наследника ради сохранения дома Хозяин – добрая душа и старая закалка – не собирался. А о чём фантазировал, видимо, скрывать тоже не хотел.

Впечатлённый зачином, Упырь понятиливо кивнул.

Но почтенный седоусый подданный счёл нужным выдержать приличную паузу. Коридор успел благополучно окончиться тупичком, избавленным от вездесущих доспехов и потому приятным глазу. Семеновший следом челядинец проворно отомкнул дверь, пропуская господ в одну из гостевых спален. Протопленную, нарядно убранную и зачем-то обильно заставленную цветами из крытого хозяйского сада.

Веникообразные охапки оглушительно благоухали, вышибая слезу.

Фладэрик с тоской помянул росные луговины озёрного края, раздольные пуши и свербящую каменную свежесть предгорий. Даже сдобный, луком и капустой приправленный аромат иных деревенских корчмёнок – тех, что почище – представлялся сейчас милее. Благовония, призванные разгонять затхлость, неизбежную спутницу местной архитектуры, напоминали сразу о западных, чуждых проискам ушлых инженеров, а потому неизменно отдающих нужниками хороминах, протравленных испарениями Ллакхарских лабораториях и, разумеется, нежной Айрин, щедро орошавшей пахучим безобразием всё, что подворачивалось под руку.

Генрич, чопорно испросив разрешения, прошёл внутрь следом за гостем. Придирчиво оглядел углы, отослал прихлопших тазы с водой слуг и, наконец, распахнул окошко. Адалин мысленно возблагодарил догадливость соплеменника и остановился у каминной полки, притворно любуясь очередной оружейной композицией. На деле Фладэрик избегал чересчур ароматных букетов и подозрительных подносов с засахаренными ягодами и вином, что приволокли вместе с умыванием вышколенные челядинцы.

Раритетные сабли, судя по виду, помнили ещё Тернеград. А топоры могли застать и Свирепого⁴¹.

Фладэрик мрачно фыркнул: благодарные потомки суеверно законопатили неласковое прошлое, припорошив зако-

⁴¹ Полумифический князь-колдун южного царства АрШарг, в легендах сохранившийся, как гениальный полководец и не ведавший пощады завоеватель.

выристой выдумкой особо несговорчивые участки. Хорошо хоть, загребущие лапчонки бдительной коронной Канцелярии не дотянулись до проповеднических хранилищ и литературных сокровищниц Армандирна.

– Стэван пересказал мне ваш разговор, – объявил позабытый Милэдон, упрямо пялясь в ночь через окно.

Далёкие горы откликались протяжными стонами плутовавших в каменюках сквозняков. Сосновый бор кряхтел поближе, подметая мохнатыми шапками смурные тучи. Пейзаж всеми силами способствовал меланхолии, закаляя характер подчёркнутой нелюбезностью. Упырь повернулся, скрестил руки на груди и привычно сощурился в ожидании.

– Я начинаю понимать, – престарелый подданный неодобрительно покачал головой.

Помолчали. Торопить Хозяина, тем паче помогать оному, самолично в петлю прыгая, Адалин не собирался. Балаган в трапезной и разыграть можно. Семья семьей, но каты с Башнями – перспектива не самая лучезарная.

За распахнутым окошком, в сонном шелесте кустов и древесном скрипе покаянно тьякнул одинокий кобелёк, отбившийся от трапезного полчища и оттого пронзительно кручинный.

– Кто бы мог подумать? – так ничего и не дождавшись, кроме собачьих трелей, Генрич отлип от окна. И даже соблаговолил обернуться, смерив гостя долгим взглядом потомственного командира. – Выходит, слухи врут?

Фладэрик пожал плечами. Откровенность его давно не смущала. Тем паче упрёком тут отчего-то и не пахло. Белый Милэдон решил отложить моральную оценку до лучших времен.

– Слухи? – симулировал твердолобость поднаторевший в светском лукавстве Адалин.

– Твоя роль при дворе, – предложил навскидку подданный, дрогнув роскошными усами. – Или причина размолвки с отцом. Я, как ты понимаешь, не частый гость в Розе. Мог и не разобраться. Однако мне казалось, наследник Тайдэрика пользовался... благосклонностью Её Величества. Неожиданно долго. Теперь по всему выходит, молва очернила того мессира?

– Не слишком, – ухмыльнулся означенный наследник, позволив себе чуть больше искренности. Но Адалин сегодня не собирался откровенничать сверх необходимого.

Кустистые брови Хозяина насупились. Дублёная, ветрами просоленная физиономия древнего кровососа сложилась в мину непонимающую и одновременно пронизательную. Старший Милэдон не спешил с излишним красноречием. Выдерживал паузы с должным терпением, а главное, своевременностью. И состязаться в выдержке эти двое могли бы до утра.

Упырь, вздохнув, помахал метафорической ручкой метафорическим же перинам, невольно покосившись на притаившуюся за резной деревянной ширмой кровать. Генрич, в

полумраке скорее бусый, чем белый, окинул гостя долгим, оценивающим прищуром, вдругорядь дрогнул усами, задумчиво пожевал, надеясь распробовать впечатление. И неожиданно сварливо осчастливил:

– Ладно, Адалин. Надеюсь, хоть сообразительность твоя – не плод фантазии злопыхателей.

Упырь подавил невольный смешок. Знал он, как ту «сообразительность» на деле за глаза честили.

– Прости старику излишнюю прямолинейность и не сочти за оскорбление. Час поздний. Я устал, – говорил командир отрывисто и чётко. Фладэрик понятиливо кивал. – А завтра ехать на дальнюю лядину. Так что не обессудь. Скажу, как есть, без ваших придворных околичностей: тебя мнят предлагатаем и королевиным полюбовником. И то истинно, как видно. О том же Сейран зубоскалил, про то же на женской половине судачат, почитай, с твоего утреннего появления...

Адалин усмехнулся. На этот счёт иллюзий он никогда и не питал. Женская половина неизменно обсуждала именно этот аспект его биографии. Впрочем, как и мужская.

– Однако сыну ты сказал, что жаждешь шибеницы Канцлеру. А то и, Жрица упаси, Её Величеству, – Милэдон задумчиво поскрёб синеватую щеку. Фладэрик смотрел на статного ратника с долей интереса, слегка отдающего вивисекцией. Продолжение не замедлило обрадовать: – По чести, я с тобой солидарен. Видать, поистрепалась за годы моя преданность,

хоть клятвы гоминиума⁴² я, пожалуй, не нарушу. – Усы топорщились, брови хмурились. Выглядел старый Генрич победоносно. – Владычица Розы, великолепная миледи Айрин, безусловно, князепосланная госпожа и повелительница. Хотя решения Её и Совета, порой, удивляют. А методы насто-
раживают...

Упырь солидарно искривил горькие от «мёда» губы.

– Как бы то ни было, от долга Высшего я уклониться не смею. И «слово» с нарочными отправляю регулярно. Как и подати в казну. Потому хочу понять происходящее. – Помолчав, Белый Генрич фыркнул в усы и сделал ладонью неопределённо приглашающий жест: – Я высказался, Адалин. Теперь твой черед.

– Хорошо, – пожал плечами Фладэрик с калёной, за годы выдрессированной невозмутимостью, способной доко-
нать не одного дознавателя.

Просочившийся в неприметный лаз горностаи, успевший обшнырять поместье вплоть до благословенных кухонь, сочувственно твякнул, чутким столбиком обмерев подле камина. Хозяин, не иначе, от скуки, затеялся толковать по душам с провонявшим псынами владельцем столь глянувших-
ся зверьку закровов. И тот хотел послушать.

⁴² *homagium* или *hominium* – в феодальную эпоху одна из церемоний символического характера: присяга, оформлявшая заключение вассального договора: будущий вассал, безоружный, опустившись на одно колено с непокрытой головой, вкладывал соединённые ладони в руки сюзерена с просьбой принять его в вассалы

– Как я и сказал Стэвану, хоть непосредственно к злоключениям Сейрана я непричастен, вину свою сознаю и принимаю, – степенно начал Адалин. – А потому, как умею, помогу наследнику Милэдона. – Генрич нахмурился. – Мы обо всём договорились. Сейран покинет долину Олвадарани в ближайшую седмицу. Законных претензий у Канцелярии к почтенному семейству по отречении быть не может. Однако тебе, Генрич, до поры придётся от крови, себя дискредитировавшей, откреститься. Сумеешь при необходимости?

Физиономия старого вампира посквернела. Подданный сморщился, ровно палец калиткой прищемил, но всё же кивнул. Нехотя, через силу.

– До поры? – уточнил папаша, скрежеща клыками. Упырь прикрыл глаза, усмехаясь. Седой Хозяин умело выцеживал из речи существенное, а там, скрепя сердце, определял главное. – Ужель, прав Эстэрварт?

– Про молодость? – хмыкнул Адалин.

– Про... несогласие.

– А ты со всем согласен? – с деланным удивлением развёл руками Фладэрик. И перечислил навскидку: – Со спытками, к Благородному без зазрения применёнными, с приглядом бдительным, с доменами, по оговору отчуждаемыми. С монаршим произволом и благоглупостью. С растратами на двор и полным небрежением войсками. С тем, что наследников властительных семей то катам, то колдунам тишком скармливают. А «князепосланная госпожа», головушкой прихво-

рав, отчизну радостно изнутри холерными нововведениями разрушает...

И всё же, мёд давал о себе знать. Фладэрик сердито скрипил физиономию, растирая лоб, но продолжал:

– Пёс с ней, с «князепосланной». Тэрглофф – больная тварь, взалкавшая богатств, а пуще того, чужих мучений, что лично по Звонкой Лестнице вприпрыжку к узникам бегаёт да пытками упивается. Не удивлюсь, если удовлетворение от того получая. Как и Госпожа. – Лицо престарелого кровососа заметно вытянулось. А Упырь, не удержавшись, сплюнул. Развивать тему дальше не стоило.

Милэдон, и без того впечатлённый, выругался сквозь плотно стиснутые челюсти:

– Про то болтали прежде, но быстро сплетню задушили.

– Так я и душил, – припомнив, с ненавистью рассмеялся захмелевший Фладэрик.

Прелэгатаю нежданно, при памятной скаредности судьбы на всякую милость, свезло нарваться в лице престарелого соплеменника на слушателя не только внимательного, но и, что немаловажно, солидарного. А заодно, уж совсем сказочный подарок, благородного.

Генрич неторопливо подошёл к ожесточённо вытаращившемуся в стену гостю. Важно поклонился, выразительно и веско супя брови да топорща фамильные усы:

– Благодарю за откровенность, Адалин. Я того не забуду. И сожалеть не заставлю. Твои намерения мне симпатичны, –

старый вояка выглядел крайне серьёзно.

Упырь постарался не рассмеяться, понимая, что непрощенным, здорово смахивавшим на хмельную оплошность чистосердечием, обыкновенно не позволяемым, добился большего, чем смел бы рассчитывать, затевай беседу с умыслом. Если на то пошло, Белый Милэдон, со всем его бессчётным семейством, ордами гончаков и верных ленников, представлялся союзником не просто сносным, а даже неплохим. Если бы Упырь, конечно, намеревался втравить ни в чём не повинных хозяйчиков в сочиняемую мерзопакость.

– Доблесть старшего сына Тайдэрика отрадна и примечательна. И делает честь батюшке, да осияет благодатью посмертные пути его великая Жрица и милостивые Князья, – благословение упало в пустоту. Единственные Князья, в которых верил Фладэрик, указывали путешественникам дорогу на ночном небосклоне, а к путям посмертным не имели никакого отношения. – Милэдон к твоим услугам, Адалин. Но... – Старик чопорно пожевал губами, ещё взъерошив и без того густые брови. – Скажи по сердцу, правильно ли я понял твои намерения. Не хочешь ли ты, и впрямь, учинить смуту?

Фладэрик негромко фыркнул, вовремя смилив неподобающую моменту весёлость:

– Скажи по сердцу, Генрич, действительно ли ты хочешь знать ответ?

Милэдон понимающе кивнул:

– Разумная предосторожность. И достойная похвалы, – одобрил старый командир. – Но смута, буде таковая среди твоих замыслов, не станет ли для долины Олвадарани проклятьем бóльшим, чем «благоглупости» и алчность вельмож? И думал ли ты об ужасах междоусобицы? О кровной мести Благородных? О том, как на руку война в Олвадарани Семи Ветрам?

Адалин, на протяжении всего степенного рассуждения сохранявший неподвижное выражение послушной физиономии, кивнул. Но, как выяснилось, Белый Милэдон ещё не закончил.

– И как ты надеешься уйти из-под печати клятв гоминиума? Ведь тебе, должно статься, известен этот механизм?

Практическая сметка и тут не подвела Хозяина.

– О, да, – кивнул Упырь, поморщившись. – Гоминиум.

Обязательный ритуал, что проходили знатные вельможи, нерушимая печать преданности хозяйке Чёрного Трона, сакральное тавро, удерживавшее в повиновении помимо воли.

– Тогда... крамола твоя, Адалин, обречена?

– Посмотрим, – мягко, но вполне убеждённо ухмыльнулся тот.

Генрич всё качал посеребрённой головой:

– Подумай, мальчик, хорошо подумай, стоит ли затеваемая тобой смута той крови, что затопит... склоны этих гор.

Глава 6. Призраки и миражи

После ухода старика, с достоинством пожелавшего мрачному гостю «покойного сна» на оставшиеся до зари смехотворных три лучины, Фладэрик отодвинул ширму, уселся на кровати, аккуратно застеленной тяжёлым, узорно вышитым покрывалом, и устался на терзаемые сквозняком занавеси у распахнутого узкого окна.

Цветочный натиск слабел, хотя удушающее присутствие не желало сдавать позиций. Одинокая псина, придерживав рулады, изредка лениво потягивала. Владение затаилось, боясь потревожить господ.

Спать Упырь, чудом не одуревший от скипидарных «медков», по зрелом размышлении раздумал. Рассеянно приласкал юркнувшего под бок Спутника. До третьих петухов оставалось всего ничего. Внизу, наверняка, всюю трудились недрёманные слуги. Наготовить на эдакую ораву представлялось легендарным подвигом, тем паче, с учётом вынужденной регулярности. Упырь проникся к местной челяди невольным уважением.

Оставшийся безвестным Лучистый гвардеец, свежеиспечённый командир Прихоти, не погрешил против истины: Адалин действительно долго отсутствовал. Даже в сравнении с обычными своими отлучками. Самочинно прогулялся не только через всю озёрную равнину, петляя в перелесках

промеж городищ да обомшелых деревень, но и за Белые Горы заглянуть сподобился.

Тамошняя обстановка предполагала некоторое любопытство не страдавших излишней близорукостью соседей. И Адалин, иллюзий не питая, предпочёл симулировать коронную дальновидность во избежание последствий, пока окрестные хозяйчики не догадались.

То, что действовал Упырь по собственному почину, безо всякого высочайшего соизволения, соплеменников уже не удивляло. Фладэрик, не без ехидства игнорируя придворные порядки, за компанию отринул и здравый смысл. В донесениях мотивировал нездоровое усердие врождённой подозрительностью да выпестованным недоверием. Гуинхаррэн благоразумно помалкивал, притворяясь недогадливым. Дивноокая Айрин пока не возражала. Грызла локти втихомолку, да ещё изредка незадачливых подданных подъедала. Ну, да и пёс бы с ней, холерой венценосной. Кабы не Ллакхар и стёршие его с лица земли колдовские знаки.

Стылый горный сквозняк, попетляв промеж осанистых хвойных великанов Олвадарани, набрался аромата и сменил ледниковую, порывистую злость на освежающую резвость. И, проникая в протопленные исполнительной дворней покои, вовсе делался желанным да ласковым.

Фладэрик, вздохнув, поднялся на ноги, подошёл к окну, задумчиво покручивая серёжку в ухе. Пахло близким до-

ждём. Весна, вплоть до самого Бовтуня⁴³, а то и Лита⁴⁴, в долине теплом не радовала. Скреблась под дверь вымороженным ветром, звенела грозами навзрыд, охаживала колючим градом. И нравом паскудным от хозяйки коронных владений мало чем отличалась. Разве, в койку не лезла.

Упырь, разглядывая жутенькую во мраке, иссиня-чёрную округу, предавался воспоминаниям. Пакостным, как скисшая похлёбка.

Во вскипевших тучами, скороспелым ненастьем окутавшихся небесах над зубастым частоколом ёлок сновали мутные тени не то ночных птиц, не то залётного демонья. Полночных страстей в окрестных соснах заблудилось предостаточно. Ещё и с гор ползли, корыстные мечты лелея. Бродяжники, гарцуки⁴⁵, лошоличи⁴⁶, полурехнутые змеехвосты. Случилось Упырю и босоркуху⁴⁷ словить в предгорьях, аккуратно у выпотрошенной деревеньки, явно не в одиночку в том краю промышлявшую.

Адалин сердито растёр шею под волосами. Кромка, взбаламученная божевольными выдумками тирана Миридика, облизнулась клятым калейдоскопом, как заманчивому ла-

⁴³ Праздник начала лета. Празднуется в начале травня (мая).

⁴⁴ Летнее солнцестояние, приходится на конец людского червеня (июня)

⁴⁵ Злые горные духи.

⁴⁶ Страшный лесной дух, косматый зубастый леший (иногда обитает в пещерах).

⁴⁷ Босорка, босоркой – страшилище, ночное приведение, ведьма или колдун с чертами вампира.

комству. Затаилась, выжидая. Фладэрик загривком чуял пристальный, плотоядный интерес тамошних обитателей.

Тех, что ждут...

И, словно в подтверждение, пегие небеса полоснула зарница. Багряная, как маска палача. Первые тяжёлые капли веско зашлёпали по стене, ветром заносимые аж на скос окна. Хвойный аромат, приправленный металлом и – невзначай – хлевом, сделался отчётливее. Ворчавший давеча кобель, за неизвестные провинности не допущенный на псарню, протяжно возопил в промозглый мрак. Хлопнуло, а там и забранилось. Огрёбший певун оскорблённо смолк. Зато припустил ливень, серой оглушительной стеной укрыв околотовок.

Упырь пожал плечами, разглядывая сплошной, отчаянный поток: в лиловой кисее воображение вырисовывало пре-странные видения.

Ваа-Лтар терзал отобранную у хмельного трубадура лютню, умело подкручивая колки в чадном сумраке таверны. Лихо летели по рыжей стерне гривастые кони, гикали, свистели выжлятники, смеялся, откидываясь на высоком седле, отец. Доверчиво моргал длиннющими ресницами Радэрик, пристроившись на шкурах у камина да совсем по-детски обхватив острые коленки. Галдели дружки-Свободные, кропя бражкой очередной стол в очередной корчме. Крутил рыжий ус, девицу в монистах обнимая, весельчак-оборотень. Тонкогубо, по-змеиному ухмылялся Второй Советник, во-

роша тлеющие в жаровне угли раскаляемым тавром. Горела окружённая деревня. Трепетали на ветру пёстрые флажки, клеймленные фамильной Лилией Ллакхара. Катились в обогранный ров безглавые тела. Подолом заметала госпожа в мерцающем венце, изящно и величественно выступая по каменным плитам изукрашенного цветочными гирляндами двора. Хлопали Высшие. Завороженно таращились гвардейцы. Цвёл чубушник и пышная гортензия. Королева стройным, зыбким силуэтом замерла у Чёрного Трона.

Адалин сердито потряс головой.

Ведьма в короне, небрежно придержав на груди полупрозрачный шёлк, расхохоталась, игриво пятясь в полумрак. Зазвенел упущенный стилет. Дёрнулся, кривя обезображенное лицо, залитый кровью лазутчик, насаженный на оленье рога.

Так ведь не было лазутчика, не было покушения. Был молодой егерь Эварэлей. Были многие. Невинные.

Фладэрик растёр вмиг окаменевшую физиономию. Если б не Ллакхар! Родство душ, кружок по интересам. Трепетная госпожа коронного замка, смущённо прячущая холёное личико в охапке пёстрых лилий. И колдун-златовласка о голубых очах, народ с балкона приветствовавший, пока его слуги монетами да самоцветами в толпу швыряются. Достоянная парочка. Артистизм и ловкость об руку с гаденькими привычками. Секретики подлые. Хитроумно выворачиваемая наизнанку низость.

Осиянное багряными зарницами ненастье, кликушей за-

ывая и погромыхивая, с рассветом откатилось вглубь Долины терзать коронные засеки. Щербатая кромка Лунного края, видимая из окна, полыхнула позолотой всползавшего за Эреттурном солнца, чахлого, что ёрник⁴⁸ на болотине.

Фладэрик, благополучно завершивший язвительное «покаяние Милэдона», потянулся, перечёл сквозящие ядом строки, будто бы чужой рукой выведенные, удовлетворённо присыпал песком и, собрав прибор, задумчиво поглядел на разомлевшего поперёк роскошной койки горностая.

Позёмыш растопырился на покрывале, только что из шкурки не выпрыгивая от сытого блаженства. Кончик лоснящегося хвоста экстатично подрагивал во сне. Вывернутая острая мордочка как будто улыбалась. Упырь фыркнул. Учёное зверьё отличалось завидным здравомыслием и нена роком улучённой возможностью покоя не пренебрегало. В отличие от беспутного – и безголового, по мнению проныры – хозяина. Покивав неутешительным выводам, Адалин размял затёкшие плечи, разделся и приступил к омовению.

Привести себя в порядок следовало если не в преддверье придворной свиданки, то из уважения к Милэдонам. Оскорблять чопорных усачей не хотелось. Поливаться студеной водицей тоже, но Адалин по долгу службы уже примирился. А содержимое бадьи хотя бы тиной не воняло и стадом головастиков отходить по загровку не норвило.

Встряхнув мокрой шевелюрой, Упырь почёл себя доста-

⁴⁸ малорослый кустовой лес

точно облагороженным, натянул свежую рубаху, нехотя влез в чужую тунику, отважно игнорируя прелый аромат.

Мрачные Холмы с одёжки оттирались пеплом и щёлоком, а лучше бы ритуальным костром. Болотина и конский пот смердели того гаже.

Проснувшийся Позёмьш, окинув хозяина намётанным взглядом, смекнул, к чему всё идёт и, выразительно чихнув, ретировался. Сметливый горноста́й вознамерился, чем Князь не шутит, уворовать до отъезда хоть колесо колбасы, из тех, что наивные стряпки без надлежащего присмотра развешивали в погребах, а то и зайчатинки про запас в хозяйской сумке притихорить. Не ровен час, опять по буеракам тот хозяин ломанётся, а ему, зверю-Спутнику, мыкайся среди репейников, с вурдалаками взапуски состязаясь.

Покинув пределы гостеприимного домена, Упырь направил-таки воронка к замку Её Величества.

Прощание получилось скомканным по вине самого Адалина, на дух не переносившего куртуазного балагана. Напоследок проговорив ключевые пункты грядущего побега с опальным Сейраном, Фладэрик предпочёл ретироваться с расторопностью, достойной лучшего применения. А несметные Милэдоны и не возражали.

Откинувшись в седле, Упырь придался праздному любованию, отпустил повод и поигрывал фамильной печаткой, что напялил на палец, преодолев Пост. Родовой герб

не думал истираться с резной поверхности, вопреки всем стараниям беспечного наследника. Древние гравёры приложили массу усилий, чтобы достойно изобразить невнятную зверушку, поднявшуюся на дыбы с флагштоком. Статусными побрякушками, кроме обязательных ременных цепей, Упырь пренебрегал. Но в долине Олвадарани приходилось хоть иногда считаться с заведёнными порядками.

На глаза всё чаще, по мере углубления в коронные владения, попадались каменные стены отдельно стоящих крепостей, черепичные крыши, сполохами рдевшие в лучах молодого солнца, и высаженные полосой деревья. Деревянные и каменные постройки хозяйственных дворов и обиталищ слуг, поросшие травой и мхом, обветренные стены. Сколько мрачных тайн за ними хоронилось... Упырь по долгу службы имел представление и иллюзий не питал, а вера в добро и справедливость, порядочность и стакан воды от благодарных потомков, желательно, без яда, на той почве околела, прихватив с собой и сострадание. И заменили их горький цинизм и насмешка.

Адалин оглядывал с высокого седла окрестности, по ранней весне – не больно пышные, и размышлял о покровителях. В Озаровом царстве люди неласковую пору мстительно обозвали Борзнем и старательно в неё своим идолам поклонялись, ибо верили, что в пробуждавшуюся землю да умытые истаявшими снегами небеса быстрее ввинчиваются их славословия, до тугоухих кумиров проворнее доходят. Пото-

му, полотном обмотавшись и зубы сажей зачернив, поклоны били, покуда чело не треснет. Хозяин Солнца, Ярун, Судьба-Куделя... Бой, ибо куда без него? Великий, ведь простой столько жрать не сможет. Набралось кумиров на небольшое селище. И только попробуй кого забыть, подношением обнести. Сразу волхиты батогами ум на место вправят, нужные подати соберут.

А вот у проповедников с Белых гор кумир один и без мутаций, зато с иными причудами. Ревнивый, мнительный и кровожадный, точно еретник, пережравший лыка. Падкий до истерик, сезонных вспышек бешенства и произвольной пиромании. Так что, нет-нет, да полыхнёт особо отличившееся горное капище, что почиталось знаком высочайшего расположения. Потому проповедники гордо расхаживали в подпочённой мешковине, порой самостоятельно полы поджигая. Вдруг-де всемилостивый пропустил по недогляду.

В долине Окуня, и вовсе поклонялись всему без разбора. Зверушкам странным, чудам да дивам, что без мандрагоровых настоев, tinkтур мухоморных и не пригрезятся. Встают те зачарованными миражами промеж дерев, людей пугают, так что рыцарство от храбрости косеет и впереди коня по полю чешет, из доспехов от усердия выпрыгивает.

У мореходов из Имтиля сочинен целый Эпос, для пущей важности в стихах и прозе, а заодно и песнях. Про жуть заморскую, припадочных, до безобразия кровожадных донных баб, что в волну моряков сманивают да зверьём оборачива-

ются, древних Князей-колдунов и жирного водяного змея, всей той кодлой не то заправлявшего, не то полонённого.

Среди этого великолепия ещё князепоклонцы бродят: светлые, тёмные и смешанные. От «нежных» почитателей Всемиливой Жрицы, жалостливых и сердобольных, что оголодавшая ведьмища, знаками суеверными отмахиваются, в ордена да ватажки по интересам сбиваются. А там и набег грабительские, религиозным пафосом осиянные, учиняют.

Развлекается народ, как умеет.

Впереди, над зыбким бархатом курчавых сосен и сизых королевских елей, что карабкались даже по склонам гор, засеребрились стены замка. Каменная Роза, сложенные из местных крапчатых базальтов; в лучах перевалившего за зенит солнца белела полированным мрамором стен, будто из снега вылепленная, сказочная крепость. Под сенью замка хоронился разросшийся посад – отчасти каменный, отчасти деревянный – с резными прапорицами крыш, гульбищем, лавками купцов и ремесленного люда. Темнели частым парапетом дозорные башни и крепостные стены.

Розу высекали в одной из самых долгих скал Ветряного Кряжа, над быстринной Багрянки и разрушенным старинным акведуком, где навий молодняк безнадзорно коротал голопузое детство, покуда мамки с няньками не спохватились. Даже сейчас по выбеленным руинам кто-то прыгал.

Высокие куртины изобиловали резьбой и мхом. На шпилях реяли знамена и гнездились воронья. Подвядшим стру-

пом пламенела черепица кровли, а льстивые сюжеты витражей могли запудрить самый трезвый разум.

Мощёный тесно пригнанными плитами неубиваемого камня Королевский тракт отсюда забирал на юг, прошивая долину сквозной стёжкой вдоль реки. Багрянка, или, как называли её здесь, Олвадарани, стылая и резвая в глубоком русле, разверстым сабельным следом рыжела в солнечных лучах. Послеполуденное солнце высверкивало алым по стремнине.

Причина давшего реке название окраса залегала мягкими, обильно размываемыми пластами в верховьях, где испокон веку ковырялись рудокопы. И всё же, где ещё селиться навьему племени, как не вдоль такой реки?

Фладэрик придержал заплясавшего коня, смиря раздражение.

Волшебная картинка прикорнувшего на склоне замка, хорошенькая, как со шпалеры, вводила в заблуждение. Лиричное очарование рассыпалось миражом по приближении к оплоту. Изысканные башни, украшенные вымпелами и резьбой, превращались в сонные громады, орнамент домиков предградья свивался запылённой кисеёй без ритма и системы, а акведук крошился буквально на глазах. И пахло преотвратно. Как и в любом другом селении озёрного ли края, долины Окуня или Миридика. Едкий запах не перебивала даже хвоя.

Четырехугольные надвратные столпы с зубчатыми верши-

нами угрюмо пялились поверх долины на стену и Лунный Кряж. С боевого хода просматривался островерхий Клык, а с боковых бойниц бергфрида⁴⁹ – скошенный Стиллет и склоны Ветряного. Но в цитадели, за внутренней стеной, отгородившей форбург⁵⁰, почти все башни серпантинном обвивали мостки и переходы, балкончики и изобильная скульптура, плескались на ветру полотнища с шипастыми цветами и коронованными вóронами над рекой, блестели ленты гирлянд и пёстрых вымпелов.

Фладэрик пустил коня рысцой: воображение рисовало Розу в убранстве из совсем других знамён.

⁴⁹ Башенное сооружение оборонительного характера

⁵⁰ Внешняя часть замка или крепости, защищающая основной проход к центральной части оборонительных сооружений, служит местом размещения вспомогательных зданий вне цитадели.

Глава 7. Ллокхэн

Вдоль дороги, стыдливо притенённые лопушками с лебедой, сочились бледным золотом высеченные на камнях знаки навьего годоврата – здесь начиналась магия Айрин, заковыристое колдовство Каменной Розы, в полную силу расцветавшее в изязвлённом чародейными узорами величественном тронном зале.

Предместье замка редко замолкало и в ночи, а уж к вечерней заре клокотало единым шумным торжищем, хлопало ставнями, бранилось, звенело дудками, собачьим лаем и гоном гусей, плескавшихся в канавах и искусственных каналах. Миновав слободки и окольный город, который по крытым парапетам низких стен призрачным дозором обходили кутавшиеся в форменные серые плащи сонные стражи с алебардами, Адалин въехал на подъёмный мост. Опущенный подъёмный мост.

Замковый караул окончательно испаскудил померкшую при ближайшем рассмотрении картинку.

Трое гвардейцев, заседавших в сторожевой башне, бдительно перекидывались в кости на амуницию, свалив оную сакральным холмиком прямо посередь моста. Вместо стола бравые ребята приспособили бочонок, выкатив его на припёк и застелив хоругвью. Ещё и драться намеревались.

Угрюмого верхового горе-сторожа заприметили, лишь ко-

гда оный беспрепятственно въехал на мост и, спешиваться брезгуя, чуть не задавил конём азартную ватажку. Порскнув из-под могучих копыт, перепуганные гвардейчики – кто во что горазд, расхристанные, ровно пугала – и не подумали возмущаться, вместо этого поспешно и неубедительно симулируя трудовое рвение. О спасении потоптанного бочонка и хоругви стражи и не помышляли.

Придержав Духа, понятливо взбившего копытами затканное канителью полотно, Адалин бессловесно и надменно оглядел звенящий зубами караул. Младший Эльзант – Диглэриан – и братья Корсвицы, Орэльд с Ольгаром. Скорее всего, в наказание ворота стеречь назначенные, ибо чересчур знатные. А братцу Эриана, меж тем, неплохо бы узнать, чем юность на посту пробавляется, пока фамильные драгоценности целы и спина наследничка не порота. Ведь если Аманир прознает, засечет щенка, и поминай как звали.

Нынешний Меч Её Величества отличался зверскими повадками и буйным нравом, исступлением подменяя трудолюбие. Что не мешало гвардии хиреть, а сплочённость и воле все поганило. Припадочного Инэваля извиняла природная, вполне закономерная в условиях двора и близости Тэрглоффовых палачей. Командир, спасая собственную шкуру, рьяно и по первому требованию расправлялся с «виноватыми».

Упырь легонько тронул пятками бока жеребца и прищурился. Дух всхрапнул, одарил попятившихся остолопов презрительным взглядом алых очей и чинно двинул дальше по

мосту. Впечатлённый караул без особого успеха подровнялся. Эльзант, попятившись, выцепил из общей кучи алебарду, но не удержал, обрушив блёстким оползнем весь оглушительно задрезжавший по камням курган. Фладэрик ухмыльнулся.

Маявшиеся от безделья в форбурге конюшие – малолетние, к лени придворной пока не привыкшие – проворно подскочили к верховому и лишили Адалина возможности вновь поизгаляться над отечеством. Ожидая, пока всадник, холодно улыбаясь, спешится и отстегнёт от седла немногочисленную поклажу, впечатлительные отроки подобострастно пялились на Фладэрика, не смея и дышать. Липнувшие взгляды Упырь ощущал затылком. И кошель с монетами обронил в стремительно подставленную ладонь не без умысла. Конюхи повеселели. Самый младший преданно шмыгнул чумазым носом, старший поклонился.

Адалин оглядел окрестность, не поворачивая головы и не демонстрируя интерес возможным свидетелям: сухая пыль скреблась по мостовой. Внутренний двор усердно обгладывал петлявший между стен сквозняк. Заигрывал с флажками и истязал цветочные кусты. Похвально незаметная дворня тихо шуршала по углам. В боковой галерее, переругиваясь, катили бочки бурые страдальцы в невнятных одеяниях, Замку монаршему, будто бы, зазорных. Один как раз, притормозив, стянул с кудлатой головы каль и, обтерев серозное лицо, воровато огляделся.

Упырь поморщился. У центральных врат уныло бдел единственный печальный стражник постоянного гарнизона. Безвестного происхождения и далеко не радужных карьерных перспектив. Настолько снулых воинов Адалин давно не видел. На ступенях, полулёжа и упираясь носом в стенку, дремал какой-то обормот в кургузом поддоспешнике, нежно тиская багор. Пахло непотребно. И Фладэрику очень хотелось думать, то был не второй караульный.

Двери при столь тщательной охране благоразумно запирали. Не от пришлых врагов, так от своих дуралеев. Упырь бы их и вовсе камнями заложил. О чём и размышлял, взбегая по ступеням.

А вот кастеляна Розы, обыкновенно в нижнем холее и у ворот гостя исчезающе-редкого, застать тут Адалин не ожидал. Старый лис злоумышлял по коридорам, прислушивался, принюхивался, шпионил и ради любезной Айрин, князепосланной девицы Равнсварт, не щадил чужого живота. То есть, занимался примерно тем же, чем сам Упырь за пределами долины.

И именно потому Фладэрик его терпеть не мог.

Ансэльм Аэтлирэ, кастелян Каменной Розы, неизбывная оскомина старшего из братьев Адалин, наружности был самой подходящей. Мертвенно-пыльный, он так и норовил растаять в замковых тенях. С тонкой улыбкой на бескровных устах и таким же тонким стилетом за пазухой.

Кроме кастеляна у дверей торчала парочка скромных,

подстерегавших okazji услужить отпрысков мелких восточных хозяйчиков, из перечня Крепких Семей, и несколько конкурирующих с ними слуг, проигнорированных Упырём наравне со свечниками. В дальнем конце зала, милосердно сберегаемый сумерками, прорысил наверх молодчик в тёмном одеянии с туго стянутыми волосами и походкой канатоходца. Мерещилось в нём что-то знакомое.

– Высокородный мессир Адалин, – чопорно поклонился кастелян, преграждая путь.

– Высокородный мессир Аэтлирэ, – скопировав пакостную манеру, откликнулся тот.

Под сводами едва освещённого зала скорбно воспарило гулкое эхо.

– Рад приветствовать... в добром здравии.

Какое то здравие «доброе», Упырь знал и без любезных напоминаний. Характерная синь так и не сползла с физиономии, а подсохшие ссадины неприятно тянули кожу. Но постный Ансэльм, опустив блёклые ресницы, самозабвенно ломал комедию: талантливо изображал не то вяленого карпа, не то, чуть менее убедительно, старческое слабоумие.

– Её Величество уполномочила меня оповестить, что желает лицезреть высокогородного мессира Адалина сразу по прибытии, – печально улыбаясь, сообщил кастелян и окинул пыльный костюм гостя надменным взором из-под набрякших век.

– Благодарю за расторопность, – отозвался Фладэрик лю-

безно. – Где сейчас изволит пребывать наша возлюбленная Королева?

Упырь благополучно проигнорировал красноречивое неодобрение, гусеницей проползшее по сухощавой физиономии пыльного Ансэльма, и невозмутимо улыбнулся.

– Великолепная Айрин изволит принимать Совет Высших в Тронной Зале.

– Как я вовремя, – ухмыльнулся в мрачном предвкушении «высокородный».

Очередное предстояние полуживых вельмож и стылых Дам не вдохновляло. Но Тронный зал? Не Большой Предел в Управной Палате. И, разумеется, не Узкий. Такой выбор предполагал определённые последствия. Для чего же Айрин собрала Совет?

Кастелян собирался что-то возразить, а то и изречь – уж больно рожу скорчил выразительную, но Фладэрик уже направился к лестнице. Эхо множило чеканный перестук шагов барабанной дробью. Невзрачный Ансэльм проводил прелagатая недоумённым взором: едва из седла, пыльный, что верстовой столб, и в грязных сапогах, он явно направлялся напрямиком в Тронный Зал, пред монаршии очи. Пожав плечами, Аэтлирэ приказал слугам погасить часть свечей и заложить засовы.

Промешкай он ещё немного, мог и заметить, как призадумавшийся на лестнице Упырь вдруг свернул в боковой ход прочь от центральной анфилады. И вовсе не из-за неподоба-

ющего случаю наряда.

– Хм, – мягко покачнувшись, оценила проткнутая кинжалом наугад портьера, мстительно припорошив Адалина пылью.

– И правда, «хм», – фыркнул тот, выразительно звякнув цепями при поясе, будто случайно задетыми обнажаемой саблей. – Выходи, Блодвэн.

– Уже! – заторопилась портьера, раздвигаясь и выпуская в темень коридора досадливо кривящего физиономию Гристофа. – Ты чего такой бешеный?

– А ты чего в Замке промышляешь? – откликнулся в тон Адалин, оглядывая соплеменника с толикой недоумения. Выглядел Блодвэн скверно. Не чета переменам Милэдона, но, кабы не походка, и не признать.

– А где мне ещё... промышлять? – ощерил едва сросшиеся челюсти тот.

Ловкий красавчик, шулер и акробат, Гристоф Блодвэн, отпрыск незначительного южного хозяйчика, министерала Стимбор, имевшего башню в горах Ветряного Кряжа и присматривавшего за каменоломнями, ныне полуседой и пожёванный, насмешливо сцепил руки на груди.

– Ослеп ты, что ли, на своих болотах? – Вампир выразительно постучал пальцами по серой голове.

Фладэрик поморщился:

– Ну, макушка полиняла. Случается.

– Случается, – передразнил в своей привычной манере

кровосос, – дед с козой венчается. Короче, раз так, сократим возню. Не досуг мне... лаяться, – сердито цыкнув зубом, осчастливил он. – Гуинхаррэн тебя велел караулить. И его оповестить, как только явишься. Предвосхищая дальнейшие манёвры – навести его сам. А я провожу.

– Сдаётся мне, наказ звучал иначе, – пофыркал для порядка Адалин. Он и сам собирался проведать Второго Советника наперёд «дивноокой». Разузнать диспозицию, проверить подозрения. Да просто в глаза посмотреть – иногда и этого бывало довольно.

Блодвэн скорчил зверскую рожу и дёрнул себя за сожжённое ухо:

– А тебе что за печаль? Всё одно ж пойдешь. Вроде как, по собственному почину.

– А ты, стало быть, решил пощадить... что? Моё самомнение? Или собственное? – ехидно предположил Адалин, пристальнее вглядываясь в обезображенное свежими шрамами лицо.

– Думай, как знаешь, – отмахнулся бывший красавчик устало. – Главное не отставай.

Упырь, следуя полутёмными потайными лазами за кровососом – проворным, точно тень ласки, в серо-буrom облачении без гербов и вовсе напоминавшим хорька – мрачно крутил серьгу в ухе и прикидывал расклад. Покалеченный Гристоф торчал в Замке неспроста. Доверенный Гуинхаррэна, как и Фладэрик, долину Олвадарани посещал нечасто.

Всё больше за южными краями приглядывал. И, в отличие от Адалина, самоуправства себе не позволял.

Выходит, Советник отозвал прелогатая. Его ли одного?

Корвиц, тоже в тех краях обретавшийся, на связь не выходил. Но оставался ли он всё ещё в окрестностях Семи Ветров? И что приключилось с этим до срока побелевшим ловкачом?

Словно почуяв, Гристоф притормозил на очередной галерее, винтовые лестницы соединявшей, склонил физиономию к плечу и, нарочно не оборачиваясь, проговорил:

– Странные дела творятся нынче, а, чернявый?

– Не без того, – степенно отозвался Адалин, тоже останавливаясь. И невзначай опёрся об узорчатую балюстраду.

Вампиры замерли над малым зальчиком собраний, закрытым двадцать лет назад, первым в череде запечатанных холлов, что служили ныне пристанищем небрежно прикрытого полотном раритетного хлама: резных скамей и ширм, gobеленов, амуниции и причудливых трёхногих светильников. Возможно, тут водились и змеи. И даже не метафорические, что в кружевах да самоцветах у трона вились.

Среди ледяных стен, ревниво поглядывая на непрошенных гостей, фланировали самовластные призраки. Адалин насчитал аж троих надменно просочившихся сквозь стены духов. Спёртый воздух пах ладаном и пылью. Под потолком клубилась подозрительная дымка, наводившая на мысли о гнилых урочищах и родовых проклятьях.

– В южном приграничье Миридика был Малый лес, помнишь? – тихо начал Гривов, упорно изображая разговор с колонной.

Упырь фыркнул. Ещё бы забыть. Премилое местечко – роши да буковины Ллокхэн. Заповедный край чудаковатого зверья и полудиких племён-побратимов Ллакхара, не слишком вдохновенных данников Семи Ветров. Адалин кивнул.

– Теперь его нет, – проворчал Блодвэн, воровато зыркнув вдоль стены. – За Камнебродом что-то вроде пустоши. Объявили, что землетрясение, – Гривоф презрительно всхрипнул. – Треть территории Ллокхэн, вместе с поселениями, как бороной вспахали. Имтильские Башни-Пограничники ходуном ходили, а в Камнеброде восточная стена просела, и Пыльный мост обвалился, – прелагатай пожал плечами, на Упыря не глядя. – С полдюжины наших в тех краях сгнуло. Я был в южном предместье. Сунулся поближе поглядеть, как первый раз вздрогнуло. Очнулся под стенами Боддэнван, когда конь подо мной пал.

Звучало скверно. Адалин не перебивал.

– Ни памяти, ни поклажи, – голос вампира сделался резким и отрывистым, плавный говорок рассеялся туманом. – Даже кобыла чужая. И это, – Блодвэн выразительно коснулся седой шевелюры. – Благо, зрение со слухом восстановились. Спутник, так тот с концами. Пару дней дёргался ещё – потом околел, – вампир тряхнул белёсой головой. – Повезло, что боддэнванские «неженки» в Обители приютили.

– Служители Жрицы милостивы, – кивнул Адалин без выражения. Гристоф хрипло хохотнул. – И беспристрастны.

– А то как же! – На сей раз кровосос смеялся дольше. Звук больше походил на карканье. – Кабы не сутолока, подняли б на колья во имя госпожи. Там беженцев ллокхэнских больше, чем крыс в подвалах. Кто ранен, кто в бреду. Грязь, смрад, драки. «Нежные» морды тряпками обвязывают, чтоб чего не подцепить. Когда я отъезжал, уже зараза какая-то начиналась. За городом трупы жгли. Не то холерина, не то оспа.

– Ты что, одно с другим не различаешь?

Южные вести совсем не радовали.

Эрвар давно намеревался приструнить злобствующие лесные племена. И бедствие, в контексте Валтаровых откровений, не казалось таким уж «стихийным».

– А по приметам и то, и другое, – Блодвэн задумчиво прикусил губу. – Я прежде такой дряни и не видал. Чтоб потроха собственные с кровью выблёвывать...

Адалин сумрачно растёр подбородок, чувствуя, как неприязненно заёрзал за пазухой горностаи. Позёмыш всегда загодя чуял неприятности. И сейчас Спутник волновался.

– В Землях Жеша холера, – заметил Упырь между тем, разглядывая сложную вязь опоясывавшей зальчик балюстрада. – А на островах в Парящем море, кажется, чума свирепствует. Однако, вполне обыденная. Про землетрясения не слышал. – Блодвэн не счёл нужным отвечать. Фладэрик за-

думчиво крутил серьгу между пальцами. – Гуинхаррэн, разумеется, в курсе этой душещипательной истории?

Кто бы сомневался! Знак, выложенный в Мрачных Холмах, распугавший нежить и приморозивший округу, выпивший силы подчистую, просто дожидался срока среди крапчатых мхов и пыльного вереска, в пегих от лишая пустошах на подступах к Долине.

«Ваш же, вампирий выгон».

Валтар говорил про новые Калейдоскопы. Мог ли Ллокхэн уничтожить «особый знак»? Фладэрик запоздало пожалел, что не срисовал узора. Битое стекло с шелестом перекачивалось в воображении, тасуя орнаменты, выворачивая Кромку на свой лад. Нет, не вспомнить.

Поганая Лилия поганого Ллакхара, будь он трижды неладен, затеял очень опасную игру. Самую опасную из всех возможных.

Те, что ждут за Кромкой, встрепенулись. А над Холмами заплясали изумрудные огни.

Глава 8. Корсак Гуинхаррэн

Потайная нора, где обитал Советник, хоронилась за покоем центральной анфилады, и, как знал Адалин, сообщалась сетью переходов как с Тронным Залом, так и с помещениями Управной Палаты – а то и горними светлицами самих Князей. По дороге Упырь размышлял над фрагментами головоломки, подкинутой судьбой, и персоне самого Гуинхаррэна, его непосредственного патрона.

Из Замковых кровососов Фладэрик доверял лишь себе, да и то – с оглядкой. А уж ясновельможных, сановных и прочих увечных духом, ради сохранения приличий прозывавшихся Высшими, почитал угрозой. Либо по причине крайней тупости оных, либо, наоборот, от чрезвычайной сообразительности.

Эзрель Гуинхаррэн, Второй Советник Её Величества, заправлявший коронными прелатами, будучи неприлично, по меркам Розы, разумным, несомненно, принадлежал ко второй категории. Отчего вызывал ещё большие опасения. Номинально оставаясь непосредственным командиром, практически вампир предпочитал в дела вольнодумного гвардейца без нужды не соваться, закрывая глаза на сомнительные выходки и странные идеи. Отчего промеж ними и установилось нечто вроде негласного перемирия, предопределявшего характер взаимодействий: корректных,

осмотрительных и, по возможности, редких.

Эзрель подозревал: пожелай того старший Адалин, диспозиция – и его собственное положение при дворе – может кардинальным образом перемениться. Фладэрик имел сходные соображения. А так как конкретно против этой данности пока не возражал, предпочитал Эзру без нужды не порочить.

Второй Советник Упыря устраивал: невысокий, сухощавый вельможа с продолговатыми глазами и вкрадчивыми манерами юлил и подличал по мере необходимости, в целом, блюдя интересы королевства. Адалину это импонировало. Ещё в бытность гвардейцем, в Лучистой дюжине, рыжевато-русый, сметливый наследник Гуинхаррэн получил прозвище Эзра-Корсак, с годами вполне оправдавшееся. Однако вряд ли кто из современников рискнул бы теперь обратиться к нему подобным образом. Даже из бывших товарищей по Стягу. Гуинхаррэн, несмотря на вошедшую в привычку ироничную шутливость обхождения, не располагал к панибратству.

Сейчас же, обряженный в скромный вариант придворного платья – почти без вышивки и брыжей, неброская канитель, самоцветы, бархат, – Советник выглядел и вовсе мрачно. Тонко улыбался и поигрывал крупным перстнем, слишком громоздким для сухих пальцев. Аметист, ловя свечные отблески, хищно помаргивал в полумраке, точно глаз притаившегося зверя. Зенки самого кровососа напоминали узкие щели: «прищур Эзры», как и «улыбка Тэрглоффа», прочно

вошли в национальный фольклор.

– Адалин, – кивком поприветствовал вошедших Советник, жестом велел Гристофу прикрыть тяжёлую дверь. – С возвращением.

– Мессир Гуинхаррэн, – церемонно откликнулся Упырь, разглядывая изысканный цветочный орнамент, тончайшей серебристой вышивкой оплетавший обшлага и ворот «лисьего» кафтанца. Вышивка имитировала побеги дикой розы, ломкие и угрожающие. Запутавшиеся в этом буреломе певчие пташки выглядели предостережением.

Эзрель задумчиво пригладил собранную в аккуратный хвост копну цвета речного песка. Блёкло-рыжий, мешаясь с сединой, придавал ему ещё большее сходство со степной лисицей. Физиономия Советника неприятно осунулась и заострилась за время отсутствия Упыря, чему Адалин мог и позлорадствовать, кабы не происки здравогомыслия. Выводы напрашивались самоочевидные.

– Донесения твои доставлены вестовым из Поста и переданы Её Величеству, – сообщил Советник с тонкой улыбкой непринуждённого коварства. – По обычаю, лично в руки. Наша добрая Королева в трепетном ожидании объяснений. Однако я тешил себя надеждой, высокородный мессир Адалин сочтёт возможным уделить немного своего бесценного времени смиренному слуге блистательной до... встречи.

От медовой сладости интонаций сводило скулы. Фладэрик непроницаемо улыбнулся в ответ, равнодушно встречая ед-

кий прищур, привычно пригнул голову в знак почтительного внимания.

Слухи. Ядовитые, терпкие сплетни, липкими косами заплетавшие двор. Упырь поднаторел в сооружении соответствующих выгородок, направление тех сказок корректируя. Удивительно, что и Корсак попался. Хотя, без сомнения, не мог не заподозрить.

Донесения, в отличие от личной корреспонденции, проходили через Эзру и его помощников. О чём ретивый командирчик крепости, так некстати щегольнувший гражданским рвением, разумеется, не имел ни малейшего понятия. Вот и снабдил вестового дикими инструкциями. А тот, ничтоже сумняшеся, исполнил. Свитки Валтаровы, к худу или к добру, и впрямь проскользнули мимо загребущих ясновельможных лап.

– Мессир Гуинхаррэн удивляет меня своей скромностью, – заметил Адалин, тщательно выравнивая тон. – Юный командир Прихоти, неискушённый в тонкостях службы, превратно истолковал увиденное и отдал нарочному некорректный приказ. Если бы не плачевное состояние покорного слуги мессира Советника, сего недоразумения не случилось бы. Я помню свой долг и своё место. Простой гвардеец Стяга не смеет пренебречь порядком, – речь Фладэрик окончил кратким, выверенным поклоном.

Гристоф подпирал косяк за спиной и едва слышно фыркнул, впечатлённый фарсом. А вот Эзрэль повёл себя неужи-

данно. Улыбка стала вдвое саркастичнее. Прищур вампира вполне годился выколупывать драгоценности из желёз особо неговорчивых звероящеров.

– Простой гвардеец – нет, – пожал плечами Корсак. – Другое дело, ты. Я не настолько глуп, чтобы задирать монаршего... любимца. Без особой нужды. Так что, как понимаешь, положение отчаянное. Что именно было в тех свитках? Полагаю, вестовой гнал через Долину не из-за мадригала.

Упырь, чуть не поперхнувшись заготовленной распевкой, на мгновение прикрыл веки. И повторил по возможности равнодушно:

– Командир Прихоти не разобрался в ситуации. Ничего сверхсрочного, а более того, требующего передачи из рук в руки лично Её Величеству, в моих донесениях не было. О чём я, разумеется, сообщил бы столь пылкому дарованию, если бы находился в сознании.

– Тогда, тем паче, полагаю, мессир Адалин сочтёт возможным поделиться полученными сведениями, – Эзрэль со значением покивал, уж чересчур выразительно постучав себя по носу. – Возможно, ты слыхал от гарнизонных: Королева повелела Лучистым сложить оружие... – Фладэрик усилием воли удержался от ядовитого хмыканья: будто раньше они его поднимали. – Стяг будет расформирован. Разъезды уже отозваны. А теперь Её Величество собрало себе Совет, сдаётся мне, чтобы объявить о перемирии. – Упырь таки присвистнул в мрачном недоумении и хмуро поглядел на переставше-

го, наконец, скалиться Советника. – Повторяю вопрос: что было в свитках, Адалин?

– Возможно, причина неурядиц Ллокхэн, – медленно, будто через силу, сознался Фладэрик.

– Ага, – смекнул Корсак, продолжая катать перстень по костяшкам. – Успел пошептаться с Блодвэном? – Отпираться смысла Адалин не видел, потому и кивнул, скрипнув челюстями. – Отлично. Твои соображения? Я, знаешь ли, успел кое-что заподозрить.

Тесная клетушка – каменный мешок без окон, – пропахла холодом и можжевельником. Едкий хвойный аромат, вопреки посулам лекарей, раздражал и нагонял тоску. Фладэрик поморщился и сердито потёр загривок под спутанными волосами. Чужая туника и дублет ощутимо натирала.

– Миридик собирается с силами. Активно и целеустремлённо. Повсеместно ужесточаются порядки. За Белыми горами колдуны исподволь стравливают людей и навье. Разумеется, «вступаясь за беззащитных». На озёрной равнине всё ещё хуже. Хотя Озар процветает. Периферийные князьки, помощью Нортовых эмиссаров, утихомирились. Родня буйная, вечная царская оскомина, местами скончалась, местами – крепко призадумалась. В общем, не с чего монарху человеку лютовать. Если б не подзуживания Лилии Ллакхара.

– Угу, – покивал Эзрэль, оставив перстенёк в покое, бдительно пестуя избранное направление беседы. – А что насчёт Ллокхэн?

– Есть основания предположить, причина – Калейдоскопы. Мастерские Семи Ветров не стоят без дела.

– Понятно, – Корсак вздохнул, отчего-то переглянувшись с замершим за спиной полуседым доверенным. – Её Величество желает предотвратить потери. А посему отзывает поданных из тех краев.

– Из окрестностей Миридика? – уточнил Упырь, прекрасно понимая, чем это пахнет. Гуинхаррэн едва различимо прикрыл веки, сохраняя прежнее, оцепенелое и нарочито безмятежное выражение физиономии. – Всех?

– До кого сумеем докричаться.

Адалин давно привык к этим играм и хорошо усвоил правила. Советник был уверен в его – Упыря – чрезмерной осведомлённости. И Фладэрик решил его до срока не разубеждать: кратко – почти кротко – улыбнулся одной из «придворных» улыбок.

Гристоф, отлипнув от косяка, сделал несколько шагов вперёд и чуть наискось, остановился у самого плеча. Потасканная статья прежнего везунчика, умудрявшегося выворачиваться из самых безнадёжных передраг куда ловчее Упыря и с ощутимо меньшими потерями, удручала. И Адалин был благодарен соплеменнику, что тот не мозолит глаза без надобности.

Гуинхаррэн игнорировал манипуляции доверенного, целиком сосредоточив внимание на обмороженной физиономии желтоглазой цинги, возвернувшейся с болот. Корсак по-

дозревал, что, вопреки выучке и всем прикладываемым стараниям, Упырь умело и вполне благополучно угадывает потайные соображения по глазам и мимике. Цинга как раз кивнула, будто подтверждая те опасения.

Эзрэль вздохнул: клятый плут сумел запудрить мозги каждому, недостаточно сообразительному и расторопному, чтобы своевременно убраться с дороги, перекраивая манеры и физиономию по случаю. Однако упрямо не ронял себя до постыдного фиглярства. Старший Адалин охотно и щедро предоставлял зазевавшимся сомнительного удовольствия возможность почувствовать себя поселковым дурачком перед шатром бродячего халдея. Рядом с этой язвой легко и непринуждённо обращались в остолопов и королевские Советники, и надменные чародеи. Особых различий поганец не делал.

– Видимо, те свитки крепко впечатлили государыню, – заметил Эзрэль, так и не усмотрев ничего выдающегося.

Горбоносый прелagатай прикрыл посветлевшие глаза. Бесстыжие глаза, в конце концов, статусу придворному вполне подобающие. И вздохнул, талантливо симулируя лицом и телом трупное окоченение:

– Сожалею.

Фладэрик не погрешил против истины. Сожалел Упырь аж до зубовного скрежета да ломоты в стиснутых кулаках. Потрудиись он дочитать клятые откровения Ваа-Лтара, сейчас не гадал бы по звёздам в полдень. То, что известия Ко-

ролеву перепугали, Адалин не верил в силу поганого предчувствия: ведьмища прекрасно знала о задуманных Лилией скверностях. Или совместно с ним те знаки сочиняла.

Корсак вцепился отработанным, закалённым и отточенным, подобно доброй стали, прищуром в бледную физиономию прелагата, взыскавая реакции, а то и, страшно подумать, раскаяния. Фладэрик покладисто суксился, чему пронизательный Советник ни на грош не поверил:

– Молодец. Когда закончишь, сделай милость, поделись соображениями.

– По поводу? – подбодрил не стремившийся перенимать инициативу Адалин.

Эзра фыркнул:

– Смотрю, покорный слуга всё ж таки запомнил порядок доклада.

– Я всё рассказал, – развёл руками Фладэрик, честно глядя на кривящегося соплеменника.

Гуинхаррэн рассмеялся, качая головой. Потом, поглядев на безмолвного Блодвэна, махнул тонкокостной ладонью:

– Гристоф, оповести Мастера Ритуала о готовности старшего Адалина предстать перед Её Величеством. Возможно, Государыня захочет принять его незамедлительно, прервав Совет. – Линялый подданный кивнул, проворно и бесшумно растворившись, в лучших традициях записной долинной нечисти. Когда дверь за хворым прелагатаем затворилась, Советник вновь покосился на Упыря. – Ну? Ещё немного по-

куражишься?

– Мессир Гуинхаррэн, я не понимаю... – прозвучало прохладно. Но откорректировать тональность Упырь не успел.

Корсак нетерпеливо мотнул блёкло-рыжей шевелюрой:

– Всё ты понимаешь, поганец хитроумный. – Адалин надменно вздёрнул бровь, но умудрился сохранить невозмутимость. Эзра выдержку оценил. – Довольно ломаться! Я много лет глаза закрывал да отворачивался, не вмешиваясь, куда не просили. Вот только нынче не так всё повернулось. – Советник ухмыльнулся без тени веселья и приступил к перечислению: – Канцелярия Тэрглоффа ведёт странные игры. И мне тебя покрывать неместно. Королева изволит гневаться, и лучше ей под горячую руку не подворачиваться. Хэминд давно на тебя зуб точит. И, пока ты Князь невесть где шляешься, в нежные монархии ушки льёт скверну.

Обстановка обрисовывалась не радужная, но, как показалось Адалину, вполне привычная. Посему Фладэрик и пожал плечами с философским видом. Эзрэль аж каблуком приотпнул:

– Не впечатлён? Что ж, скажу иначе! Ты полезен Короне. Всегда был. Потому только я терпел. И верил тебе, а не Канцлеру. Потому только, в меру сил, принимал твою сторону. – На сей раз Упырь поклонился, убедительно отыграв польщённую благодарность. Купиться не купился, но слегка оттаял. Атмосфера обоюдно искрила, накалять её сильнее не казалось разумным. – Я не понимаю, зачем Её Вели-

честву разоружение армии, тем паче, союз с колдунами. И как прочие Советники намерены примирить Высших, а там и остальную Долину, с этими вестями.

– Что насчёт озвученной версии? – снисходительно обронил Адалин, любезно улыбаясь. Гримаса получилась та ещё, но вполне убедительная.

Корсак выскалился:

– Это которой? Про безопасность одиноких путешественничков, навроде тебя? Ну, может, кухарята и поверят. А то и кумушки какие перезрелые да на той почве неосмотрительные.

Фладэрик только руками развёл:

– Мне эти елейные бредни нынешний командир Прихоти пел.

– Ага, – поддержал Советник от души. – Тот же, что донесения с нарочным выслал.

– Чего ты хочешь от меня, Гуинхаррэн? – устало растёр физиономию Адалин, поняв, что экзекуция затягивается, а на зубах всё отчётливее вязнет дорожная пыль и горький привкус давешних «медков», а освобождения всё не предвидится.

Эзрэль окинул долгим взглядом потолок, будто примеряясь да выбирая место для сна, в соответствии с народной молвой. Представить подданного под стропилами вниз головой удалось не сразу. Упырь мысленно фыркнул. И, развлеченья ради, поэкспериментировал с образом Её Величества.

Картинка вышла занимательная.

– Ты же будешь с Королевой... говорить, – вкрадчиво выдохнул Эзра. Тактичность формулировки радовала. Адалин покладисто покивал. – И, вестимо, не о погоде.

Глава 9. Страсти лесные и придворные

К утру на ясене сделалось совсем неуютно из-за поднявшегося ветра и инея, а ещё из-за волков, судя по одухотворенному вою, обсадивших дерево тесным кружком, точно мухи забытый на столе ковш с медовухой.

Мирко, подобрав ободранные ноги, изо всех сил прижимался к заиндевавшему стволу, отчаянно вгрызаясь в кусок размоченной слюной коры. Молодые побеги, слегка побитые морозом, мальчик сжевал еще накануне, едва вскарабкавшись к примеченному в сгущавшихся сумерках дуплу. Кроме заполошных белок, оказавших неудачливому расхитителю отчаянный отпор, поживиться тут было нечем. Изловить же хвостатых трещоток измученный беглец не сумел. Зато, колючки из замызганных портков выдирая да вой характерный заслышав, чуть не кувыркнулся с облюбованной ветки, запоздало сообразив, чем опасны лесные тропы.

Выбравшись из сырых, богатых мошкой и гнусом болотин, оголодавший мальчонка уже хлюпал простуженным носом и нарочно свернул к деревьям, надеясь раздобыть хоть что-то, кроме полусгнившей травы, на вкус ещё менее съедобной, чем с виду.

Прутик, зашибленный при падении, продержался недолго. Почти не блял и не брыкался, а от мутной воды его про-

несло.

Мирко знал, что без молока козлёнок не вытянет, и всё же, когда малыш таки издох, долго плакал. От горя и – этого мальчик особенно стыдился – голода. Несмышлёныш был его другом, есть его казалось неправильным, но в животе так страшно урчало от болотной жижи и вязкой тины...

Мирко самоотверженно закопал обмякшее, безвольное тельце в прибрежных кустах под гнилым валежником. Есть друзей – удел еретников и прочей виритной пакости. Кроме того, мальчик всё равно не сумел бы его разделать. Он видал, как расправлялся с тушами ловкий Домаш. А стрый Добря объяснял, почему надо вычищать потроха из убоины и как обходиться с пойманным в силки зверем.

Силки...

Мирко соорудил бы ловушку, кабы не необходимость вечно бежать. Да ещё проклятый холод, гнавший вперёд пуще страха. Когда болотная грязюка обсохла и облупилась, стало совсем невмоготу. И мальчик взлез на дерево, надеясь схорониться в дупле. Как выяснилось, слишком для него мелком. Зато здесь, на толстой, пусть и заиндевелою ветке, он мог переждать ночь.

А утром... утром, может быть, стая найдёт себе другое развлечение и уйдёт?

Мирко, стараясь унять дрожь, покосился сквозь куцы кроны на вяло светлеющий небосвод. Прежде на хуторе в этот час просыпались. Что там делается теперь – мальчик

предпочитал не думать. Железнодорожные прожорливы. От воспоминания об овраженском подворье, наводнённом нежитью, сызнава подкатил к горлу колючий ком, и защипало в носу. Крик Ладки бился в голове, сплетаясь с бранью мужиков и страшным, влажным чавканьем ужасных навий.

Несмотря на холод и голод, «вещуна» начало морить. Вздвогнув и чуть с ветки не сверзившись, Мирко вцепился в кору: вой справа неожиданно перешёл в истошный визг и грызню. В лесном сумраке творилось нечто... ещё менее приятное, чем обычно. И мальчик затаился, сглатывая кислую, кровавую слюну: жёсткие корни с листвой здорово посекали рот, а чуть не сломленный зуб теперь шатался. И всё же, это было лучше болотной тины и кусачих мух.

До рези в испуганно распахнутых глазах вглядываясь в землисто-сизую мглу чащобы, Мирко и не заметил, как тело, онемевшее от напряжения, самочинно переменяло положение. Мальчик припал к ветке, точно зверёк, изготовившийся к прыжку. Страшные звуки доносились будто бы со всех сторон. А обезумевшие от ужаса волки уже даже не скулили. Часть стаи сбежала. Но паренька это совсем не обрадовало.

В заиндевелом мраке под его ясенем кто-то вкрадчиво шуршал. Кто-то проворный, опасный и... голодный. Затаив дыхание, Мирко пялился в предрассветные тени: тварь, убившая волков, была там, сновала серым размытым пятном, жадно принохиваясь.

Как есть, памжа⁵¹!

Сейчас больше всего на свете мальчик хотел зажмурить глаза, зареветь в голос и позвать на помощь Добрую или Домаша. Забиться на свою поветь или в стог, или на печь, затаиться. На мгновение существо внизу остановилось, позволяя себя разглядеть, сипло втягивая прелый лесной аромат прорезами распахнутых ноздрей, нетерпеливо перебирая по-паучьи расставленными, гибкими конечностями. И устремило ввысь два омерзительно-бесцветных глаза. Взыв от ужаса, Мирко разжал пальцы, отпустил ветку и полетел вниз.

До тронного зала Упырь, к собственному изумлению, добрался без новых приключений.

Тёмные коридоры, которыми Адалин шёл, осознанно пренебрегая потайными лазами Гуинхаррэна, оказались неожиданно пусты. Фладэрик заподозрил всеобщий мор от какой заваливающей чужестранной заразы, на пробу распространённой заботливой монархиней. Или плановую высадку репы, куда дивноокая услала придворных шельм.

Обычно в освещённых факелами и канделябрами пасмурных ходах вились не только пыль и привидения. Слуги, гвардейцы, дворня, министериалы, дамы, челядники мессиров, наёмные убийцы и шпионы – кто-нибудь да попадётся. Но замок будто затаился. Уснул, как в жуткой сказке западных

⁵¹ Напасть. Один из духов, олицетворявших беду. Здесь – прожорливый лесной нежить.

долин. Резными истуканами окаменела стража. И тени их, причудливо переплетаясь, плясали по стенам в тревожном алом золоте огней.

Упырь окинул беглым взглядом взятую взаймы одёжку. Дублет был узковат в плечах и прост, как стена амбара. Поблекшая туника знавала и лучшие времена, в которые, возможно, землю ещё населяли звероящеры и пращуры ясно-вельможных старцев. На сапогах будто бы осела пыль со всех дорог, а к штанам опять пристали какие-то колючки. Адалин мрачно улыбнулся в предвкушении придворных ликов, что непременно вытянутся с его прибытием в тронный зал при таком параде.

С другой стороны, если Величество решило предъявить Совету припылённого, траченного большаком гонца, приволокшего с риском для жизни сверхважное донесение, – лучше не придумашь. Чем еще объяснить наказ, переданный Ансэльмом? А в завершение представления оставалось только торжественно испустить дух «от полученных ран» у подножия величественного трона. И дивноокая Айрин, заламывая сахарные руки, скорбно объявит то последней жертвой, велев ошеломлённым подданным отныне сидеть в долине, а лучше сразу в землю закопаться.

Фладэрик поправил цепи при поясе, подтянул дублет, соорудил на лице подобие улыбки. Дивноокой придётся подождать. И кое-что объяснить своему народу.

Минуя одуревавший со скуки гвардейский караул на под-

ступая к залу, Упырь готовился к придворному изыску, блеску аксамитов, мерцанию перстней и ядовитых глаз, к надменным шепоткам и виду светлоликой госпожи, а всё ж державное великолепие свалилось, как дрын из-за угла. И разрушения произвело соответствующие.

Часть 3. Равнсварт

«La prima di color di cui novelle
tu vuo' saper», mi disse quelli allotta,
«fu imperadrice di molte favelle.
A vizio di lussuria fu sì rotta,
che libito fé licito in sua legge,
per tòrre il biasmo in che era condotta...⁵²»
«La Divina Commedia» di Dante Alighieri.

⁵² Он отвечал: «Вот первая, взгляни: Ее державе многие языки В минувшие по-
корствовали дни. Она вдалась в такой разврат великий, Что вольность всем была
разрешена, Дабы народ не осуждал владыки...» Данте Алигьери. «Божественная
Комедия».

Глава 1. Дивноокая Айрин

Пространный Тронный зал купался в чадном сумраке и благовонных воскурениях. Огромные треножки коптили укутанный тенями свод, монолиты полированных колонн из вулканического стекла украшали пышные цветочные гирлянды. У витражных окон, одухотворяя сквозняки, дымили серебристый фимиам чародейные кадила. Пьянящий аромат тѣк патокой через толпу осанистых вельмож, чьи вышитые сапоги безжалостно топтали духмяные охапки трав на глянцево отполированном полу. Исчадия крытых замковых садов, изобильных назло погоде и проискам садовников, испещрили пепельные стены розовыми кружевами.

На стенах проступали золотом текущие узоры – давно забытые, безгласные писания и образы, которых больше не хранила человеческая память. Вглядываться в колдовскую вязь не рекомендовалось. Она туманила рассудок хуже тинктур из дурнопьяна. А потому стены милостиво укрывали голубелены со сценами охот и битв, цветами и благородными животными.

Чѣрный Трон Еѣ Величества напоминал оборонительное сооружение, цитадель в миниатюре с резными подлокотниками, сквозь которые проросли колючие побеги розовых кустов. В шипастых переплетениях ветвей алели ранами багряные цветы. Искусно вышитые золотом атласные подушки в

колючем окружении напоминали приманку очевидного капкана.

Мудрая Айрин не рисковала попать сие опасное великолепие и неизменно говорила с подданными, позируя на фоне. К тому же, в жутком гнездовище исправно выводили нежные рулады яркие пичуги – любимицы Госпожи, слишком трепетные для этого мира, а потому исправно мрущие от ненароком брошенного взгляда или, не приведи Князь, чиха.

Адалин, не ко времени помянувший змей, усмехнулся. Уж где бы, казалось, им самое место. Но пресмыкающиеся гадины, здраво опасаясь конкуренции и уважая превосходящего врага, Королевы и её Дам избегали.

Птицы свиристели, цветы благоухали, в зале царило работлепное безмолвие, на время потеснив монаршие амбиции.

Ради затеянного представления совещание прервали, но снабдить ясновельможную толпу соответствующими предписаниями запоматовали, отчего Высшие растерялись. Удивлённо пялились на потрёпанного преллагатая, равнодушно вступившего под сумрачные своды, шелестели раззолоченными плащами и бестолково задирали породистые носы.

Адалин вельмож проигнорировал и уставился на витражи за тронной спинкой. Цветное стекло рассыпало радужные блики по антрацитовому глянцу каменного пола, напоминавшего поверхность обманчиво подёрнутого ряской омота в ночи.

Её Величество, князепосланная госпожа долины Олвадарани и хозяйка коронного замка, повелительница Вод и Птиц, предивная Айрин, девица – хах! – Равнсварт, в ожидании перебирала сахарными перстами косточки чётки.

Застывшие вокруг ряды Лучистых, Высших и динстманнов – контингент не самый гостеприимный, к непринуждённой обстановке не располагающий – отмалчивались. На задах, ослепляя самоцветным мерцанием и исподволь пованивая чародейными притирками, боевым порядком выстроились *Дамы*.

Неодобрительное внимание самолюбию не льстило, но Упырь, стыдом не обременённый, реагировал спокойно. Остановился посередине зала и подождал, пока из недр зачарованного пола проступит колдовской узор. Золотая вязь, раскаляясь, сплетала дивные орнаменты и проявляла из потёмков Чёрный Трон в цветочном изобилии гирлянд. Зал задрожал жилами чародейного рисунка, как старческая длань – взбугрившимися венами. Заблестели выложенные тёмной шпинелью орнаменты, умащавшие подножие престола и пяты колонн. Зажглись светляками над трясинной драгоценности и самоцветные вышивки на шёлке-бархате вельможных одеяний.

Несравненная Айрин изволила улыбнуться. С изяществом и лёгкостью воплощённого совершенства.

– Моя Королева. – Упырь неспешно опустился на одно колено, покладисто пригнул в ритуальном поклоне голову, на

деле избегая смотреть на самодержицу до срока.

– Адалин.

Лица Фладэрик не поднял.

Нежный голос ласкал слух свирелью и серебристо переливался беспокойством. Фладэрик, вынужденно внимательный, повадки Равнсварт изучил давно и крепко помнил. Чарующий перезвон, щекоча поставленными модуляциями, рисовал в воображении и невесомо розовеющие скулы, и пристально смотрящие синие глаза. Упырь намеренно расслабил челюсти: елейная шлэнда⁵³ оставалась верна себе до кончика мизинца.

Попытка прожечь взглядом почтительно склонённую макушку успехом не увенчалась. Королева перешла к более активным действиям.

– Ты задержался, Адалин, – сообщил напевный голос.

– Сожалею, моя королева. – Фладэрик неприметно поморщился, проворно облизнул губы и откашлялся. Горло схватил спазм: точно медведь из берлоги отозвался.

По рядам Высших пошёл бродить ядовитым сквозняком шепоток. Придворные пока в оценке скромничали. Но Дамы уже шуршали крысиной стаей в подполе. Выглядел «старший Адалин» не то умертвием, случайно приблудившимся с Мрачных Холмов, не то самоходным пугалом. Являться перед монаршии очи в таком виде не следовало. Но Айрин затеяла очередной фарс нарочно.

⁵³ Непотребная, гуляющая женщина.

– Тебя извиняет и оправдывает результат, – заметила правительница печально. Повисла многозначительная пауза.

Фладэрик поклонился ещё ниже:

– Благодарю, моя королева.

– Ты можешь подняться, – заметила Равнсварт благо-
склонно.

Вкрадчивый щебет пичуг и шелест придворных превосходно оттеняли дивный голосок. Окутывали душным сказочным ореолом и в мозги ввинчивались так, что голова кружилась.

Адалин неспешно распрямился. И поглядел на королеву.

Девица Равнсварт сегодня отдала предпочтение скромному туалету. Облачение Её Величества переливалось вышивкой всех оттенков ночи: от лунного серебра до загадочного индиго. Тёмный жемчуг витиеватыми узорами обтекал безупречное тело, блестящий мех опушки льнул к бархатным щекам. И все хвалебные эпитеты, все куртуазные изыски падких на преувеличения виршеплётов, что без устали прославляли её красу, меркли по сравнению с оригиналом. От изящных сапожек, погребённых под складками изукрашенного подола, до тяжёлой копны перевитых алмазными бусами медово-золотых волос – Айрин, по обыкновению, была ослепительно прекрасна.

И трогательно печальна. Огромные тёмно-синие глаза, почти чёрные в полумраке зала, широко распахнулись. На бледных скулах и правда проступал румянец. Маска пронзи-

тельной, утончённой скорби чрезвычайно шла прелестному личику.

– Ваше Величество.

Фладэрик предпочёл любоваться изощрёнными сплетениями колючих стеблей за плечиком девицы Равнсварт.

Правительница наклонила увенчанную короной голову:

– Тебе нужен отдых, Адалин.

– Как прикажет моя Королева. – Против отдыха Упырь не возражал. Но фарс затевался не для этого. – Ваше Величество желало меня видеть сразу по прибытии.

– Разумеется. – Трепетная безупречность ещё чуть-чуть похорошела, усугубляя нежную улыбку.

Упырь ожидал какого-то продолжения. Но Айрин молчала и прозрачно розовела скулами, чуть приоткрыв припудренные губки. У старшего Адалина паскудненько заняло между рёбрами. И отчаянно зачесался загривок, давно предвкушавший палаческий топор. Или шибеницу. Смирная впечатления, блудный подданный пересчитал пунцовых чудищ, что прикидывались цветами. Слева Трон стерегла аж дюжина. Пауза затягивалась. Скоро и ясновельможная толпа неладное почует.

Королева разглядывала побитого прелагата с плохо скрываемой смесью противоречащих друг другу эмоций. Фладэрик устало покосился на самодержицу. Волшебное видение лелеяло потайные страдания и улыбалось с ласковой задумчивостью менестрельей грёзы. В глазах-озёрах плеска-

лось по утопцу.

– Благодарю тебя, Адалин. Я рада твоему благополучному возвращению, – голос ластился голодной кошкой. Исполинские розы почти напоминали пасти плотоядных бестий: того и гляди, облизываться начнут.

– Должен ли я присутствовать на Совете? – брякнул Упырь, тщась ухватить за хвост упорно норовившую ускользнуть реальность. Тёмные глазищи затягивали чёрными омутами. – И дозволено ли мне будет развеять... некоторые сомнения?

Вопрос был правомочным. Старший отпрыск Адалин являлся Высшим по праву наследования, главой Благородного Рода после смерти Тайдэрика. И чему возмущались в потёмках вельможные мужи, сверкая зенками, он не знал. Вернее, предпочитал делать вид, что не понимает. Дамы переваривали услышанное – им требовалось больше времени и, возможно, дополнительная информация.

Королева смотрела так нежно и светло, что на душе шакалы взвыли. Фладэрик снова опустил глаза. Девушка Равнсварт задумчиво кивала. Тонкие, длинные пальцы, изредка задевая острыми ноготками резные бусины чёток, мерно накручивали круг за кругом. Едва уловимый звук мерещился особенно отчётливым в сонме приглушенных шумов.

– Я прочла твоё донесение, – заметила Айрин чуть слышно.

Выжлецовы откровения правительница изволила окре-

стить «донесением».

Фладэрик мысленно усмехнулся, принимая правила игры. Равнсварт невесомо улыбалась мягкими, как перина в княжьем тереме губами. Но глаз улыбка не касалась. И всё же выглядела королева бесподобно юной и обманчиво наивной. Красивее женщины Фладэрик, пожалуй, не встречал. Одна беда – за ослепительным фасадом скрывалось кое-что похуже ловчих ям.

– Они требуют пояснений, – отозвался Адалин, подумав.

– Разве? – улыбка заострилась. – Я всё поняла.

Фладэрик на миг прикрыл глаза. «Дивноокая Айрин» творила очередную заумь. На спытки не тащила, Хеминда или сразу палача из толпы не выкликала. И смотрела так, будто в зале больше никого и не было.

– Нет, моя Королева, – упрямо тряхнул небрунными волосами Адалин. За пазухой неприязненно заёрзал встревоженный, тонко чуявший хозяйское настроение Позёмьш. – Они *требуют* пояснений.

– Изволь, – задумчиво мурлыкнуло Величество, час от часу хорошея. Упырь моргнул, подумывая вновь опустить глаза: уж больно дивная картинка толкала на шальные подвиги. – Возможно, тебе стоит действительно всё разъяснить.

Адалин призадумался.

Насчёт девицы Равнсварт коронный преллагатай питал неоднозначные эмоции, подданному не приличествующие, а потому соображать приходилось быстро, а аудиенции опа-

саться больше заслуженного эшафота.

«Что ж тебе не сиделось в своём позолоченном теремочке? – подумал Фладэрик угрюмо. – Подобной девице к лицу прясть кудель в ожидании какого рыцаря да с дамами шушукаться. Желательно, о кружевах и вышивках, а не заморских ядах и прочих... подковёрных прелестях».

Не тут-то было. Адалин имел сомнительное удовольствие убедиться, что сия змея не только жалила, ещё и на расстоянии плевалась наловчилась.

– Мессир Адалин, – напевно позвала синеглазая правительница, чуть повернувшись, так что отблески пошли гулять по разукрашенному вышивками лифу. Юная нежность, не обременённая стыдом. – Фладэрик, – повторила дивноокая Айрин уже тише, словно прислушавшись к эху. – Я при-му тебя сегодня сразу по окончании Совета. – Медовые губы ласково изогнулись.

Упырь отрывисто кивнул: личных аудиенций он терпеть не мог в основном потому, что, к собственной досаде, не мог за себя поручиться. Кусал сердито губы, кривил физиономию, но покладисто отыгрывал преданного вассала. Да так, что порой и сам верил. Пуще того, в хитроумно расставленных мережах державного очарования путался. О чём соратничкам его лучше б никогда не догадаться.

«Девица Равнсварт», Её Величество дивноокая Айрин постную гримасу проигнорировала. Прекрасный образ никуда не делся. Как и назначенная аудиенция.

Адалин кратко преклонил колено и решительно покинул зал. Красноречивое шипение досказало остальную картину. Ясновельможные болота полыхали.

Каменная Роза, замок большой и, бездна его забери, богатый, давал кров не только вельможному выводку, «цвету аристократии», ордам взалкавших монарших милостей подпевал с семьями, личной охраной, челядинцами, а то и фамильными привидениями, но и своре зверья, означенным «цветом» разводимого. Полчища те, зачарованные и обыкновенные, возглавляли монархии любимцы. То были охотничьи чудовища о четырёх лапах с медвежьими капканами вместо пастей, суеверно нарекаемые дворней «собаками»; несуразные, отвратительные подчёркнутой противостоительностью химеры, похмельные творения обитателей Башни Мастеров; и голосистые пернатые, от нервных пеструх, что вокруг Трона надрывались, до громадных и плотоядных чёрных тварей, больше смахивавших на гибрид вороны с василиском.

Птице-ящеры хрипло орали за литыми, в руку толщиной, прутьями клеток, отчаянно скрежетали зазубренными клювами и высекали когтями искры. Где-то решётки погнулись от ежедневного террора свирепых узников. Где-то на металле проступили борозды и заусенцы. А дёрганые, исклёванные и едким помётом протравленные служки предпочитали перемещаться стремительными перебежками по зигзагооб-

разной траектории. И всегда иметь под рукой дополнительные рукавицы, а лучше – ростовой щит, полный доспех и длинный железный прут.

«Птичий сад» Её Величества оставался местом скорее поучительным, чем гостеприимным. Несмотря на тщательную отделку, антураж и озеленение садово-парковых умельцев.

Тут-то Королева и изволила отдыхать от державных дел, вооружившись щипцами в полтора локтя длиной. Кокетливо помахивая ими над бадьёй и выбирая крысок пожирнее, девица Равнсварт потчевала жутких любимиц свежатинкой. Трапеза истошно верещала, столовавшиеся, сипло огрызаясь, сражались за подачи и с шипением разевали окровавленные зубастые клювы. Но клёкот завистливых и пока голодных товарок из соседних вольеров заглушал даже эти звуки.

Стайка Дам почтительно замерла под защитой узловатого, болезненно изогнутого дерева и пары цветущих кустов, где бдительно шуршала, злоумышляя впрок. «Лучина» Тэрглофф, Хэминдова сестричка, с одобрительной улыбкой наблюдала крысиную казнь. Аэлина Стимбор, горячо «любимая» их с Радэриком тётушка, чопорно стояла подле подружки и на правах родственницы обдала шквальным высокомерием, пронзив пришельца косым взглядом злобных глаз. Фладэрик предпочёл обеих прелестниц проигнорировать.

Дамы стоили здешних обитательниц. Кто больше напоминал обморочных заморских трясогузок, а кто, как эта слад-

кая парочка с Пирошиэлью за компанию, – оперённых василисков.

Подивившись точности обнаруженного соответствия, Адалин нарочито фальшиво, но изящно поклонился. Янаръед Пирошиэль хихикнула, похотливо сверкнув глазёнками. Бледная, невыразительная девица за её спиной залилась мертвенно-лиловым румянцем. Рядом с ослепительной порфиросной госпожой весь этот кружевной террариум смотрелся жалко. Именитые упырицы мало отличались от хрестоматийных описаний оных.

– Адалин, – нежно прозвенело от клеток сквозь жуткий грай.

Её Величество изволила сменить гардероб. С проворством, достойным лучшего применения, мрачная чернота переродилась выразительным, винноцветным багрянцем, глубоким и волнующим. Фладэрик почти устыдился: сам он употребил случайную передышку для иных целей, с благопристойностью имевших мало общего. Переодеться следовало если не из соображений галантных, то ради убедительности.

Глава 2. Сполох

Старший Адалин покидал тронный зал Её Величества в растрёпанных чувствах. Говоря проще, в ярости. На себя, на проклятую коронованную красавицу и весь её приторный, ядовитый двор.

Косые взгляды Дам, исполненные зависти или подозрения приветствия державных мужей, шепотки и общая мертвенность бесили крепче откровенной ненависти, тоже кое-где мелькавшей. Но больше того злился Упырь на собственную дурость: на недочитанные свитки, отсрочку, покрывавшую постыдное малодушие видимостью дружеского участия, и – венцом болотно-вязкого бессилия – чары, затуманившие последний разум.

Синеглазую Айрин не зря чествовали прекраснейшей из королев, изяществом подобной самой Жрице.

Фладэрик, сердито вколачивая каблуками замковую пыль, направился не в палаты, пожалованные в почётной Алой башне, что подпирала Королевскую, а напрямиком к чародеям, куда обыкновенно подданные предпочитали не соваться. Во-первых, проницательные вельможи справедливо опасались за жизнь, поскольку чудовищный выкидыш колдовского зодчества слишком горестно вздыхал и постанывал, шатаясь на ветру. Во-вторых, сносить паскудный нрав и странные пристрастия обитателей выучились единицы.

Замковые чародеи, за редким исключением, страдали от целого вороха одержимостей и недугов, включая прострелы и подагру, чем объяснялись немотивированная агрессия, сварливость и не без основания подозреваемый каннибализм.

Фладэрик относился к особенностям придворных чароплётгов снисходительно, как к издержкам ремесла. В конечном итоге, ему вменяемые колдуны или сильно уравновешенные шаманы тоже не часто попадались.

Поднимаясь по изломанной, попятнанной реагентами и основательно подкопчённой винтовой лестнице, Адалин сознательно игнорировал антураж: покойничков разной степени свежести, цепи-кольца-решётки, вмурованные в стены под произвольными углами, бодреньких тварей, пробравшихся с Кромки и контингентом местным полонённых в клетках, а то и стенах. Клацающие во мраке челюсти восторга не вызывали, но отчего-то и не беспокоили. Пойманные мудрецами кромешные страсти стерегло проверенное столетиями колдовство. Магические знаки, начертанные на камнях, и заговорённые решётки, отлитые узором. Куда опаснее выглядели сточенные, скользкие ступени. И сами мудрецы.

Что ллакхарские чудодеи, что навьи, отличались досадным легкомыслием, давно поправшим здравый смысл любопытством и чреватых последствиями нездоровым интересом к Кромке, а значит, и тому, что притаилось за ней.

«Ты теперь Кромешник, – прошелестели в памяти цвета-

стые осколки. – Тебе сторожить границы».

Кромка отделяла явь от запредельных сфер, где людям, да и нелюдям, не находилось места. Где властвовали силы, непонятные и чуждые подлунным землям. Где царил иной закон. Размыкать Кромку, погружаться в неё или пересекать непосвящённым возбранялось. Ведун Беггервран из Драб Варьяна, старейший из шаманов, однажды проговорился, что и посвящённым там делать нечего: духи Кромки непостижимы, вероломны и не ведают привычных чувств. Но так ехидный старец, закусывая высушенной шляпкой мухомора, частенько говорил и про живых.

«Твоя рука сжимала рукоять», – улыбнулся Ваа-Лтар.

«Твоя», – отозвались ломаные тени, прятавшие шахту.

Фладэрик так погрузился в размышления, что на припылённую окрестность внимания не обращал, пока из очередной ниши ни вынырнул окутанный сапфировым мерцанием долговязый силуэт, напоминавший остов в полотне больше, чем окрестные скелеты.

– Упырь? – Инистый призрак кашлял, заслоняясь широким рукавом белоснежной рубахи. Несколько некрупных, в пядь величиной, светляков разгорелись ярче за плечами белёсого умертвия, щедро озарив исчерченную копотью кладку. Покатые ступени ввинчивались во мрак вдоль шахты.

– Здравствуй, Сполох, – поприветствовал Адалин, чуть улыбнувшись.

Тегейриана Эльзанта – ещё одна неразгаданная шуточ-

ка падкого на всякую придурь старика-Майлгуана, нарекшего мальчишку-первенца женским именем – за навязчивую страсть к воспламенениям остроумно прозвали Сполохом. Белёсый, перламутрово мерцающий чародей-динстманн на службе Её Величества обладал бесспорными талантами, которые охотно демонстрировал при любом удобном случае. И сейчас как раз задумчиво облокотился в ожидании о разомкнутую решётку побочного хода. Полыхавшие потусторонней синевой зенки помаргивали. Скуластый красавчик нагло лыбился, широко раздвигая бескровные губы. Зачёсанные в гладкий хвост волосы цвета лебединого крыла блестели.

Поглядев на перламутровое исчадие заколдованной башни, Фладэрик внезапно сообразил, кого ему так навязчиво напомнил до срока поседевший, выдубленный Гристоф. Пожимая протянутую, сухую, как щепка, истончённую ладонь, Адалин прикинул, что ранее никогда не интересовался причинами странного преобразования чароплёта. Помнится, ещё четверть века тому наследник Эльзантов щеголял каштановой шевелюрой и соболиными бровями, теперь льдисто-прозрачными, точно узоры на зимнем окне.

– Чего зенки сузил, Упырь? – фыркнул Тегейриан с прежней, почти ласковой усмешкой и пропустил гостя вперёд себя в полутёмный лаз. Светляки медленно угасали, исходя серебром.

– Кашель. Ты болен? – кратко поддёрнул плечами Адалин. Сполох легкомысленно взмахнул прозрачной кистью, в ши-

роком, не подвязанном рукаве сорочки напоминавшей высухший стебель кошачьей петрушки. – И почему в одной рубахе?

– Тигель рванул, смердит, зараза. Как раз шёл переодеться. – Ухмылка чародея сделалась язвительнее. – А кафтан с окна швырнул, аккуратно в садик Её Величества хлопнулся. Чубушник оттенять.

– Озорничаешь, – проникаясь настроением, одобрил Адалин. – А что насчёт кашля?

– Простыл, наверное, – Эльзант небрежно перебросил над головой пару молний. – Я ждал тебя. Гадал, заглянешь – нет.

Фладэрик прищёлкнул языком:

– И что сказали потроха?

– Что голубей разумнее потрошить в кулинарных целях, – белёсый кудесник хрипло хохотнул и тотчас закашлялся. Да так остервенело, что Упырь обернулся и пристально вгляделся в костистое лицо товарища.

Приступ Фладэрику совсем не нравился. Простуду он напоминал в последнюю очередь.

– Да не гляди ты так! – огрызнулся, сердито утираясь, Сполох. – Сквозняки тут, сам знаешь! Протянуло!

– Смотри, сам не протяни, – намеренно не окончив фразы, Упырь покладисто отвернулся.

Тегейриан в няньках не нуждался. И соображал прытко. Во всяком случае, опасную хворь коронный динстманн сумел бы отличить без посторонней помощи. Раздражённо

подтянув ворот рубахи, чародей сощелкнул с пальцев очередную молнию, зависшую болотным огоньком над белой маковкой. Фладэрик поморщился и отогнал непрошенную ассоциацию.

– Я видел твоего брата, – малозначительно заметил он в досаде на собственное малодушие: слишком уж хотелось побыстрее сменить тему.

Эльзант вопросительно заломил белёсую бровь:

– Которого из? – Хоть сколько-нибудь озабоченным динстманн не выглядел. Как и вообще заинтересованным.

– Младшего, Диглэриана. На карауле дулся с близнецами Корсвицами в кости, – отчитался Адалин.

– Недоумок, – ничуть не удивлённый Тегейриан лишь пожал плечами. – Эриан в своём репертуаре. Дурачок порченный – бредит двором и какой-то дичью про славу отечества, – проворчал чародей мрачно. – Отправлю весточку Фрагиану, пусть мозги ему вправляет, мне недосуг, – он снова поперхнулся. И на этот раз откашливаться пришлось чуть дольше.

Фладэрик выжидал с непроницаемым видом, пощипывая зараставший подбородок.

– Скажи-ка, друг, – проронил Упырь прохладно, когда посеревший динстманн распрямылся. – А Корнфлид, или кто другой из Старшин Круга, видал вот это?

– Кашель-то? – ехидно искривил бесцветные губы Сполах. – А у нас тут не девичья светёлка, чтоб над каждым чи-

хом трястись.

– М-да, – только и ответил Адалин, всё больше хмурясь.

Девичью светёлку невзрачный оплот навых чар напоминал в последнюю очередь. А вот заброшенный склеп – очень даже.

– Завязывай тут рожи корчить, – решительно оборвал Тегейриан, заметив характерную складку между бровей. Адалин покачал головой. – Давай-давай! А то подумаю... плохо!

– Подумай хорошо, – от души присоветовал Упырь, сгибаясь под низкую притолоку небольшого портала. Местное обиталище коронного кудесника стерегла толстая, обшитая железом дверь. И наводила она на мысли скорее о подземельях, полонённых чудищах и, почему-то, старцах в колючих власяницах. Упыря аж передёрнуло. Не спасали даже резьба с инкрустацией и свечник.

Сполох, будучи одним из главных чародеев-динстманнов Её Величества, мог претендовать на нечто более презентабельное, но предпочитал скромный кут в неприступной – и редко посещаемой посторонними – Башне, вдали от двора и всех его условностей.

Каморка состояла из трёх комнат с кладовой, имела узкие, обрешечённые окна, тщательно оберегаемый от использования очаг, несколько жаровен, расставленных по углам, и, разумеется, трофейных чучел. Над очагом лукаво помаргивал инкрустированными зенками безобразного вида ящер с перепончатым воротником, встопорщенным короной вокруг ту-

пого, бугристого рыла. А у окошка притулилась обряженная в пестрядевый саян⁵⁴ гарпия.

Привычный к эксцентричным интерьерным пристрастиям белого чароплёта, Адалин равнодушно оглядел безукоризненно прибранные покои и уселся на застеленный шкурой сундук, поджидая, пока хозяин выберет новый кафтан. Спутник, ласка Искра, тоже как будто полупрозрачный, в зимней ещё шубке, вынырнул из теней колдовского логова и насторожился, разглядывая гостя. Позёмьш тотчас пропихнул вострую мордочку в прорезь между застёжками дублета с упреждающим ворчанием. Упырь насмешливо огладил ревнивого горностаю между ушами. Искра отличался ехидным и непредсказуемым нравом. А ещё кровожадным сверх всякой необходимости. Черты эти Спутник явно унаследовал от хозяина. Когда коронного чародея спрашивали, почему тот назвал ласку Искрой, ведь тот же мальчик, Эльзант неизменно пожимал плечами с ядовитым «я тоже».

– Давно хотел спросить, – неспешно проронил Фладэрик, разглядывая чешуйчатое страховидло на стене. Рубиновые глазки отчётливо косили, отчего чудище выглядело скорее обескураженным, чем угрожающим. – Откуда такая дивная расцветка?

– Расцветка?

⁵⁴ Пестрядь – грубая льняная ткань из разноцветных ниток, обыкновенно домотканая. Саян – распашной женский сарафан, на подобие высокой юбки с проймами или помочами, которыми придерживалась под плечами.

Тегейриан небрежно стянул шнуровку куртки из вываренной кожи с тиснением на рукавах, прошёл к одной из жаровен, приласкал преданно полыхнувший огонёк, отщепил сгусток и, не глядя, запустил через комнату.

Упырь не отреагировал.

Непринуждённая лёгкость исполнения искупала показушность. Бесцветный Эльзант обернулся и приветливо улыбнулся в ожидании пояснений:

– Ты про белизну? – уточнил он равнодушно.

– Похвальный аскетизм, – кивнул Адалин с усмешкой. – Изысканно.

– Рад стараться! – Эльзант, ядовитый похлеще болотной гадины, отвесил насмешливый поклон. – Вообще дурацкая оплошность. Один опыт... вразнос пошёл. Очнулся на следующие сутки уже таким, – чародей склонил макушку цвета лебединого крыла.

Фладэрик задумчиво кивал. В висках пульсировало.

– И что за опыт? – подбодрил прелагатай, размышляя.

– Удивительно, – Тегейриан всё забавлялся со светляками. – Ты, помнится, тогда и бровью не повёл. Лет тридцать же прошло, – прикинул он с усмешкой. – А теперь чего?

– А теперь, кажется, Наследник чем-то подобным балуется, – неохотно отозвался Адалин. «Как бороной вспахали», «башни-пограничники ходуном ходили», – шептал в голове голосом обезглавленного Ваа-Лтара Гристоф. А позади едва слышно шелестела свежая шалга в Холмах, где по выбелен-

ным камням тихо перекатывалось битое стекло. – Вот, хочу узнать, чем именно.

Тегейриан, поджарый и белёсый, изогнул бескровный рот в подобии усмешки, понятливо сощурил яркие глаза и кивнул:

– Ага. Значит, началось?

Глава 3. Не обо всём стоит сказывать

Опрятные покои Башни Мастеров, красноглазые чучела, выставленные мехами сундуки и жонглирующий молниями чароплёт медленно выцвели, а из небытия проступила иная, значительно менее приятная картина. Фладэрик поморщился и решительно изгнал воспоминания. Проникновенно стрекочущий у ног Искра вызывал куда больше тёплых чувств, чем оглушительное воронье и воркотня клятых дам.

– Вероятно, мессире есть, что сказать? Сегодня в тронном зале ты был весьма настойчив... – Королева скормила прожорливым пернатым очередную крысу и неспешно обернулась.

Густая копна медовых волос спускалась по плечу атласными волнами, изысканно обвитая низками крупных жемчугов, серебряными нитями и дивной красоты капелью алмазных бус. Продолговатые резные серьги загадочно мерцали. Айрин едва приметно улыбалась, томно опутив длиннющие ресницы. Фладэрик, напротив, хмурился, напряжённо озирая птичьи узилища. Чёрные твари отчаянно клацали окровавленными клювами и норовили уцепить кусок пожирнее. Если не из подачек, то, на худой конец, из соседского бока. Прямо как придворные лицедеи.

– Много всего творится в подлунном мире, да не обо всём стоит сказывать, – усмехнулся Адалин, подумав. – В наго-

рнях Враздэа зима выдалась скверная, смёрзлись до дна Пратс и Выглинка, отчего князь Эрцлафа тотчас двинул войной на князя Гвэртэврана, недомерка шестнадцати лет от роду. А с верховий тем часом на промысел спустились льдистые великаны, и всю ту кодлу княжью – витязей да крестьян вооружённых – подчистую пожрали.

По сторонам Упырь не глядел, в выражениях не стеснялся и, несмотря на невысказанное пожелание обомлевших дам, сворачивать рассказ не помышлял. Скулы Равнсварт розовели нежнейшими бутонами, в уголках рта пряталась весёлость. Королеву балаган позабавил.

– В Жешских Землях, по обе стороны Больших Вил, что в Малом Владении, что в Старом, мор, да ещё такой паскудный, что в Дзвенцке престольном магнаты уже столковались звать на подмогу Чародеев Армандирна и Чародеевой Пуши, в довесок к колдунам Семи Ветров, что там от Наследника эмиссарствуют и, в данный момент, наравне с прочими горшки беспощадно марают. Магнаты опасаются потонуть всем скопом в фекалиях...

Лучина Тэрглофф что-то тихо зашипела. Фладэрик и бровью не повёл.

– А на Костяном Холме, прямо под бойницами Аксцербужца, ведьмы шабаши справляют почти каждую ночь с самого Громника⁵⁵. Так что выработки на взгорьях Дзедзнэ пусты-

⁵⁵ Один из зимних календарных праздников. Обычно приходится на начало февраля.

ют, а казна жешская, в отличие от ям выгребных, мелеет.

Теперь уже и Айрин неприметно поджала губки и передёрнула изящными плечами, будто собиралась из воротника выскользнуть. Упырь, интонации не меняя, продолжал изощрённое издевательство:

– Огниффские воеводы к границам Влакитании войска стягивают, белок с барсуками застращать собираясь, ибо рыцарство тамошнее, преимущественно, ни на что более не годится, к изобильному фантазёрству, песням и возлияниям тяготея. Костры походные от самого престольного Станбергваэра горят. Грозят войной оборотням Дитмара, что в Шрекелере заправляет, а заодно и Седого Имрэ из Влакитании вытурить похваляются. Если не перепьются до срока и друг друга не перебьют, – Фладэрик галантно улыбнулся. Королева безмолвствовала. – Рыцарство всё больше против Диколесья напирает. В Аггер-Ильвинол помосты с шибеницами мастерят, территорию промеж орденов поделили. А между тем пушной промысел страдает. Купцы злятся, егеря клянут господ, охотники пытаются бить зверя помимо законов, так что Шрекелер не голодает. Одна беда – выгрызать из доспехов обед не всегда сподручно, – улыбка Упыря заострилась.

Королева не отреагировала, задумчиво поигрывая окровавленными щипцами.

– В Непроходимье Чёрный След лютует, вместе со Свободными вампирами из Коммуны колдунов с выжлецами сквозь частый гребень пропускает. В Иргибе отловили Пе-

щерных Оборотней и молодняк на них натаскивают. Великана льдистого с Белых Гор приволокли, так он, как проспался, цепь порвал и в восточные болота ломанулся. С седмицу ловили, по ворге⁵⁶ аукаясь, а он тем часом северное предместье Кхаркхелла подчистую выжрал да, видать, им потравился. Нашли уже дохлого.

Айрин покивала, по-прежнему эмоций не демонстрируя.

– При дворе Озара всё тихо. Сердаград благоденствует. С Имтильской династией князёвой царь Косой породниться затевается. Каким образом только – не понятно. Ибо с обеих сторон законные и признанные одни девицы. Но, может, одну из них высочайшей милостью признают отроком. Или вернут заложников. Кто знает? – Адалин развёл руками, чужеземные порядки не одобряя. – Миридик активно территории расширяет. Эрвар увлёкся подсечным земледелием. Ллокхэн...

– Миридик, – вдруг перебила королева, дрогнув чёрными ресницами.

Глаза-озёра, бездонные омуты, скользнули по притихшей стайке придворных змеек под кустом и устремились на прелагатая. Адалин взгляда не отвёл. Только сковал физиономию безучастной маской в ожидании. Нежное личико порфиросицы изобразило рассудительную задумчивость.

– Мне говорили, солнце встаёт ближе к Семи Ветрам.

Фладэрик мысленно вздохнул. В подлунном мире тво-

⁵⁶ Болотистая лощина, кочковатое болото.

рилось очередное безобразия. Не может «князепосланная» быть настолько «невинна», как обычно выставляется перед лопухими заморскими послами, пока для тех каты клеть готовят. Адалин, забывшись, вопросительно покосился на прекрасную правительницу и выдавил:

– Да, Миридик восточнее нас.

– Фладэрик, – изумительная госпожа с очаровательной наивностью прикусила напудренную губу, умышленно запнувшись, – Адалин, скажи, а там уже сошёл снег?

Притаившееся под деревом кубло едва слышно шелестело юбками. Птице-ящеры сердито взирали, трепеща крылами.

– Да, моя королева, – откликнулся Упырь негромко. Следовало вернуть инициативу, пока замысловатые кружева придворного кокетства не обернулись удавкой вокруг шеи. – Они ещё и южнее, – краткий экскурс землеописания отдавал издевкой. Королева вздохнула и собралась изречь ещё что-нибудь столь же содержательное, к примеру, об урожае зерновых, но прелагатай её опередил: – Моя королева, в Хуторье, человеческом поселении на границе Великих Топей и Голоземья, я оказался свидетелем любопытной беседы. Могу предположить, это касается последних действий Алмазной Лилии Ллакхара. Эрвар готовится к войне.

Прокладывая маршрут между четырьмя столпами тамошней оседлости, носившими гордые имена Хуторье, Дратва, Беглянка и Выжига, Фладэрик выбрал кратчайшую стёжку

до Поста, ибо селище мало уступало трём оставшимся деревням. А плетень на поверку оказался и вовсе более хлипким, чем обмазанный глиной заплот в Выжиге, укоренившейся, как из названия следовало, на месте стоянки углежогов.

Но хуторчане завели баляя. И клятый, ушлый до оскомины дедок устроил потерявшему бдительность Упырю «народные гуляния» с бубноплясками. Фладэрик, успевший послушать ленивый трёп заезжих колдунов в корчме, под тушёную с репой капустку, да нерадивым стряпкой загубленную, слишком крепко призадумался.

Путешественники, завернувшие в селище пополнить запасы по дороге из Буёва Ратовища к Бшегненским Горам, болтали о том же, что поведал Ваа-Лтар перед смертью. Выжлецов выкликают поближе к сиятельной персоне Алмазного крысёнка. Вот и эти старатели подвизались северных колдунов, что за Зубатым Молотом себе целый город в скалах понарыли, к порядку призвать и об обязанностях гражданских напомнить, пока кости целы и шеи не мылены.

Балий, «гостюшек родненьких» вонючей потравой потчуя, восторженно порхал вокруг ллакхаров, подобострастно шуря масляные зенки, юлил ужом, подробности выпрашивал и преданностью похвалялся. Захмелевшие «баре-чудодеи» купали в подливе длинные усы и улыбались. А Фладэрик мрачно ковырял подгоревшую репу, слушал и запоминал.

То, что за Хмурью, как мухи из падали, выстроился Ллак-

харский анклав, Упырь и прежде слышал. Даже наведалься в те края. Но, к вящей горести Алмазного цветочка, обнаружил безобидную компанию добронравных любомудров, в горы подальше от греха удалившихся и над свитками смиренно тлеющих.

Бшегненские колдуны отличались воинственностью марципана, плавающего в сиропе. И от реторт своих отрываться не собирались даже под предлогом конца света, скромно постучавшегося в ворота. Ибо подхватили где-то в восточных степях смутное новомодное вероучение и в стройную концепцию выпестовали, так что Фладэрика, невзирая на происхождение, мало что кольями не тыкали, ещё и потчевать при каждом удобном случае затевали. Адалин едва сам в их идеалы не уверовал, так благолепно проповедники всё излагали.

В тех краях Эрвару соратников обрести не светило при всём желании.

Теперь, пересказывая с мрачным удовлетворением плоды неправедных трудов Её Величеству, Упырь внезапно припомнил странную деталь подсмотренной сценки, одну незначай брошенную фразу.

Седой, поджарый Ллакхар, покручивая на пальце амулетом, что балий накануне у Фладэрика слямзил да в дар колдуну заезжему подсунул, любезно интересовался здоровьем общей знакомой «стрыечки⁵⁷», долженствующей со дня на день от хвори досадной излечиться. Балий радостно щерил

⁵⁷ Кузина, двоюродная сестра.

гнилые челюсти, а второй чароплёт, помладше и посмазливее, заверил, что здоровью родственницы более ничего не угрожает. Поправилась ведьма окаянная.

Поправилась, значит...

Разоружение, запрет разъездов. «Лучше б ты от той хвори околела», – в сердцах подумал Фладэрик, уставившись на королеву.

Миледи Айрин задумчиво склонила к плечу прелестную головку и теребила щипцы, сложив нежные губы трепетным бантиком. Адалин и сам не верил, что можно так притворяться. Внезапная предобморочная бледность шла венценосной курве ничуть не меньше «девичьего» румянца. Упырь красочно расписал недоброй памяти Бажаеву «кобылицу» и ночной галоп по Голоземью, промолчал про Ваа-Лтара, знаки и визит к Сейрану, а завершил рассказ и вовсе в духе прибаутки.

Айрин, отмахнув изуверскими щипцами, точно веером, вскинула на подданного широко распахнутые «озёра».

В синих омутах пробрезжило отчаяние. Фладэрик нахмурился, соображая, что же они могли придумать? Разоружение, запрет... наместник от Миридика в замке? Или сам Эрвар? Мог он просватать королеву?

Глава 4. Птичий Сад.

– Ваше Величество, – ступив непозволительные полшага к благоухавшей заморским исступлением повелительнице, понизил голос Адалин. Дивноокая Айрин проворно глянула на

обмерших в плотоядном предвкушении Дам, но не подумала отодвигаться. – Моя Королева.

– Фладэрик? – От волос пахло смесью эфиров.

Упырь различил бергамот, померанцев цвет и ещё нечто волнующее, терпкое, как искушение. Такие благовония возил из Беллемлина в западные земли Янсель, дружок-Свободный, промышлявший на равнине. Богател на них острокрык больше, чем на специях и побрякушках. Упырь прикрыл веки: а чего он ждал от Её Величества, безукоризненной Айрин?

– В чём дело, мессир Адалин? – мурлыкнуло нежное создание сквозь ревнивый клёкот позабытых «пташек».

– Моя Королева, – повторил, ощущая досадную резь в горле, тот. – Прошу простить мне неподобающий вид и грубость.

Синие «омуты» доверчиво потеплели, но в державном личике на миг промелькнуло ироничное выражение.

– Ты воин, разве нет? – удивительно уместно улыбнулась королева, стискивая жуткие щипцы. – И всегда пренебрегал "ясновельможностью".

– Моя возлюбленная госпожа слишком добра, – Фладэрик ещё наклонил голову.

Роскошный позумент, украшавший ворот платья, выгодно подчёркивал белизну алебастровых плеч. На хрупких ключицах возлежало скромное по меркам двора ожерелье. Айрин томно поёжилась и переспросила едва различимым,

бархатным шёпотом:

– Возлюбленная?

В толстые прутья шумно врезалась и гортанно захрипела жуткая пернатая тварь. Клюв судорожно скрежетал по решётке. Королева вздрогнула. Да что там, Адалин и сам готов был посторониться. Неподвижные птичьи зенки источали лютую ненависть. Правительница, трепеща ресницами, кратко поглядела на заледеневшего преллагатая. Высокие скулы невесомо розовели.

И Упырь усмехнулся:

– Кажется, королевским любимцам не хватает хозяйской ласки.

Хотя конкретно этим любимцам больше всего не хватало болта в пузо.

Чёрное создание исторгло из глотки сварливое "кра" и переместилось в бок, усердно когтя скрипящую клеть. Айрин вновь устремила взгляд огромных, тёмных глаз на подданного, изучая. Хриплую "любимицу", что обгладывала прутья, королева игнорировала. Как и присутствие любопытных Дам.

– Ты находишь?

Вдумчивое лукавство всегда удавалось правительнице с особенным блеском. Отравленные иглы кололи исподволь, но без ошибки.

«Певчие создания» продолжали радовать слух чудовищной какофонией грая, хрипов и скрежетов. Благовония пья-

нили. И усмехнулся Адалин вполне искренне, в «омуты» всматриваясь и утопленника разглядеть уповая.

– Я предприиму меры, – скромно опуская длинные ресницы, пообещала Королева с мягкой, точно гагачий пух, застенчивостью. Упырь рассеянно кивнул, насилу сдерживаясь, чтобы не придушить клацающую клювом тварь, повисшую на прутьях. – Что касается свитков и того, что в них было...

– Эти свитки, – начал Фладэрик, но взгляд, брошенный из-под веера ресниц, заставил вовремя прикусить язык.

– Я знаю, – прошептала Айрин. И подступила ещё на полшажка.

Фладэрик выжидающе нахмурился. Айрин Равнсварт, блистательная госпожа и повелительница, хозяйка коронного замка и всея долины, смотрела на прелagатая с очень странным выражением.

– Хорошо, что ты догадался прислать их мне, минуя и Гуинхаррэна, и Канцелярию. В последнее время верность обоих вызывает всё бoльшие сомнения.

Адалин мысленно присвистнул: такого поворота он не ожидал. Благополучие Хэминда занимало Упыря мало. Но Эзра... Выходит, Корсак не зря беспокоился.

– Моя королева, – Фладэрик пригнул голову.

Проникновенный взгляд монархини сверлил дыру в макушке. Кубло в кустах затихло – Дамы ожидали продолжения. Слышать нарочито-негромкой беседы они не могли, зато воображали в досталь. Упырь показал вид, будто хочет за-

брать у Её Величества щипцы и невзначай коснулся бледных пальцев. На миг аккуратные брови наморщились, но руки Айрин не отняла.

– Тэрглофф обвиняет в измене одного из вас, – проронила Равнсварт сокровенным шёпотком. – Подозревает, что Второй Советник покрывает заговор. А ты... Впрочем, теперь я догадалась.

Кормить жутких бестий не хотелось до отвращения. Однако Фладэрик сделал над собой усилие, всё же швырнул в клетку очередного крысюка и лишь тогда отложил щипцы почти без видимой гадливости. Порфироносное совершенство отчётливо касалось его плечом и, помедлив, Адалин с удивившим его самого изяществом подставил руку. Айрин мягко, словно в танце, облокотилась и благодарно опустила невозможно-синие глаза.

– Чудовищно, но союз необходим нашей стране... – Нежный рот страдальчески искривился.

Фладэрик в который раз пожалел, что не прочёл всего свитка. И покладисто изобразил задумчивость. Тэрглофф, дрянь исполнительная, не в курсе. Но кто тогда? С кем Айрин это обсуждала? И обсуждала ли? Адалин намеренно расслабил сжавшиеся челюсти. Дивная Айрин, грустно опустив глаза, обмирала подле воплощением трепетной безысходности. И покаянно мяла затканый узорами подол свободной кистью. Ни дать, ни взять, добронравная девица на выданье, прелесть записной непорочности, хрупкая статуя чистоты.

– Я... понимаю, моя Королева, – сообщил Упырь. В узилище крикливые пернатые дрались над расклёванной подачкой. Воняло кровью и помётом.

– Нет, Адалин, – вдруг покачала головой правительница. Адалин исподволь накрыл пальцами хрупкую ладонь. Айрин бросила на подданного выверенный краткий взор из-под густых ресниц. – Фладэрик. Боюсь, ты и близко не представляешь, что происходит.

Упырь задумался.

Могли ли гоэтические ритуалы Семи Ветров так перепугать Её Величество? Магия Ллакхар, особенно эта её новая форма, перерождённая Наследником из древнего искусства времен Священных Повелителей и пращура-Эрвара, обывателям внушала граничившую с откровенной паникой тревогу. Поскольку отличалась хрестоматийной жутью, активно пользуя силы, благоразумно избегаемые чародеями ввиду полной неуправляемости оных. Иллюстрацией тому служила катастрофа Ллокхен.

Сколькими же подданными Адальхэйн с лёгким сердцем поступился, проверяя своё изобретение? И что за страсти из тех, что ждут, подобралась поближе, свободу предвкушая.

Те, что ждут...

– ...этой силе нет равных, – прошептала Айрин, так что Фладэрик почти вздрогнул. Королева попала в яблочко. – Лишь южные горы могут помочь нам в борьбе с восточной угрозой.

Ни про какие восточные напасти Фладэрик прежде не слышал, а потому крепко призадумался. Чего именно могла так испугаться Айрин? Солнца? Мятежных стад степных крыс, кагалом ради пущей выразительности собравшихся? Вязов с ясенями Стародревья, что вдруг оседлостью прискучили и комли в поля наострили?

Алмазный цветик Миридика внушал куда большую тревогу.

– Моя королева столь же мудра, сколь и прекрасна, – галантно улыбнулся Адалин, оглаживая хрупкую ладонь, открываемую изукрашенной манжетой узкого рукава. Сколько соплеменников по её мановению в казематах под Розой сгнули, сколько в Северных Башнях затерялись, а то и в болотине какой на дальних разъездах. Фладэрик облизнул вмиг пересохшие губы. – А Наследник...

– Согласен на союз, – изящная ладошка проворно ухватила заскорюзлые пальцы подданного, острые ноготки впились в кожу.

Упырь имел в виду, что Его Лилейшество Наследник – редкое паскудство, но пояснять не стал.

– Фладэрик! – Айрин на миг прижалась к его плечу, мазнула ароматным виском по рукаву дублета. Адалин машинально вытянулся по стойке, но «девица Равнсварт» уже откачнулась в сторону и плеснула широкими узорчатыми рукавами верхнего платья с трагической грацией подстреленного лебеда. – Это единственный выход. Долине нужна помощь.

– И с чем мы будем бороться? – Фладэрик залюбовался тонко разыгрываемым спектаклем и ляпнул вслух то, чего говорить не следовало.

Королева стремительно оглянулась через плечо, «омуты» распахнулись с подозрением:

– Ты не в курсе?

– О, – невозмутимо улыбнулся Адалин и прикусил нижнюю губу в задумчивости. – У дивноокой так много завистников.

Блистательная Айрин сочла страдания должным образом обозначенными и вновь покладисто облокотилась на предложенную руку. Фладэрик галантно повёл Её Величество вдоль жутких клетей, будто бы избирая ракурс для лучшего обзора. Пригожее обитатели птичника от этого не становились. Ни пернатые, ни в шелка обряженные. Правительница грустно покачивала изящной головой и покорно плыла подле, сияя медовыми переливами изумительных волос, благоухая терпкой, тщательно выверенной пропорцией свежести и соблазна, вкрадчиво шурша затканым подолом.

Адалин пытался размышлять. Развитие беседы рисовалось мрачным и вполне определённым. Особенно когда нежная ручка, непредсказуемо отмерев, впиалась когтями в заскорузлую ладонь. Упырь пренебрегал перчатками и за время своих путешествий выдубил кожу намертво, отчего эффект получился смазанный.

Проворно оценив окрестность, подданный сообразил так-

тические преимущества антуража: глазастых Дам загородил очередной вольер впечатлительных певуний, плотоядные чёрные твари скрылись за поворотом, а вовсю благоухавший розовый куст придавал закутку романтический флёр. Адалин привычно вылепил на лице пристойное подобие подходящей случаю гримасы. Равнсварт взмахнула великолепными ресницами, источая безутешность, очень к тем утешениям располагавшую. Фладэрик мягко пожал царапучие пальцы, предвкушая монолог.

– Союзы трещат по швам, – королева доверчиво заморгала невыносимо заблестевшими и увлажнившимися глазами. – Торговые договорённости с Имтильскими князьями, с западными негоциантами и Озаровыми купцами. Долина не самое популярное место. Мэтр Хозяин робко намекает на пустую казну, Канцлер вдохновенно поёт о заговорах, за спиной моей плетущихся, Чародеи блажат о Тварях и темнокняжеских демонах, что рвутся на волю. Гуинхаррэн молчит и морщится, хоть мне и доложили, что он потерял нескольких прелэгатаев. Тэрглофф доложил, не сам Советник! А за Колочим Змеем зреет такое, что и в страшном сне Корнфлиду со всем его Чародейским Кругом не приснится, – Равнсварт отточенным движением прижала ко лбу изящную ладонь. – Всё изменилось, Адалин. Ты отсутствовал слишком долго. И напрасно считаешь меня глупой.

– Ваше Величество, – Упырь ту же стиснул ледяные пальчики и нахмурился. Проворно, не давая высвободиться, под-

нёс ладонь к губам. – Я так не думал.

– Фладэрик, – горько улыбнулась Айрин, опуская взгляд. – Я благодарна тебе за верную службу и теперешнее милосердие. Но, прошу, не обманывай меня. – Синие омуты блестели невыплаканными слезами. – Не уверена, что смогу это... пережить.

Упырь тихо скрежетнул зубами, сознавая, что растерял сноровку. Надушенная кисть пахла сладко и тревожно – лилией, металлом, бергамотом. Фладэрик задумчиво погладил колечки, гадая, в котором из них девица Равнсварт приберегла отраву специально для него. «Пережить» такой обман не сможет сам прелэгатай, уж никак не королева. Прозрачность угрозы умиляла.

– Госпожа, – шепнул в бледные костяшки Адалин. – Мою искренность несколько стесняет церемониал.

На сей раз Айрин выдохнула удовлетворённо и не преминула невинно затрепетать ресницами. А потом неожиданно вернулась к предмету разговора:

– Миридик – единственная возможность Каменной Розы.

– Миридик – наши исконные враги, – не выдержал Упырь, слегка передышавший духмяной ручкой. Он уже чувствовал, как стекленеет взгляд.

– Пришло время объединиться с одним врагом, чтобы победить другого, ещё более опасного, – сообщила правительница веско. Фладэрик подобных заблуждений не разделял.

– Но эти условия... – какие именно, прелэгатай не знал и

фразы не закончил.

Айрин сокрушенно передёрнула плечами.

– Лучистый Стяг нас не спасёт.

Безумное сосредоточие противоречий, воплотившееся в безупречном теле, потупило прекрасные глаза и огранённым плитам пола внимания уделяло явно больше, чем неприятно поражённому подданному. Несчастный вид Фладэрика не убеждал. Королева собственноручно обезглавила армию Долины, распустила Стяг, прекратила разъезды. Ослепительно хорошенькая, юная и нежная дева подписала им всем смертный приговор.

Айрин между тем прижала ручку к высокой груди. Фладэрик почти проникся.

– Лучистый Стяг – опора Вашей власти, моя госпожа, – напомнил он прохладно. – Без гвардии долина Олвадарани бессильна. Динстманны Короны – всего лишь Ваша личная охрана. Их слишком мало. Министералы Благородных и воины семей – просто свора, поднаторевшая в усобице, но не в армейской службе. – Преллагатай помолчал, разглядывая нежные, пробрезжившие румянцем скулы. – Вы же и сами это понимаете, – заметил он чуть слышно. – Аманир, Стрэлэнд, они не говорили такого? Грабительский набег или свара с соседом за домен – не чета обороне коронных владений.

– А что мне остается? – прошелестела Королева. Густые, изогнутые ресницы в шёлковом освещении Птичьего Сада отбрасывали на щёки призрачную тень. Фладэрик вздохнул:

«Бред! Дичь дурная! Балаган». – По-твоему, от Лучистых нынче много проку? – Столь проникновенный, влажный взор вполне мог и из седла выбить. Упырь скрипнул челюстями. – Ты же видел, читал! С *этим* не справиться и армии! Нам придётся – слышишь, Адалин? – придётся объединиться с Миридиком. Всё прочее... не важно.

Равнсварт безнадёжно распахнула блестящие страданием глаза. У прелagатая неожиданно пакостно кольнуло в груди: ведь не должна эта клятая змея так смотреть!

– Фладэрик, где ты был всё это время? Я прошу тебя о помощи, – дивный, бархатный шепоток ластился голодным зверем.

Упырь хмурился против воли. Бергамот, померанцы, лилия – ароматный капкан и нарядный кол под ключицу.

– Я не знаю, что делать.

– Ваше Величество, – почти возмутился Адалин, щуря посветлевшие от гнева зенки. – Я – покорный слуга дивноокой. Но я всего лишь гвардеец Стяга. Я не советник.

– Именно поэтому ты стоишь сейчас здесь и рискуешь сломать мне пальцы, – лукаво заметила правительница и тонко улыбнулась. Фладэрик ослабил хватку, но руки монаршей не выпустил. – А от советников мало толку, – продолжала Королева, отступая в изобильно цветущие насаждения.

Когда колючие побеги коснулись монаршей спины, девица Равнсварт вздрогнула и, разумеется, оступилась. Адалин расшифровал послание, поддержал испуганно ахнувшее Ве-

личество и ловко притянул к груди. Рдея нежными скулами, госпожа коронного замка прильнула к невыразительному дублету. За пазухой придушенно дёрнулся Позёмьш, но Фладэрик не посмел отстраняться, уж точно не после всего сказанного Равнсварт.

– Очень может быть, – проронил он буднично, наклоняясь к душистому виску. Его калёная невозмутимость сделала бы честь иной статуе. – Во всяком случае, из куста так не выдернут. Да, моя госпожа?

– Мессир Адалин! – голосок звенел серебряными колокольцами. Упырь усмехнулся: венценосная прелестница всегда умела мимоходом, непринуждённо указать зарвавшемуся подданному его место. – Что ты!..

– Ваше Величество! – зов Янаръед Валдэн, урождённой Пирошиэль, сквозил медовым ядом, приторным и въедливым, как забродившая настойка или переродившаяся тинктура нерадивого кудесника. Воплощение сладострастного жеманства не без умысла вопияло из-за поворота. Прелестно вспыхнувшая румянцем госпожа стремительно привстала на цыпочки и проворковала подданному в шею, оглаживая по щеке:

– Приведи себя в порядок, Адалин. Мы договорим после. Твои свитки у меня в покоях, заберёшь их вечером, – а потом змеёй извернулась в тесном кольце рук, ловко высвободилась и привычно оправила платье.

Упырь мрачно прикусил уголок рта: ну, кто бы сомневал-

ся.

Глава 5. Алая Башня

Алая башня роскошью убранства уступала лишь грациозной соседке, где обитала сама госпожа-правительница, и красовалась светлокняжеским чертогом на фоне заброшенных холлов нижнего замка. Стены укрывали резные деревянные панели и искусные гобелены, своды коптили редкие факелы, бездымные колдовские чаши освещали изобретательный декор. Окна не превосходили бойниц, как размером, так и расположением, отчего холодные северные сквозняки покоев сторонились. В альковах дежурила не караульная солдатня, а нарядные гвардейчики в подвитых локонах, кружевных сорочках и дублетах с родовыми эмблемами вместо обычных стёганок, что куда лучше сочетались с уставными алебардами.

Адалин подивился неожиданному смирению Лучистых: цвет аристократии, бдительно стороживший замковые коридоры, изумлял сам по себе, к тому же бдели «караульные» не организованно, а как будто хоронились по углам. Упырь пристальнее взгляделся в разъедаемые тенями физиономии придворных мужей, большей частью среднего возраста, командиров дюжин и старше, неверным пляшущим огнём обращённые в карнавальную жуть.

Суровые маски тарацились из рыжей тьмы голодными полумными псами.

Что же творится в Розе, если легкомысленный ясновельможный контингент вдруг за ум взялся?

Фладэрик не к месту помянул Эзру и поморщился. Гуинхаррэн ощущал уходившую из-под ног почву и подстраховался. Старый лис, Эзра-Корсак, не мог не подстелить соломки. Но обыграть Тэрглоффа удавалось редко, как минимум, инсценировав собственную кончину, а то и вправду устроив.

Многие товарищи Упыря избежали лап Канцелярии именно этим путём.

Лоранд Латарэт, младший брат Третьего Советника Её Величества, вовремя предупреждённый, сам прыгнул на меч. А положил дурную моду старший отпрыск одного из сыновей Гэдэваля Лаэрвиля, Канцлера Стударма, неосмотрительно связавшийся с «дискредитировавшими себя студиозусами».

Золотоволосый, не в меру благородный и впечатлительный, Кайсал Лаэрвиль наслушался кузена-Дорвэка, подававшего большие надежды чародея и динстманна, ударился в вольнодумство, по наивности не утаил того от сурового деда, решительно демонстрируя решительную же позицию. Откровенность такая сразу после «разоблачения заговора Кердзэна» разумной никак не выглядела. Братья Дорвэк, чудом пережившие первую волну потайных расправ, все трое, во главе со старшим Гервалем, из Долины сразу сбежали, с концами затерявшись в жарких восточных степях, куда не

дотягивались долгие руки Канцлера Двора. А Кайсал вины не вынес и загнал мизерикордию себе под рёбра аккуратно перед визитом нарочных Тэрглоффа.

Юный романтик с честными зенками приколол к рукаву розу с переломленным стеблем в знак верности товарищам. Когда тело нашли, бутон уже завял.

Адалина смерть отрезвила больше, чем спонтанные исчезновения вчерашних дружков-побратимов.

Кайсал выглядел образцом Лучистого гвардейца, аристократа и рыцаря, гордостью... чего? Юного поколения? Стяга? Короны? Трувер, эталон чести и благородства, не разобрался в замковых интригах. Фладэрик, по той поре и сам малограмотный, золотоволосого поэта почитал достойным если не подражания, то доверия. Кайсал просто не мог почувствовать «неправому делу».

Тогда Упырь впервые усомнился в словах Королевы. Хотя, чем дольше, тем прочнее сживался с прозвищем «Ублюдской твари Её Величества». Тогда-то прозвище и зародилось. Сколько же минуло с тех пор? И когда пресловутое «юношество» так преобразилось?

Но в палатах Фладэрика ждал сюрприз, упомянутое преобразование ставивший под сомнение.

– Мессир, – почтительно склонил украшенное несколькими шрамами, тяжёлое лицо темноглазый и преданный Норбер. Еретника оставили служить при младшем брате, но хозяином тот по-прежнему почитал старшего. – Меньшой гос-

подин ждёт внутри.

– Здравствуй, Норбер, – поприветствовал двужильного слугу Упырь. – Рад видеть в добром здравии.

– И я вас, мессир Фладэрик. – Массивные челюсти обнажились в искреннем оскале. Ратник в платье домовой прислуги производил жуткое впечатление. И старший Адалин надеялся, не только на него. – Благословение Князьям за эту милость. Слухи доходили скверные.

– На то они и слухи, – пожал плечами Фладэрик, подтягивая перевязь. – Мне нужна вода, щёлоч, свежий кафтан и, очевидно, какое-то угощение для Радэрика.

– Будет исполнено, мессир Адалин, – с суровой нежностью протянул Норбер, всё улыбаясь.

Батюшка не прогадал, с сыном в Розу отряжая не то помощниками, не то охраной этих жутких упырей. Их славная компания сослужила наследнику семейства Адалин добрую службу. И, как надеялся Фладэрик, послужит и впредь. Потому что «меньшому господину» требовалась охрана, преданные мечи в бестрепетных руках и холодные головы, не понаслышке знакомые с придворным вероломством.

Норбер с поклоном удалился исполнять наказ.

Открывая двери, Упырь размышлял о дальновидности отца и реалиях коронного замка, а потому к открывшейся взору картинке оказался не готов.

Покои тщательно готовили к возвращению запропадившегося господина: полы переложили свежей соломой и аро-

матными травами, сундуки накрыли шкурами и затканными канителью покрывалами, на жаровнях затеплили политые благовониями угли, охапки свежесрезанных цветов в объятиях еловых веток разложили прихотливыми гирляндами. В потоках потеплевшего к закату солнечного света плясала золотыми мотыльками пыль.

Радэрик задумчиво рассматривал богато инкрустированную оружейную композицию на стене. И резво развернулся на каблуках, заслышав гулкие шаги. Плеснули локоны, искристо разгорелись бликами начищенные застёжки богатого дублета. Младший Адалин просиял лицом не хуже молодого солнца и счастливо улыбнулся брату.

Этот юнец мог дать фору не только несчастному Лаэрвилю, но и самому Хрустальному Лебедю, легендарному рыцарю-драконоборцу из свирельных баллад падкого на идиллическую придурь Огниффа. Фладэрик вздохнул и постарался без нужды не морщить лоб.

– Дорогой брат! – провозгласил младший с поспешным, но изысканным поклоном. – Я распорядился принести цветы и приготовить воду для омовения к твоему приходу!

– Здравствуй, Радэрик, – раскрывая объятия, Упырь улыбнулся, хотя улыбаться было нечему.

Лицом юный Адалин уродился в матушку: изящные черты семейства Амитгард, каштановые, чуть выющиеся от природы локоны с медовой искрой, тонкая – «белая» – кость. Во всяком случае, куда «белее» резких, выдубленных ликов

рода Адалин. Фладэрик пошёл в отца обличем, а младший – нравом. То есть, на взгляд Упыря, собрал от обеих сторон лучшее и стал истинным украшением семейного дерева, достойным плодом крепкой ветви.

Резвая юность во всей своей невинной плоти и рюшах бросилась к брату с куда более искренней улыбкой, воспитанно проигнорировав запылённую от верховой езды одёжку.

– Как здорово, что ты вернулся, брат! – пропел он, крепко обнимая Упыря.

– Я обещал присутствовать на твоей присяге, – напомнил старший Адалин и чуть посторонился. – Ты, кажется, ещё подросток?

– Возможно. – Отрок и без того светился начищенным нагрудником, а потому лишь порозовел.

– Мне нужно умыться, – заметил Фладэрик, мягко, но решительно отодвигая брата. – Посиди пока здесь. Норбер вот-вот принесёт угощение.

– Да, конечно, – заметно поскуцнел мальчишка. – Иди. Я подожду. Прости, что появился тут без приглашения.

– Тебе не нужно приглашение, – вздохнул Упырь.

Ведь так оно и было.

Хоть после смерти отца Фладэрик формально и сделался Хозяином рода, Высший по праву рождения, почестями он пренебрегал. Тем более, не требовал оных от младшего брата, и без того излишне тяготевшего к придворной куртуазно-

сти. Будь на то Радэрикова воля, тот бы, возможно, и предпочёл обращаться к брату полным титулом, а перед визитом засылать слуг с чопорным прошением его принять. Упыря манера больше раздражала, потому не прижилась.

Чисто выбритый, посвежевший, в распущенной шёлковой рубаше до колен, украшенной каймой по подолу, Фладэрик почти напоминал себе вельможу. Во всяком случае, больше не смердел придорожной канавой и выжлятней. Терпкий дух целебных мазей, териака, соды, щёлока и сушёных трав вытравил ядовитые миазмы Голоземья.

– Фладэрик! – возликовал прикорнувший на сундуке младший Адалин.

Годы шли, отрок вытянулся, даже возмужал, несмотря на пристрастие к слащавой придворной моде, выедавшей остатки разума и призраки приличий, но выражение широко распахнутых карих глаз всё не менялось.

– Есть такое дело, – пожал плечами старший и прикрыл собственные – смотреть на воплощение благородства в парадном платье оказалось трудно. Слишком живо в памяти рисовался златокудрый, заострившийся в посмертии портрет с розаном на левом рукаве.

Радэрик Адалин – волоокое очарование в мягких локонах, отрада портных и постоянный источник прибыли золотых дел мастеров, – был значительно младше и куда как красивее. Изящные черты лица пока счастливо избегали непри-

ятных встреч с чужими кулаками, стилетами и саблями, а ясные глаза неизменно горели подозрительным воодушевлением. Мечта менестреля, в хорошем смысле этого нехорошего понятия. Ещё и ласковая, что твой телок.

– Расскажи, где ты был! – с жаром предложила она тем часом.

Радэрик очень хотел схватить брата за руки, но героически держался. Только глядел подобострастно.

Оценив глаза-блюдца и выражение нежной физиономии в целом, старший Адалин незаметно поморщился: такими темпами сидеть в Розе юность не пожелает, возжадет подвигов, и поминай, как звали.

Упырь надеялся, что Стударм – к вразумлению располагавший – отрока охолонит, сделает, по примеру прочих школьников, ленивым, равнодушным к комфорту. Ничуть не бывало. Фладэрик не мог не признать, что часть вины лежит на нём самом. Кто, как не старший брат, с разъездов возвращаясь, развлекал «дитё» дорожными побасенками? Малыш-Радэрик, до ссылки в Стударм предоставленный заботам кастеляна, Мейнарта и смурных нянюшек, брата ждал пуще любых праздников. И восторгался им почти до неприличия. Упырь ожидал однажды обнаружить капище на задворках Адалина. Он не знал, что старый Ойон, кастелян фамильного замка, сочувствуя одинокому мальчишке, просто не счёл нужным поставить старшего господина в известность о странной находке.

– Где был, там теперь нету, – Фладэрик насмешливо потрепал шелковистую макушку.

– Расскажи! – полыхнули карие глаза.

Упырь подвязывал манжеты и искоса наблюдал.

– Ты не староват для сказочек, а, братишка?

– Фладэрик! – возмутился младший Адалин, потешно сунув брови. Дулся отрок не хуже Позёмыша.

– Слышал про такого, – отозвался старший и отошёл к узкому, разделенному рамой на цветные многоугольники окошку.

Внизу, на скате крыш соседних переходов, дырявых, ровно решето или острый сыр, в прорехах черепицы, собравших после дождя водоемы, плескались пегие воробьи и разжиревшие питомцы замковой голубятни. Состояние коронного имущества внушало опасения и тоску. Судя по виду, внешняя нарядность поддерживалась усилиями отнюдь не строителей и инженеров, а замковых мастеров иллюзии. Иных объяснений, почему вода скапливается в выбоинах разбитой кровли, а не проливается целительными грязевыми потоками на головы праздношатающихся холуев, Упырь сходу не придумал.

– Вот и мне расскажи, – радостно улыбнулся отрок. – Я тоже хочу послушать! Знаешь, что говорят? Что ты из самих Семи Ветров вернулся! И что Королева так довольна твоей службой, что сделает тебя советником!

Фладэрик, как раз собиравшийся от души посоветовать

братцу меньше слушать досужей болтовни, насторожился. После окаянного «Птичника» прошло едва со свечу времени. Даже с учётом придворного проворства, информация трансмутировала слишком стремительно.

– Это кто такой осведомлённый? – будто невзначай удивился Упырь.

Радэрик, изрядно собой довольный, широко улыбался:

– Про советника – это уж давно, седмицы три как. А может, и в просинец⁵⁸ ещё, Тидимир, тот, который из Визэндов... помнишь, у него дядя – Йондэл – в Канцелярии. Вот он говорил. Мол, тебя на то место прочат! – Отрок приосанился. А Фладэрик в раздумьях потёр свежесвыбритый подбородок и кивнул. – А про Семь Ветров – это Гира, ну, Биртагир. Подслушал где-то.

– Вот ведь... улей, – пробормотал впечатлённый Адалин.

Того и гляди, Гуинхаррэна вперёд монархини со счетов спишут. Эзру при дворе любили немногим больше, чем «Ублюдскую Тварь Её Величества». Разумеется, тайно, на показ Корсаку медово улыбаясь.

– Что? – не расслышал увлечённый смакованием грядущих почестей Радэрик.

– Ничего, – отмахнулся Упырь и присел в нише окна, с мимолётной тоской поглядев на счастливого брата. Радэрик уродился на удивление... правильным. Будто не для этого мира сочиняли. – Не был я в Семи Ветрах, только в Мири-

⁵⁸ Тут – январь.

дике. Проехался поперёк, столицу минуя.

– Ого! – пуще прежнего воспрянул брат. – А ещё где?

– На Враэрдэа, в Дор Гравэнне, в Ярьенне, в долине Оку-ня, в Ардуайне, на Дзедзнэ, в Иргибе, потом в Сердаград смотался. Всего понемногу... – Старший Адалин, припоминая, устало потёр переносицу. – С оборотнями из Лесного Пути побеседовал.

– Ты был в Диколесье... и в Непроходимье? – Радэрик невинно хлопал до одури честными глазами. И преданно улыбался без тени понимания во взоре.

Упырь вздохнул:

– В Непроходимье я не был. Так, кромкой обошёл. Пара их ребят живёт сейчас неподалёку от Русалочьего Затишья и Кхаркхелла. Тоже за Иргибой наблюдают.

– Но Кхаркхелл и Иргиба – это территория Миридика! – ужаснулся младший.

Фладэрик прищурился:

– Иргиба – нет. Пограничье, ещё во владении Озара. Отрок, что у тебя с картографией?

– О, всё отлично! – юность заполошно вспыхнула и донельзя смутилась. – Просто... Иргиба... там выжлецы!

– Выжлецы повсюду, – пожал плечами Упырь, пристально поглядев на багровевшего ушами брата. – А землеописанием пренебрегать не стоит. Даже если из Долины высовываться не собираешься.

– Я не пренебрегал! – воспротивился Радэрик. – И я со-

бираюсь! Я с блеском выдержал испытания по всем дисциплинам!

– Угу, – кивнул не слишком впечатлённый старший Адалин. – Иначе тебя не допустили бы к Гоминиуму. Забудь, я всё понял...

– Нет! Брат! Серьёзно! Спроси у мэтра Каувица! У меня наилучшие результаты!

– И записная скромность, – Упырь снисходительно улыбнулся. – Не горячись. Я и не сомневаюсь в твоей старательности. Скорее, в добросовестности твоих мэтров. Итак?

– Итак? – повторил Радэрик. Обнажаемые завитыми локонами ушки по-прежнему предательски розовели. Младший робко, снизу вверх, точно нашкодивший щенок, косился на брата.

– Ты прекрасно сдал все дисциплины. С чем тебя и поздравляю. – Сварливую язвительность Упырь на время позабыл. Младший Адалин, оправив сбившуюся кружевную оборку, возлежавшую на груди веером, просиял. – А как насчёт гвардейского практикума? Тоже блеснул?

– Мэтр Лаэрвиль был очень доволен. А мэтр Каувиц и мэтр Таллэсэн сошлись во мнении, что мои результаты примечательны и, – отрок запнулся, вновь порозовел и смущённо зыркнул на вдумчиво, почти ласково улыбнувшегося брата, – и я очень на тебя похож!

– Упаси тебя Князь, – поморщился в ответ тот. – Мэтр Таллэсэн, выходит, одобрил? Помнится, прежде он бывал

довольно суров.

...И, изобретательно сквернословя, сетовал на королевский указ, ограничивавший телесные наказания.

Радэрик, хорошо помнивший преподавательские методы, выразительно вздохнул и почесал гранёный нос:

– Справедливое воздаяние не может быть излишне суровым, – заученно, но не слишком убеждённо сообщил он полту.

Фладэрик понимающе фыркнул:

– Лучше забудь этот бред. Мессир Талек Таллэсэн – неплохой наставник, но философ из него паршивый. Доктринёр и сектатор, к тому же, вспыльчивый не к месту, – Упырь пожал плечами и поднялся на ноги. – Ты молодец. Батюшка бы тобой гордился.

– Правда? – заметно опешил Радэрик, волевым усилием удержавшись на грани блаженного обморока. – Не шутишь? Серьёзно, брат?

– Вестимо, – усмехнулся тот. – Поглядим, что будет дальше.

– Угу! – радостно плеснул кудрями младший и тоже подскочил. – А ты куда? Нарочно рубаху такую надел? Ты собираешься куда-то?

– Чуть погода, – снисходительно бросил старший Адалин. Неугомонные треволения он по привычке игнорировал.

– А куда? – Радэрик затрепетал длиннющими ресницами.

– В даль... туманную и, возможно, прожорливую, – мрач-

но пошутил Упырь.

Глава 6. Быль и небыль

На оставленном слугами подносе медово-рыжее мерцание свечей сплетало новые узоры по чеканке кубков и румянило бока кувшинов. Упырь плеснул себе мятной воды, обернулся к брату и жестом предложил присоединиться. Радэрик, торопливый от восторга, неловко подхватил кубок, чуть не окропив содержимым старшего, и густо покраснел. Но Фладэрик милосердно воздержался от комментариев.

И младший, воодушевлённый снисходительностью, затянул пространную здравицу во славу отечества, заворачивая славословия кренделями почище иного нарочного-лизоблюда, отчего Упырь не к месту помянул определение злорадно-го Эльзанта: «бредит двором и славой отечества».

Поветрие то юность не щадило.

– Во славу долины, – старший Адалин наслушался, но окончания так и не дождался, а потому решил братское красноречие слегка поторопить. – К слову, это вода.

– О, – Радэрик смутился и обнюхал кубок. – Ну да. Я так и понял.

Подслащенное мёдом питьё освежало. Фладэрик рассеянно улыбнулся, стряхнул со лба липнувшие пряди. Уж потчеваться в Розе умели и любили. Обьедков с королевского стола не постыдился бы и иной хозяйчик с приграничья. Чернь обожала местные пирушки, после которых раздавали

целые кантары изысканных блюд. Но Фладэрик излишеств не любил и предпочитал организм поблажками не развращать, иначе полуголодная жизнь на большаке грозила обернуться тяжким испытанием. Случалось Упырю в пути полакомиться и болотной крысой, и вымоченными кореньями, и кислым алым мхом.

– Я так рад, что ты вернулся! – отрок блистал невинными очами и крысой явно пока в жизни своей не угощался. – Тут же такое происходит! Слышал ты?..

– Про Стяг? – нахмурился Упырь.

Радэрик устремил на брата недоумённый взор.

– А что про Стяг? Слухи ходят, в казармах гвардейцев пока подержат. Так это разве новости? Про это уж с Йоля⁵⁹ толкуют. Как под Кракун⁶⁰ Её Величество недовольство выразила. Ну, такая молва. Я, понятно, там не был, – младший Адалин искательно улыбнулся и пожал плечами. – Речь про другое! Говорят, Королева по случаю присяги праздники устроит!

С пустой-то казной да накануне войны? Какая светлая идея, своевременная, как приступ падучей на галопе. Вслух старший, разумеется, того не говорил, по-прежнему не желая тратить время на пустые констатации.

– С масками, с танцами, с музыкантами! – продолжал вдохновенный Радэрик, изящно всплеснув руками. Сверк-

⁵⁹ Праздник середины зимы. Зимнее солнцестояние.

⁶⁰ Щедрый Вечер.

нули серебром фестончатые рукава, вспыхнули блики на серпиках колец. Отрок выглядел счастливым и беспечным, как и пристало юноше, не успевшему распробовать в королевских милостях отравы. – Настоящими! Трубадурами!

– Поздравляю, – Фладэрик предпочёл заслониться кубком. – Кто твоя спутница?

Упырь нарочно переменял тему. Но реакция брата его удивила.

Младший Адалин ошеломлённо зашарил взглядом по углам, как будто надеялся найти указанную спутницу в соломе.

– Девица Сэнатайн, кажется? Курносовая такая... – предположил старший.

Радэрик зарделся вешней зорькой над болотом.

– А ты... откуда...?

Отрок побелел. Упырь в ответ лишь фыркнул.

– Ты... возражаешь? – робко уточнил младший Адалин.

– Вот ещё, – старший усмехнулся.

Девица Сэнатайн его вполне устраивала: смышлёная, как он успел заметить, не дурна собой и по простоте происхождения родством с ясновельможным змейством себя не запятнала. Фладэрик одобрительно кивнул:

– Хороший выбор.

– А Гира, представляешь, собирается Горнард звать! – чуть отойдя от потрясения, выпалил от облегчения слишком откровенный Радэрик.

– Златовласка Стимбор? – На подносе с кубками скупа-

ло блюдо засахаренной снеди и орехи. Фладэрик подхватил горсть и уселся к незатопленному камину, размышляя. Радэрик покрутился у стола и устроился на сундуке рядом. – Эрцетова внучка, – Упырь безучастно уставился в стылое жерло и слова цедил с неохотой, – насколько я помню, просватана. За кого-то из Аэтлирэ. Вряд ли кастелян Розы оценит. И дружок твой, по-моему, тоже не свободен...

– Мирьед Пирошиэль! – неожиданно скривился обыкновенно снисходительный и любвеобильный Радэрик. – Противная девица! Представляешь, отравила собственную кобылу...

Фладэрик поморщился и присвистнул:

– Ей же лет... сколько? Не больше двенадцати.

– Угу, – потряс кудрями Радэрик. – Ей семья Гиры подарила лошадку, хорошенькую, загляденье. А Мирьед её весь сечень⁶¹ ядом потчевала. Вымочит лепёшку в потраве с мёдом и скармливает... Да там много всякого было! Со служанками, с дворней, с гончаками. Биртагир сам к деду пошёл. Боялся ужасно, так ведь любовь, – заключил младший Адалин со вздохом.

– Даже так, – не удержался старший. – А я-то думал, дело в косах золотых.

– При чём тут её косы?! – возмутился отрок и, подобрав коленки, цепко уставился на брата. Сидеть так Радэрик прирастал с детства, и отучить его давно пришла пора, но

⁶¹ Тут – Февраль.

Упырь отчего-то медлил. – Кстати! А почему у нас всё так? – встрепенулся младший, в таком положении больше напоми-
навший встревоженную помесь совы и воробья.

– Как? – Фладэрик задумчиво покусывал орех и думал о привычках.

О синих зенках Равнсварт, напоминавших горные озёра, о золотом узоре, оплетавшем тронный зал, о черепичных кровлях башен и флюгерах с гербами, о вороньих стягах и катастрофе Ллокхен. А потому к вопросу оказался не готов. И поперхнулся.

– Ты мне невесту не подыскивал... – выдал Радэрик, тревожно озираясь.

– Сам себе подыщешь, – хохотнул Упырь и пристально взглянул на брата. – Чай, ноги не отгнили, и прочее на месте. – Радэрик робко улыбнулся, сочтя замечание комплиментом. – Дичь это всё. Глупость несусветная, – слегка посе-
рёл старший Адалин. – На ком хочешь, на том и женись. Мне что за дело? Причитать не буду. Хоть на этой курносой, хоть ни на какой вовсе.

– Как ты?

Старший Адалин не ответил. И вообще замолчал, орехи в кубок ссыпал да в сторону отставил. Почти безразлично отряхнул заскорузлые ладони. Аппетит только что благополучно издох.

– Фладэрик! – окликнул младший через время. – Расскажи ещё, где был...

Упырь зевнул, устало растёр глаза и покосился на бодрого братца:

– С твоим воодушевлением только по болотам маршировать, очерет вытаптывать... – заметил он беззлобно. Радэрик с улыбкой пожал плечами. – И про что же тебе рассказать?

– Ну, расскажи про Ардуайн, про Ярьенн. Правду говорят, что в Аксиндэрии труп бродячих так много, что правительство подать новую ввело? Налог на радость.

Фладэрик насмешливо вздёрнул уголки неулыбчивого рта:

– Занятная мысль. Кто это придумал? – Радэрик пожал плечами. – Понятно. Хм... В Ардуайне, и верно, народ живёт празднично, особенно в столице. Бродячих артистов в долине Окуня и дальше на запад много. Особенно там, где потеплее. Да и на озёрной равнине от гусельников-скоморохов, лютнистов... всяких, спасу нет. В каждой корчме свой Идиль Пресветлый соловьём разливается, уши чужие насилует.

– Идиль?! – ожидаемо восхитился Радэрик. – Как в Сказании?

– Скорее, как в частушках, – ехидно фыркнул Адалин. Забористый фольклор Идиля – рыцаря из выпрєнных баллад – честил что в хвост, что в гриву. Удивительно, как разнилась с пафосными виршами «Идильгиона» народная молва. Юноша, чей разум сельская поэзия пока щадила, непонимающе нахмурил аккуратные брови. – Забудь. Рано тебе... на-

верное. В общем, не заметил я, чтоб Рейес вводил новые поборы. Разве, с виноделен. Данэль Херемиас – на диво мудрый правитель. Несмотря на страсть к стеномазам, – заметил между делом Адалин, не без улыбки вспоминая солнечные виноградники и мягкие холмы.

– А правда, что он в молодости тайком на девке из балага-на оженился? – Ясные глаза братишки блестели совершенно детским любопытством.

Упырь осклабился, пощипывая свежескобленный подбородок.

– Не пойму, то ли компания твоя так на тебя влияет, то ли, и впрямь, невесту тебе сговорить пора, – заключил старший почти всерьёз. – Ведь один миннезанг⁶² на уме.

Радэрик зарделся и что-то сбивчиво забормотал. Склонность к румянцу уже смахивала на лихоманку. И Фладэрик все же снизошёл до более вразумительного ответа:

– Эдельмиру Элену девкой лучше не обзывать. Хоть нрав у неё и веселый.

– Так королева Ардуайна... – Доверчивое личико младшего из братьев Адалин вытянулось.

Старший только покивал:

– Мира Эле, танцовщица из приграничного Ваэзэлла. Правда, народ тамошний её за это лишь крепче любит. Ты, я так понимаю, творчеством Трайгля Босого увлёкся? – догадался Фладэрик. Отрок потянул плечами. – Ладно, Князь

⁶² «Любовная песня», немецкая рыцарская лирика.

с тобой. Изящная словесность – не самая свирепая юношеская хворь. Авось, отпустит. – Упырь решительно поднялся с кресла. – Трайгль – человек порядочный, хоть виршеплёт и ходит без обуви.

– Ты его видел? Вживую? – встрепенулся Радэрик.

Старший Адалин задумался, стоит ли травмировать воображение мальчишки подробностями или пощадить репутацию нового кумира, куда более разудалого гулёны и бражника, чем можно было подумать, слушая до икоты лиричные творения да воочию любуясь на стальные зенки и постную, возвышенную рожу.

– Случалось. Вместе на острова ходили на галее, – уклончиво ответил Адалин.

– По морю? – восхитился отрок.

– Ну, очевидно, не по воздуху. – Фладэрик уже натягивал поверх шёлковой туники, смердящей за версту лавандой, роскошный аксамитовый кафтан, неудобный, как иные кандалы.

Младший восхитился:

– Какая красотища! Отчего ты так редко его надеваешь? Ты же Высший! Тебе б к нему ещё фибулу отцовскую! Хочешь, принесу?

– Фибулу с корзнем⁶³ носят, – напомнил Упырь, щурясь и придворную моду всё больше ненавидя. Кафтан стеснял

⁶³ Корзно. Мантия князей и знати, накидывалась на кафтан, застёгивалась на правом плече запонкой с петлицами (фибула), плащ с меховой опушкой

движения и отчётливо давил на плечи.

– Не, – затряс подвитой шевелюрой Радэрик. – То другая. С камнями и цепочками. Её просто прикалывают.

– Это не отца... – неспешно протянул Упырь, веселея.

– А чья? – удивился младший Адалин.

– Подари её девице Сэнатайн, – за сим Фладэрик оставил волоокую юность домысливать очевидное и вернулся в спальню за печаткой.

Украшений, кроме практичных и незаменимых оберегов, Упырь не жаловал. Но с порядком приходилось считаться. А фамильный перстенёк, к величайшему сожалению, оставался обязательным атрибутом.

– Фладэрик, а ты возьмёшь меня с собой? – бодро прозвучало из-за двери.

– Куда? – Упырь остановился на пороге, разглядывая брата.

Тот давно вырос и окреп, в плечах его ощущалась сила, а в посадке головы уже маячила фамильная строптивость. И всё равно старший Адалин видел перед собой весёлого, ясноглазого мальчишку, зачарованно слушавшего их с отцом рассказы в холле у камина или прыгавшего по голубятне на дворе.

– По порядку присягнувший поступает в услужение старшего Лучистого Близким. Выбери меня! – Запальчивость юнца возвышенной натуре не противоречила, и всё же, за редкостью в долине удивляла.

– Говорят, один ты такой, на службу гвардейскую польстившийся, – решил сменить тему встревоженный его настроением Адалин. – А дружок твой, этот, бровастый, Биртагир? Он, вроде, богатырь и нрава не самого тихого.

– Не, Гира у нас по части стратегии. С Громника ни одного диспута не пропустил, даже выступал пару раз.

– Могу представить. – Упырь пожал плечами. Судьба юного Орэндайля его не слишком занимала, а вот встрепенувшийся братишка – очень даже. Пыл следовало погасить во избежание дальнейшего пожара. – Учти, Вызов перед присягой – серьёзней прежних практикумов. Особенно для будущего Лучистого, – заметил Фладэрик негромко.

– Мэтр Таллэсэн говорил об этом, – просиял отрок. Сакраментальное «жду не дождусь» маячило отчётливым рефреном.

«Мальчишка, – с горечью оценил старший Адалин бледный лик, отороченный локонами, подбитый кружевами. – Смышлёный, откровенный и наивный – опасная смесь для двора. О чём догадается, о том молчать не станет. А такие долго не живут».

– По поводу Близкого. – Фладэрик улыбнулся, надеясь смягчить последствия давно принятого решения. – Я поговорю с кем-нибудь из командиров. Джебрики или старший Дорвэк с радостью возьмут тебя под крыло. – На энтузиазм Упырь не рассчитывал, но и столь неприкрытого страдания обнаружить не ожидал. Потому заговорил ласково, точ-

но увещевая нервную кобылу: – Дядюшка Ирджи, старый Корнэль. Ты жил у них пару лет в Джебрике в детстве. И тебе там нравилось.

Радэрик погас так же отчётливо, как до того светился, рас-
теряно оглянулся по сторонам в поисках аргументов. Лицо
вытянулось, а губы побелели и предательски дрожали.

«Старого Корнэля», деда Фладэрикова студармского
дружка, министриала-ленника рода Адалин, младший лю-
бил от всего сердца. Почтенный хозяин без устали потчевал
«прелестного мальчонку» медовыми кренделями и засаха-
ренной снедью, разрешал таскать из арсенала всё, на что глаз
ляжет и слуги припрятать не успеют, брал с собой на охоту и
изо всех сил баловал. Особенно после пропажи одного вну-
ка-лоботряса, Данжика, и отбытия ко двору второго, мень-
шого Корнэля.

– В долине, тем паче в коронном замке, при дворе, тебе
будет куда интереснее, – продолжал Фладэрик спокойно, но
в груди отчего-то сделалось пусто. Отрок выглядел несчаст-
ным и ошеломлённым. – На миннезанг время останется.

– Не хочу слушать про чужие подвиги! – выпалил юнец,
блеща глазами за целый рой болотных огоньков. – Я совершу
свои!

– Охотно верю, – со вздохом покивал Упырь. – Но... Ра-
дэрик, подвиги совсем не по моей части. В казармах Стяга
наслушаешься скоро...

– Да слышал я! – перебил тот сердито. – И что? Ты обещал

принять меня Близким! И ты можешь это устроить! Королева тебе благоволит и даст тебе всё, чего бы ты ни попросил. Вот о чём говорят в казармах!

Фладэрик прикрыл глаза, смиряя раздражение. Какие там путешествия, его не то что в Розе, в поместье одного оставлять боязно, как бы голуби не заклевали. Ещё и при таких повадках.

– Когда то было, – мрачно проронил Упырь.

В выстуженных покоях отчётливо пахивало «смертельной обидой», а то и «терзаниями». Что важно, душевными. Возможно, в стихах.

Радэрик упрямо вздёрнул аккуратный подбородок, куда менее для того подходивший, чем братишкина квадратная челюсть:

– Разве слово Высшего имеет срок давности? – Вызов звякнул о камни сводов наконечником копья.

Старший Адалин лишь усмехнулся, машинально пощупал амулеты и подтянул тесёмки облачения.

Радэрик заподозрил страшное и тотчас позабыл свою обиду:

– Ты что, уже уходишь? Сейчас обед принесут! Я распорядился на двоих.

– Вот и поешь за нас обоих. – Упырь смерил выразительным взглядом братишкину стать – фамильно тощую, пока не заматеревшую, а потому удручающую – и выразительно кивнул: – Тебе не помешает.

– Я просто высокий! – округлил зенки младший Адалин. –

И вообще! На себя посмотри!

Фладэрик, припомнив «одра», ухмыльнулся отчётливее:

– Мне можно.

– Так куда ты? – не дал себя сбить Радэрик и ухватил брата за рукав.

Упырь беззлобно, даже ласково его отстранил, машинально потрепал по волосам, как делал в детстве.

– К благоволящей мне государыне, – сообщил он коротко.

– К государыне? – опешил отрок. – Но... обед...

Братишкин пыл раздражал искренней непорочностью. Фладэрик захлопнул дверь, оставив юность на попечение Норбера.

Глава 7. Палаты

Свербяще-тонкий дух лечебных травяных притирок тлел в воздухе хвостом метеора.

Радэрик растеряно оглянулся на очаг, на безучастные сундуки, резные деревянные панели и фантазийные композиции из бесценных сабель по стенам. Брат не трудился украшать своё жилище, но, хвала Князьям, не запрещал другим. А потому покои выглядели великолепно, как и пристало палатам Высшего. Не чета убранству замка Адалин, но всё же.

Фладэрика почтила аудиенцией сама государыня. А значит, обижаться за сорванный обед глупо и по-детски, но доводы рассудка пока не помогали. Рад грустно повертел в ладони опустевший кубок.

Прекраснейшая из королев, дивноокая Айрин с сияющими волосами цвета солнца, далёкая, овеянная сказочной молвой, как сама Жрица, в стихах и сонетах студентов поминалась столь же часто. Радэрик и сам тайком такое сочинял. А ещё выменял на одно из отцовских колец небольшой, всего-то с пядь размером, портрет Её Величества, писанный на деревянной доске безвестным, но явно одарённым миниатюристом. Портрет тот младший Адалин хранил как драгоценную реликвию.

В покоях брата, к слову, он таких никогда не замечал.

Спальня Фладэрика, мрачная, как древний каземат, и чи-

сто прибранная, как отшельничья обитель, нагоняла дикую тоску.

Старший Адалин в Розе вёл суровый образ жизни. Радэрик окрестил его «походным», хотя сам не побывал пока ни в одном. Но тюфяк под покрывалом на узкой койке из едва оструганных досок выглядел крайне неудобно.

Как и окованные железом сундуки, где брат хранил привезённые из странствий артефакты и кодексы, которые не разрешал читать.

В долине о Фладэрике ходили толки. Наследник знатного семейства слыл первым мечником, хотя с некоторых пор игнорировал турниры, и удачливым вельможей, пользовавшимся особой благосклонностью правительницы, несмотря на постоянные разъезды. При Радэрике осмотрительные придворные и родовитые отпрыски подобных формулировок избегали. А тот, по доброте душевной, не подозревал, сколько корысти кроется в восторженных словах.

Но кто рискнёт сболтнуть при мало не влюблённом в старшего брата отроке чего... предосудительного?

По сумрачной, окутанной тенями побочной галерее, соединявшей башни верхнего замка, сновали призраки и мыши. Большой частью, обыкновенные, но и летучими судьба тот лаз не обделила. В сухой соломе пыль хрустела под ногами, а витражное стекло чуть слышно трепетало в железе узких рам на стылом сквозняке.

Беседы с братом неизменно застревали занозой в том, что менестрель назвал бы бранным остовом почившего когда-то благородства. Невинный отрок глядел на Упыря с беспричинным восхищением. Взгляд ясных глаз цвета ольховой коры под летним солнцем колол побегом тёрна. Фладэрик припомнил, в чём заверял наднесь Сейрана, и отогнал воспрянувшие сомнения. Некоторые вещи надо просто делать, невзирая ни на какую боль.

Палаты Равнсварт, просторные, как иное селище, с кучей закутков и комнат, занимали верхнюю честь Королевской башни. И превосходили даже покои короля.

Фладэрик удержал вильнувшие на зыбкий склон мысли. Не следовало поминать всеу порфириносную персону Его Величества вампирского монарха, почившего глубоким – вот уже который век беспробудным – сном в напоминавших катакомбы недрах замка, что грибницей проросли в скалу.

Встречаемых по пути вельмож Упырь намеренно не замечал. Придворные – со слугами и без, с охраной или при своих мечях – скользили духами в гирляндах самоцветов, в скрипторий и Пределы, с наказом из палат или донесениями в Совет. Мелкопоместные, услужливые проходимцы, спесивый «цвет» и Благородные, снулостью лиц под стать ленивым карасям. Раскланивался с ними Фладэрик так же лениво.

Королева Айрин, дивноокая владычица Олвадарани, ждать не любила.

Она многого не любила. И нелюбимое предпочитала из-

ничтожать, дабы оно не оскорбляло лазоревые очи.

Фладэрик поправил перевязь, одёрнул полы неудобного кафтана.

Равнсварт – девица, как же, – оставалась невозмутима и холодна, как мраморная статуя пресветлой Жрицы. Но в синих колдовских глазах плясали отблески чудовищных зарниц. Упырь терпеть не мог ловить их, когда дивноокая поджимала припудренные губы, едва приметно морщила лицо и теребила чётки. После этого всегда летели головы, полыхали замки и пресекался очередной высокий род. Монархии любимцы сменялись с удручающим проворством. Вчерашний фаворит сегодня мог обнаружить себя при смерти с кровавой пеной на губах у рвов или за акведуком, в одном из плесневеющих каналов окольного города или слобод. Молва во всём винила «проклятье короля», почившего в куске обсидиана сразу по окончании полуторавековой войны с колдунями, а Фладэрик – один из хитрых ядов, что синтезировали для Айрин в Чертоге чародейской башни. И удивлялся старший Адалин лишь собственному благополучию.

Сплетни змеями клубились у подножия Чёрного Трона. И жалили б без промаха, кабы не проворство Упыря, неизменно успевавшего предугадать и скорректировать их броски.

Палаты стерегли бдительно, но безучастно.

А дивноокая отпустила вельмож и даже слуг. Фладэрик мысленно присвистнул.

В комнате, где ждала его Айрин, горела лишь одна свеча.

Мрак она не разгоняла, но создавала атмосферу уютного, чуть рыжеватого застенка под сводчатым, гнетущим потолком.

Вечерело; окна затянул прозрачный сумрак. Светляки оранжевых огней плясали на кожаных переплётках кодексов и полировке полок. Грузные рёбра свода тонули в пляшущих тенях. Над полом, в ореоле приглушённого мерцания, возлежал без видимой опоры раскрытый фолиант древней магии.

Девушка Равнсварт, нежное исчадие полных бредней усмирявших плоть Проповедников, замерла перед тяжёлым столом, лаская кончиками пальцев столешницу из драгоценной древесины. Чёрный шёлк расшитого платья стекал изысканными складками вдоль стана и на подоле расцветал узором виноградных лоз. За монаршей спиной возвышалась резная спинка напоминавшего трон кресла, сработанного из той же заморской древесины, что и стол, и сейчас развёрнутого к нерастопленному камину. Очередному нерастопленному камину. Остро пах сандал и курившиеся в чашах смолы. Выстуженные покои в целом удивляли аскетизмом. И всё же дурно освещённая каморка показалась Фладэрику приветливее госпожи.

Айрин скромно потупила долу синие озёра и обмирала трепетным оленёнком. А на посетителя отреагировала и во все странно. Вскинула ладонь к губам, порывисто обернулась, сверкая бледностью бескровных скул и, кажется, вздохнула.

В строгом платье, змеиной чешуёй обтекавшем безукоризненное тело – рукава приоткрывали лишь самые кончики пальцев – Равнсварт смотрелась даже занимательнее, чем в прежних, нарочито пышных туалетах. От венца королева освободилась, как и от бус, и теперь медовая копна золотистым ореолом оттеняла точёный силуэт. По-девичьи невинное личико перламутрово мерцало, как поверхность топи под луной.

Чёрные и длинные, точно опахала, ресницы бросали густую тень на и без того тёмные омуты глаз.

Фладэрик замер, пристальнее всмотрелся в это воплощение сказочного образа: чарующе прекрасная, дивная владицица. Предмет обожания и липких ночных грёз хворых трубадуров.

Губы воплощённой сказки обозначили робкую, ласковую улыбку.

– Моя Королева, – Упырь поборол внезапно схвативший горло спазм и поклонился.

– Ты пришёл, Адалин. Благодарю, – напевность голоса ласкала слух.

Завораживающе блестели томные глаза, одуряюще пахли благовония. Фладэрик оценил как наружность повелительницы, давно отточенную, так и поставленные вибрации, и скрипнул челюстями. Балаган удался с блеском – прекрасная страдальца в лапах неумолимых обстоятельств располагала к незамедлительному спасению оной.

По мановению изящной ручки, мелькнувшей в украшенной фестонном манжете узкого рукава, резная громадина кресла плавно развернулась, едва касаясь витыми ножками ониксовых и малахитовых плит, составлявших орнамент пола. «Девушка Равнсварт» элегантно сдвинула брови и устало опустила на самый край, умело скомпоновав складки подола узором из теней, подчёркивавших хрупкость скрытого под ними тела. Фладэрик, постояв в молчании какое-то время, но, не дождавшись продолжения, молча подошёл к очагу, сложив руки за спиной. Королева проводила подданного долгим якобы потаённым взглядом из-под ресниц.

Упырь замер в пол-оборота и с выражением учтливой вниманья склонил голову к плечу.

– Ты, вероятно, не так понял всё это, – начала Айрин.

Фладэрик невольно усмехнулся:

– Что именно?

Дивное создание примостилось на краю исполинского кресла. Рыжее пламя свечи, колеблемое сквозняками, сплетало кружева теней, превращавшие монаршее лицо в отполированную маску. Её Величество бесподобно организовала мизансцену. И Фладэрик невольно проникся настроением, а там и разозлился на самого себя.

– Разговор... в кустах? – проронил он намеренно небрежно.

– Адалин! – королева вспыхнула. Омуты прекрасных глаз мерцали в полумраке.

– Ваше Величество? – привычной иронии тут оказалось куда больше, чем предполагаемого участия, и Фладэрик откорректировал интонацию: – Прошу прощения, моя госпожа. Что именно я... превратно понял? Если моя Королева не желает меня видеть, я могу уйти.

Равнсварт молчала, продолжая странно, до жути убедительно глядеть на подданного. Упырь почти почувствовал кол под ключицей.

– Зачем всё это, Адалин? – красиво отмахнула фестончатым рукавом королева.

Проникновенный шёпот драгоценной ткани довершил картинку, а Фладэрик невольно вздёрнул бровь:

– Я по-прежнему не понимаю, моя госпожа, – признал он тихо.

– Зачем ты делаешь всё это, Князя Великие?! – с горькой обречённостью пролепетала Айрин.

– Выполняю приказы, Ваше Величество? – предположил Фладэрик навскидку.

Равнсварт порывисто прикрыла личико ладонью и глубоко вздохнула.

– Хорошо, мессир Адалин. Тогда... скажи мне, зачем ты ездил на восток, к границам Стародревья? Моим подданным запрещено там появляться.

Упырь не ответил, только непроницаемо ухмыльнулся, а взгляд нарочно устремил в пол, считая цветные плиты. Ониксы-малахиты, малахиты-ониксы. Узоры-сполохи, рез-

ные линии.

– В Коммуне... сколько ты провёл? – продолжала мученически королева. – Кхаркхелл, Аксцебужц... Мессир Гуинхаррэн отчего-то сдержан на этот счёт. Зато мессир Тэрглофф весьма красноречив!

В напольных орнаментах Упырь так ничего и не высмотрел, а потому пожал плечами, мимолётно отмечая чистоту. В палатах Озара да при дворах западных князей едва не ископаемые звероящеры пластами залегали. А тут лишь железная трава под лавкой вдоль стены, и та – для аромата.

Айрин отвернулась, отняла ладони ото лба и покачала головой. Адалин тоже отмер, прошёлся пару раз по комнате, меряя узор широкими шагами, остановился аккурат посередине, точно для доклада, и глубокомысленно изрёк:

– Восток, моя королева, восток. Мне жаль, что моя госпожа не довольна моей службой.

Глава 8. Служба

– Твоей службой, – с болью повторила Равнсварт и закусила внезапно задрожавшие сахарные губы. – Это не служба, это попытки умереть, – прошептала она чуть слышно.

Фладэрик невольно рассмеялся:

– Что? Госпожа королева изволит шутить?

Усмешка стыlostью напоминала смёрзшийся до дна ручей. Адалин покачивался хоругвью на ветру и выразительно отличался соответствующей. Айрин лишь отмахнулась.

– Какие шутки, Адалин? Тебя... Ты... – королева осеклась. – Тебя солдаты Поста едва отбили! Скажи одно: чем... чем ты обижен? Мало тебе почестей?

– Моя Королева! – упреждающе перебил Упырь и невольно сдвинул брови.

Но Айрин вновь взмахнула рукавом:

– Оставь уже! Я не слепая! Тебе милее пустоши и гати!

– Это моя служба, – нетерпеливо повторил Адалин и тоже поджал губы, выдохнул, нащупывая нужный тон. Оный пока хоронился за раскидистыми лопухами досады и колючей неприязню. Подобных бесед Равнсварт давно не затевала.

– Ты мог вообще не служить! – Синие глаза сверкнули. Мрачно, зло, как розblesки Князей в ночных чернилах небосвода. – Ты – старший Адалин, Высший по праву наследства после смерти Тайдэрика! Ты состоишь в Стяге! И, если

хочешь, получишь любые титулы! Меча, Советника, да хоть Канцлера Долины! Чего ты хочешь?! – Мелодичный голос дребезжал пустым доспехом.

– Айрин, прекрати! – Фладэрик поспешно опустил веки, смиряя злость. Разговор таки вывернул на трижды проклятую стёжку. – Перестаньте, Ваше Величество, – интонации всё ещё скреблись позёмкой, но сердитый скрежет удалось смягчить. – Я служу долине. Тебе служу, – напомнил Упырь тихо.

– Ты разлюбил меня! – внезапно рассмеялась королева, подняв бескровное лицо. – Оставь уже притворство! Какая служба? Ты ненавидишь королеву и долину!

Адалин испытал странную, одуряющую тошноту и вздрогнул. Головокружение оказалось недолгим, будто прелагатая столкнули со стены во сне.

– Нет, – кратко бросил он, будто проснувшись.

– О, да, – бархатный, грудной смех на сей раз показался почти жестоким. Огромные глаза заблестели вешним ручейком, дробя свечную рыжину. В голосе звенела сталь, а рот кривился, но Равнсварт действительно заплакала. – Ты талантливо притворяешься, Адалин, умеешь быть полезным. Иногда я даже верю. Знаешь, что? – Фладэрик замер. Не напрасно. – Канцлер Двора давно нашёптывал про измену старшего Адалина, про странную любовь к бродяжничеству, самовольные отлучки, вольности, сомнительных друзей и странные беседы. Я сама не понимаю, почему прощаю

это!

Айрин неожиданно проворно очутилась подле оцепеневшего, сощурившегося в предвкушении Упыря.

– Ведь я могу избрать любого, Адалин! – бросила она сердито. Вымученная улыбка теперь напоминала жутенький оскал. Фладэрик разглядел и горячечный румянец на нежных скулах, и треклятые слёзы в дивно блещущих глазах. А ещё – тоску. Палящую и цепкую, как ядовитый плющ. – Слышишь?! – Хрупкая Айрин неожиданно чувствительно толкнула прелагата в грудь. – Любого! И куда более благодарного!

– Что останавливает прекраснейшую из королев? – Упырь едва разжимал сведённые внезапной судорогой челюсти. – Влюбленные – или притворяющиеся таковыми из страха перед шибеницей – быстро надоедают?

Равнсварт притопнула сердитым каблучком:

– Ужели Тэрглофф прав?! Ты всего лишь... – Бархатные щёки полыхали. – Ты просто презираешь хозяйку Розы, которой клялся служить! Которой присягал на верность и обещал любовь!

– Это невозможно, – Фладэрик покачнулся, прикрыл глаза. – Айрин, ты это знаешь.

– Знаю? Знаю ли? – Королева отвернулась и опустила голову. – Я скажу тебе, что я знаю, Фладэрик. – Разметавшиеся покровом по плечам, напоминавшие в мерцании свечи расплавленное золото волосы благоухали бергамотом. – У те-

бя ледяной взгляд! Глаза цвета янтаря и взгляд зимней бури! Ни отблеска эмоций. Ледяной яд Голоземья! – Бесподобная Айрин дрожала. Обескураженный прелогатай осторожно подступился, невольно хмурясь. – Что бы ты ни разыгрывал, в чём бы ни клялся, – королева стиснула ладони у груди, – ты... был другим! Ты себя помнишь?! Настоящего. Тот молодой гвардеец... он не стал вельможей. – Горький, преисполненный боли смешок ранил отравленным кинжалом. – Он стал прелогатаем. Отличным, это правда. Но и лишённым чувств. Точно деревянная кукла с намалёванной улыбкой. – Упырь и впрямь почувствовал себя шарнирным болванчиком, когда обнимал за плечи вздрогнувшую, но не отстранившуюся королеву. Девица Равнсварт лишь всхлипнула. – Ты будто одичал на большаках. И вовсе не стремишься в долину возвращаться, Розы избегаешь, а шутки твои...

– Айрин... – Благовония дурманили, как заговорённый дым. Адалин наклонился, почти коснувшись лицом золотой макушки. – Ты сама сказала, я всегда пренебрегал «ясновельможностью». Прости, что заставил усомниться. – Госпожа Каменной Розы доверчиво вздохнула и позволила обнять себя теснее. – Я люблю тебя. – Горло будто сдавили невидимые пальцы, но голос оставался вкрадчивым и ровным. Упырь прикрыл глаза: лучше бы это и впрямь были лишь слова, ширма, за которой так удобно хорониться. – С тех пор, как увидел на обряде клятвы... – Фладэрик бережно разнял стиснутые ладони королевы, поднёс к лицу, поочередно по-

целовал холодные костяшки.

Зал украшали златотканые хоругви, гирлянды из цветов и лент, вымпелы с шипастой розой, коронованными воронами, гербами присягавших благородных. От блеска аксамитовых одежд и украшений в глазах рябило. Но великолепный двор поблек, когда вслед за магистром ритуалов в дверях явилась королева.

Пленительная Айрин, повелительница навий, синеглазая колдунья, чью красоту и беспощадность воспевали в сонетах и стихах, с тех пор ничуть не изменилась. И смотрела на прелегатая из-под опущенных ресниц всё с тем же манящим выражением, от которого захватывало дух.

Равнсварт заговорила очень тихо, шёлковым, ласкавшим слух голосом:

– А знаешь, я хорошо помню, как ты, ещё не представленный ко двору, впервые появился в замке.

Упырь удивлённо усмехнулся. Запах лилии, что источали пальцы королевы, сделался насыщеннее.

– Ты не знаешь... – Нежная улыбка превращала шёпот в заклинание. Адалин пожал плечами, почти пьянея. – Я тебе никогда не говорила, как увидела в казармах Стяга приведённого старшими дружками студиозуса, нахального не по годам. Но памяти тот день остался, будто вчера было. – Айрин невесомо прижималась к Упырю. – Черноволосый, светлоглазый. Ты дрался с кем-то из гвардейцев. – Фладэрик того не помнил. И потому лишь потянул плечами. – В запале

поединка вы не заметили всеобщего оцепенения. Ты и твой дружок. Тогда Стягом командовал Ксавер Ордэгел, страшный, что Исчадие Бездн на службе у Тёмного Князя. Вёл меня под ручку по галерее. – Адалин припомнил старого вояку и прикусил губу. Он почти понял, о каком поединке говорила королева. – Как увидел это сборище, он аж остолбенел, – Айрин усмехнулась, рассеянно погладив ледяные, огрубевшие от верховой езды ладони прелагатая. – Я наблюдала поединок молча и ушла, так ничего не приказав. Забавно, перепуганные солдаты не рискнули даже пискнуть. Тарацились истуканами. Всех присутствующих, не исключая старого Ксавера, следовало наказать. А юноше, самовольно покинувшему Стударм до срока, ещё и с солдатнёй путавшемуся, отказать в Присяге на год.

Адалин наморщил лоб. С гвардейцами он «путался» исправно. Тогдашний Стяг любил поединки. И драк в ту пору случалось много.

Равнсварт кивнула в ответ на собственные воспоминания: – Я сделала не так. Зачем же я тогда посещала Стяг? Вроде, с внеочередным смотром. Или по настоятельной рекомендации Тэрглоффа? Не помню причины. – Фладэрик вдруг понял, что улыбается вслед за госпожой. Рассеянно и диковато. – Я помню только эту схватку между гвардейцем и лихим юнцом с бешеными глазами. Помню во всех подробностях. Вплоть до складок распущенных рубах. Без доспехов, даже без кафтанов. На боевых саблях. Вы оба хохотали и

подначивали друг друга, как сумасшедшие или хмельные. – Адалин пожал плечами. Запах лилии и бергамота окутал наважденьем. Прелагатай почти увидел то, о чём вещала королева. – Знаешь, я сделала вид, будто ничего не произошло. Ни словом не обмолвилась. Видимо, Ордэгел вам тоже не сказал... Наверное, все слишком испугались. А день спустя, на обряде клятвы тот юнец уже сверкал на меня своими шалыми глазами и...

– И клялся служить прекраснейшей из королев, – закончил хрипло Адалин. – Я помню. Тогда я в тебя влюбился.

– Сколько воды утекло с тех пор, сколько крови, лжи и ненависти, – прошептала королева едва слышно. – Ты всё ещё любишь меня?

– Как иначе, моя госпожа? – непритворно удивился Фладэрик и закрыл глаза.

Королева тихо улыбнулась, медленно провела ладонью по чёрным волосам, впалой щеке и выбритому подбородку:

– Видимо, потому Тэрглофф до сих пор не получил высшего дозволения на спытки, – вкрадчиво прошелестела Айрин, мягко отступая в сжимавшихся объятиях. – Ты не врёшь. Во всяком случае, не теперь.

Глава 9. Ворожба

Обманчивая тишина ласкала усталый разум перьями заморских птиц. Адалин неслышно выскользнул в соединявшую опочивальню с приёмными покоями потерну. На ходу стянул шнуровку ворота рубахи и сбежал по каменным ступеням вниз.

Тайный лаз скрывал старинный гобелен ратной схватки Величеств с порождением мрака из бредней чароплётгов. Несмотря на неправдоподобно жуткий вид, Адалин не сомневался, что затканная пеплом и багрянцем тварь в рогатом шлеме где-то да существовала.

Валтаровы записи нашлись в небольшом ларце вместе с ещё несколькими свитками. С лучину⁶⁴ Упырь шуршал листами, изучая переписку. Айрин держала связь с предводительницей западных ведьмиц, любовно именовавшей королеву Северной Звездой и «доцей». Фладэрик нахмурился и пробежал глазами краткую эпистолу Ставменского волхва – доклад об отбытии наместника. Просмотрел свитки под сломанным сургучом жешских магнатов и союза западных негодциантов, жаловавшихся на Чёрный След, что лютовал на перевалах и ни один обоз не пропустил без урона. Чёрный След номинально подчинялся одному из оборотнических господарей. Которому именно – Кноблач, их главарь, решал сам

⁶⁴ Около получаса.

и в выборе руководствовался соображениями удобства, а не благородства. Потому взывать к вампирской госпоже здесь было бесполезно. Рункард Валэсны, хозяин оборотней Марумана, ещё мог демонстративно прислушаться и окоротить скорых на расправу перевертней Следа, но Седой Имрэ и, тем паче, лютей Дитмар, заправлявшие в западных лесах, чихать хотели на приказы дивноокой. Адалин это прекрасно знал и, отчасти, приложил к тому руку.

Упырь не рассчитывал найти тут хоть что-то стоящее, и потому, обнаружив чертёж, едва слышно присвистнул. Владычица Каменной Розы, оказывается, на досуге забавлялась колдовством. И колдовством не обыкновенным.

Филигранный рисунок повторял узоры битого стекла, кругами выложенные в Голоземье. Фладэрик склонился над ларцом, недоверчиво щурясь в полумраке. Клятые чудодеи вовсе помешались.

Алмазная Лилия и Каменная Роза. Что ж вам понадобилось за Кромкой?

Упырь услышал скрежет и по нему догадался, что слишком крепко стиснул зубы. А потому намеренно расслабил челюсти и расцепил незаметно стиснувшиеся кулаки. Пальцы десницы отчего-то потемнели и выглядели покойницкими. Адалин деликатно уложил свитки обратно и сердито размял зудящую переносицу. В глаза будто пригоршню трухи швырнули.

Паскудные открытия совсем не радовали.

«Ты теперь Кромешник», – прошептала, улыбаясь, тьма.

А ещё Фладэрик наткнулся на донос с печатью Тэрглоффа. Ябедничал клятый канцлер на Корсака и на него.

Прелагатай мрачно улыбнулся, растёр загривок под неубранными волосами и подошёл к окованному железом колдовскому кодексу, зависшему над полом без попитра. Айрин не потрудились даже перевернуть страницу. И Фладэрик прочёл исчерканный комментариями пращуров, ажурный разворот.

Пиктограммы и сепараторная ворожба, гоэтия⁶⁵ и теургия⁶⁶.

Те твари, что ждут, принохивались из углов. И ночь как будто оживала. Адалин почти услышал пастушью свирель.

Самонадеянной глупости, тесным венцом натёртой и оттого воспалившейся, воистину нет предела. Упырь в безмолвной тоске воззрился на безответный фолиант. Чего безумцам не хватает? Зачем за Кромку лезут и сил тамошних домогаются? И без того ведь не найдётся равных могуществом в обширном околотке. У одного – Сартан на сворке, стая выжлецов и дивное собрание страстей, возвращенных в подгорных мастерских. У второй – целое племя прирождённых убийц, кровожадных навий, практически не убиваемых

⁶⁵ Колдовская традиция общения (призвания и эксплуатации) с демонами, слугами Темного Князя и прочими занятыми представителями вдоль кромки злоумышляющей фауны, а так же составления талисманов

⁶⁶ Высшая колдовская традиция, напротив, к неким светлым сущностям апеллирующая (номинально).

и зачарованных до полного безволия.

В виду открывшихся обстоятельств на Розу следовало потратить ещё день-другой.

В покоях Её Величества, несмотря на свинцовую тяжесть предутренней тьмы, чары поддерживали влажный, дурманящий воображение полусвет. Ласково дохнуло в лицо гвоздикой, розмарином и вездесущей железной травой – дурмяное сочетание баюкало королевское ложе.

Прогоркло пахло очагом и мехом.

Фладэрик отодвинул тяжёлую гардину, умудрился не свалить свечник, оплывший у самого прохода жировыми слезами едва ни до полу. И посмотрел на госпожу.

В жерле открытого очага ещё тлели наколдованным огнём головёшки, распространявшие проклятый смрад. Адалин с некоторых пор ненавидел запах огня в доме больше навязчивой пряности благовонных воскурений. А потому поморщился поганому обычаю и осторожно подошёл к постели.

Ложе Айрин венчало трехступенчатый постамент, обложенный шкурами и коврами, точно берлога дикаря. Равнсварт, во сне особенно очаровательная, раскинулась среди шкур ночным кошмара затворника. На диво привлекательная в развратном забытьи. Хоть нежное лицо и выглядело пепельным в лиловом полумраке. Ресницы дрогнули и томно приоткрылись. Упырь, помедлив, опустился на корточки и непроницаемо улыбнулся. Потусторонняя прелесть полусонной госпожи завораживала не хуже, чем накануне.

– Фладэрик, – ласково мурлыкнуло распутное видение. – Куда ты? Разве уже утро?

– Скоро, – Упырь оглянулся на узкое окно и пожал плечами. Девушка Равнсварт сладко потянулась, гибкая и пластичная на зависть всем замковым кошкам и придворным змеякам. – Мне надо идти, Ваше Величество.

– Куда же? – Синие омуты плутовски шурились. Скулы чуть заалели. Королева выскользнула из-под шкур и уселась боком, опираясь на руки. Юное нагое тело влекуще изогнулось в меховых волнах. – Ещё не рассвело...

– Самая пора для прелагата, – напомнил Фладэрик и бережно погладил бархатную, едва розовеющую в полумраке щеку госпожи.

Айрин покачала головой:

– Ты странный, Адалин. До сих пор не могу тебя понять. Зачем тебе это?

– Преданность? – насмешливо поиграл бровями Упырь, не отнимая руки.

Равнсварт очаровательно поморщилась:

– Так это преданность тебя из моей постели гонит?

Томная после сна, выглядела королева даже краше вчерашнего. И Фладэрик нарочито призадумался над ответом:

– Как ни чудно. Не ты ли давеча досадовала на дотошность Канцлера и скрытность Второго Советника? На Древнюю Силу и прочие... радости?

– И это не может подождать? Ложись! Мне следовало те-

бя женить. На этой, с кем ты там был помолвлен? – Айрин небрежно встряхнула золотыми волосами и улеглась в мехах, сладко и ехидно улыбаясь.

– Зачем? – тоже усмехнулся Адалин, наклоняясь к лукаво кривящимся в предвкушении губам.

– Она б родила тебе детей и не выпускала из долины. А ты был бы со мной...

– Ерунда. – Упырь глухо рассмеялся, сжимая пальцами нежное бедро. Равнсварт одной рукой уже оплела подданного за шею, а другой направила его ладонь. – Звучит безумно.

– Ты прав, – выдохнула королева. – Наверное, я бы её убила. Ты мой, Фладэрик. Запомни.

Часть 4. Долина

...И отвращение от жизни,

И к ней безумная любовь,
И страсть и ненависть к отчизне...
И чёрная, земная кровь
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи...
«Возмездие», А. Блок. 1910– 1921.

Глава 1. Жилище

Сумерки случились внезапно. Как и погорелое, изуродованное поселение, к которому Мирко, спотыкаясь, выбрел из леса. За собой мальчик с трудом волочил перепачканную грязью и тошнотворно-смердной, гнилой жижей, брызнувшей из памжи⁶⁷, обомшелую рогатину.

Когда он рухнул с дерева на жуткую тварь, то сперва в горячке одурелого ужаса слепо отбрыкнулся, лягнул сипящее чудище, попытался вцепиться обломанными, мягкими, совсем для того не пригодными человеческими ногтями в скользкую, липнущую к пальцам шкуру. И, хвала Хозяину Солнца, благополучно слетел с приподнявшегося на дыбки, обескураженного буйным отпором уродища. Откатился по прелому валежнику, выдрал первый под руку подвернувшийся куст и, не помня себя от страха, пережитой за минувшие дни боли, голода и невыносимой, близкой к помешательству ненависти ко всем этим прожорливым страховидлам, поганым навьям, падким до чужих потрохов, принялся лупить по серому хребту, исступлённо подвывая.

Нечисть визжала, хрипела и металась.

«Маленький вещун» сам не понял, как умудрился выжить и, более того, одолеть тварь. Он лупцевал серое существо, даже когда то, рухнув, перестало дергаться, даже когда брыз-

⁶⁷ Прожорливый лесной нежить.

нуло что-то буро-чёрное, а в нос ударило зловоние. Даже когда в глазах потемнело. Очнулся мальчишка лишь поутру, весь перемазанный, с ломящими руками, рассажёнными коленками и подранным боком. Не то об ветку зацепился при падении, не то бестия, издыхая, всё же задела.

Потом Мирко худо-бедно обтёр мхом грязюку с лица, залепил им кровоточащую ссадину, в прорехе рубашки выглядевшую совсем неважно, и зачем-то снова взял рогатину, обтряс остатки земли с комля и потащил за собой. «Вещун» понятия не имел, зачем делает всё это.

Мальчику казалось, он вот-вот проснётся на повети или у печки, где тёплый, сдобный дух сморил его после дневной беготни на подворье. И ласковая Ладка погладит по волосам, нальёт парного, сладкого молока, украдкой отломит горбушки на закуску... Или Добря, посмеиваясь в усы, оделит куском терпко-солёной, жёсткой, как вожжа, но такой вкусной сушёной рыбины. Потом «вещун» спотыкался, падал или натыкался на какую-нибудь корягу, всхлипывал, оглядывал неприветливый, седым лишайником поросший бурелом, через который упорно продирался, сознавал себя до сих пор не съеденным и упрямо шёл дальше.

Язвящий гнус, сбитые ноги и шатавшийся зуб тревожили его всё меньше. Пареньку сделалось так дурно, что он не старался определить, где именно болит сильнее всего. И вот, каким-то чудом выкарабкавшись из сырой, промозглой чащобы с её оврагами, корнями, цепкой, жгучей порослью и

осклизлым валежником, оглушительно хрустевшим под ногами, Мирко замер на окраине ляды и впервые всерьёз заметил вонючую рогатину, неожиданные сумерки и запах.

Удушливый смрад погорелого жилья.

Страшный... и тошнотворно-влекущий. Потому что впитал в себя намёком что-то съедобное, что-то... Мирко утёрся размочаленным рукавом, загнанно покосился на темнеющее небо. Селение – курящийся дымом остов – мальчик уже мог разглядеть. И прекрасно понимал: живых там не осталось. А всё равно обречённо поплёлся по кулиге⁶⁸ к пепелищу, бороной волоча проклятую рогатину. Ветка цеплялась и мешала идти, но дикий, животный страх не давал её выбросить. Она будто приросла к ладони, став продолжением руки.

Село оказалось небольшим, может, в два-три раза превосходившим Овражки. Бревенчатая городьба, защищавшая некогда территорию, местами прогорела, местами обрушилась. Чёрные столбы торчали уродливыми рогами или наростами. Сажа висела в ещё тёплом воздухе. Мирко, пачкаясь в золе, брёл вдоль выжженного заплота и бессмысленно тарачился на закопчённые костяки, оставшиеся от людских строений. Понять, на что смотрит: брёвна, угли, обгоревшие кости – он даже не пытался. Нюх его не подвёл. Воняло не только костром, пахло печёным мясом. Палёной шерстью. А кое-где завалы ещё тлели.

⁶⁸новь, раскорчёванное место, лесная поляна или часть поля, расчищенная для земледелия.

Вещун обошёл часть поселения и опустился в остывавший пепел, борясь с искушением перебраться через прокопчённый, поваленный забор и порыться в том, что осталось после пожарища. Смущало только, что никто больше этим не занят: не воют погорельцы, не рыщут, не ворочают сгоревшее добро уцелевшие, не скулят псы, даже воронья не видать. Неужели никто не успел выбраться из охваченного огнём села?

Следов Мирко особенно не искал, а, тем не менее, отстранённо заметил, как вытоптана кургузая ляда.

– Я хочу выжить, – уже не слишком уверенно, бесцветно пробормотал под нос мальчик, чувствуя, как заваливается навзничь, и подтянул колени к животу. – Я хочу... Судьба-Куделя, защити... матушка.

Балий из соседнего хутора не так, чтобы сильно преувеличил. И Алянка, летами умудрённая, суеверия свои к месту поминала. Потому что на дороге, вившейся промеж сгоревшей городни да лядины, показался верховой. И по посадке да выправке судя, не халоп-челядинец, меринка заседлавший, а всамделишный всадник.

Мирко тихо заскулил.

Всадников, тем паче, благородных, на высоких сёдлах да с оружием, стоило опасаться, пожалуй, не меньше клятой памжи. А этот ещё и гнедка своего, подъезжая, придержал, объехал скорчившегося в грязи мальчонку кругом, едва не топча. Окликнул.

Мирко сжался в клубок, чувствуя, как подаётся под могучими копытами стынущая зола, вдыхая облачка взвивавшейся сажи. Верховой спрыгнул с седла, потыкал мальчугана носком смазного сапожища. Опустился на корточки.

– Живой, что ли? Слышь! – Мирко снова заскулил. – Местный, Паданский? Эй? – Конный ответа так и не дождался, сердито сплюнул на дорогу, ухватил за шиворот и без видимых усилий закинул поперёк седла. – Разберёмся, – постановил он сквозь зубы.

Разглядеть непонятого доброхота – да и доброхота ли? – «вещун» не пытался. Только щёлкал зубами и плакал, чувствуя, как врезается в разодранный бок жёсткая лука. Верховой что-то напевал. А дальше вдоль дороги, сменяя сгоревший частокол страшным подобием, за селом уходил в поле ряд свежеструганных колов. И почерневших, изуродованных тел, причудливо на те колья нанизанных...

Стылый, въедливый сквозняк тербил выцветшие гобелены, скрёбся мышинными стаями по углам, перегонял скудную пыль, породённую шелушащимися стенами. Свечи почти прогорели – снулые челядники снимали жирный нагар, те подновляя. С бесшумной вкрадчивостью сменялась стража.

Адалин легкомысленной походочкой записного вельможи вывернул из-за угла и небрежно оглянулся. Замер, согнал с податливой физиономии беззаботное выражение. Из затённого арочного проёма, со Спутником забавляясь, пока-

зался паскудно усмежавшийся Эльзонт. Искра сновал по хозяину вёрткой молнией, то и дело смешно вздыбливался и мелодично пощёлкивал.

– Хорош ты... спать, – Сполах оглядел принаряженного знакомца и выразительно фыркнул.

Фладэрик в ответ изъязвил ухмылку и покивал. Кафтан Упырь бросил наопашь⁶⁹, недошнурованный ворот парадной туники и стянуть забыл.

– Живописно смотришься, – оценил белёсый Тегейриан, ласково поглаживая шелковистую холку зверька. Ласка устремила на хозяина пронизательный взор, замерла на плече чутким столбиком.

– Как же, – фыркнул Адалин. – Побрился ради такого случая.

– Красавец, – насмешливо похвалил динстманн. – Утешил дивнооую? Госпожа, я полагаю, в восторге? – Упырь поморщился, но смолчал. – Я уж думал, не дождусь тебя, – продолжал ёрничать Эльзонт.

– Дождлся, – Адалин скривился с намёком на улыбку. Судя по глумливому оскалу коронного чароплётa, Эльзонт без труда угадал мысли дружка. – С чем и поздравляю.

– Где Позёмьш? – Сполах вскинул хрустальную бровь и спрятал Искру, возмущённого внезапным самоуправством, за пазуху.

В простом кожаном дублете и самодельном поясе из кар-

⁶⁹ На одно плечо.

манов и петель смотрелся Тегейриан не менее занимательно, чем растрёпанный прелагатай. Адалин пожал плечами и свернул в затенённый лаз.

– Шныряет где-то возле казарменных кухонь, по погребам.

– Запасы разоряет, – с одобрением протянул чародей. – Чудо-зверь, – и без всякого перехода вытащил из-под дублета увесистую, сшитую грубой бечевой и перекрученную стопку замусоленных листов. – Откопал я записи свои... *того* времени. Тут подробные описания. Так что наслаждайся...

Фладэрик оценил габариты «наслаждений» и присвистнул.

– А ты, оказывается, тот ещё сказочник. Целая гримория⁷⁰.

– Гримории – это по твоей части, – осклабился Эльзант.

В полумраке его перламутровое, костистое лицо светилось мрачным предзнаменованием. Адалин рассеянно покивал, благополучно упихал манускрипт под тунику и на измождённого чародея поглядел с непрошенным беспокойством. Сполох насмешливо ломал прозрачные брови, покачивал бесцветной головой и взгляда того будто бы не замечал.

⁷⁰ Гримуар или гримория – книга, описывающая ритуалы и заклинания для вызова неких сверхъестественных помощников (и помощниц), или содержащая иные колдовские рецепты.

– Хоть бы рассказал чего, поделился, – заметил он невзначай.

– По поводу? – легко согласился Упырь.

Любопытство чароплётца его не шибко удивило. Тегейриан слишком ловко и проворно соображал, дабы не задаться соответствующим вопросом. К тому же, неосвещённый, пыльный, что божница в губной избе, полого спускавшийся вниз кут весьма располагал к подобным разговорам.

– Своих предположений, – чародей хитро прищурил мерцавшие загробной синевой зенки. – Думаешь, я не в курсе, что ты там в библиотеках старых изучал, о чём западных посвящённых да шаманов степных допытывал? А теперь ещё это.

– Ну, – философски пожал плечами Адалин и паскудно ухмыльнулся. – Раз в курсе, сам, полагаю, догадаешься. Что запад, что восток – в этом вопросе они солидарны.

– Выходит, одного мира любомудрам державным мало сделалось? – ожидаемо проницательно предположил Тегейриан.

Положенного трепета динстманн не обнаружил, но и лукавое ехидство придержал. Адалин не спешил реагировать. Задумчиво взгляделся в тяжеловесные потёмки коридора. Сполох сдавленно откашлялся – явно, стервец, терпел до последнего, о реакции чернявого памятуя, – утёрся рукавом, выцедил заковыристую брань. Прелогатай кивнул.

– Паскудство, – оценил Эльзант. – Может, сказать Корн-

флиду? Или кому иному из Круга?

– Не надо, – в голосе Упыря убеждённость мешалась пополам с издёвкой. И Тегейриан вопросительно хмыкнул, предполагая некие объяснения. Фладэрик надменно прищёлкнул языком. – Если Гельхард до сих пор не в курсе, значит... не его сукна епанча.

– А если в курсе?

– А если в курсе, Сполох, – мрачно улыбнулся Адалин и смерил поскверневшего лицом динстманна долгим, выразительным взглядом, – лестницы у вас в Башне уж больно опасные. Того и гляди, сверзится кто, костей не соберёт.

Чародей насупился и неодобрительно потёр межбровье:

– Не знаю... Расточительно. Корнфлид – сильный чародей. Один из сильнейших. Лучше бы уговорить.

– Ну, попробуй, пощупай, – после краткого раздумья согласился Фладэрик и на миг задержался перед низкой дверью, замыкавшей ход. – Только последствия наперёд... просчитай.

Эльзант понятливо кивнул и первым скользнул за бесшумно отворившуюся створку. Адалин оглядел мрачный лаз позади, вздохнул, помянул древних зодчих и нынешних нерадивых хозяев: пыль чуть не на зубах скрипела. Да и сквозняки гуляли непотребные. Исполинская громада Розы впечатляла: снаружи – неприступной мощью и нарядностью, изнутри – на глазах ветшавшей, дряхлой неповоротливостью. Ещё одна иллюзия, пожирившая сама себя.

В изъеденных древней ворожкой стенах заступом и долотом орудовало время и пренебреженье. Коронный замок незаметно и неостановимо умирал под звук тимпанов, лютней, домбр и шелест платьев.

Глава 2. Тварь Равнсварт

С чародеем, напоминавшим призрака замковых катакомб куда больше реальных умертвий, Упырь расстался на одной из стен. И, в надежде освежиться, прогулялся вдоль по боевому ходу. Разглядывал из-за массивных зубцов окрестности: казарменный двор с прилегающими территориями, галереями, мощенными фигурной, пёстрой черепицей, приземистыми хозяйственными постройками и деревянными сооружениями неопределённого назначения. Ожидаемого успокоения зрелище не принесло.

Забрались сюда подданные по старой памяти, а не из необходимой предусмотрительности.

Живописный до колик, студёный северный рассвет к прогулкам не располагал, стражников, лихоманку над пряслами карауливших, разогнал по башенным укрытиям, а работающую дворню вынудил к чрезмерной расторопности. Даже в выстывших за ночь коридорах лишь духи неприкаянные шарахались.

Тегейриан, по обыкновению, язвил и насмешничал, чем старательно, но малопродуктивно изображал бодрое самочувствие. Фладэрик быстро манёвр раскусил и безапелляционно прогнал неудавшегося лицедея обратно «к ретортам». А теперь, всё больше мрачняя, дивился внезапному затишью, охватившему замок: ни собак, ни птиц, ни лошадей, ни

дворни... Казалось, даже крысы в подвалах затаились.

Разговор оставил двойное впечатление, зато потеснил из памяти образы минувшей ночи, исподволь, погань такая, выворачивавшиеся лукавыми посулами.

Несравненная повелительница Каменной Розы, дивно-окая Айрин, не только спектакли толково разыгрывала и птице-ящеров кормила. Адалин отдал должное коварному таланту и постарался из головы воспоминания побыстрее выкинуть. Облокотился о вылизанную беспощадными горными ветрами, отполированную до блеска кладку бруствера и долго смотрел на лиловые в хрустально-звонком рассветном серебре сосны, что вальяжно скрипели за акведуком, на алую стремнину Олвадарани, так напоминавшую след от сабли, на далёкие башни, отсюда смахивавшие на изящную бутафорию, резные фигурки для детских забав.

Милэдон, Стимбор, Латарэт, Корсвиц, Дормэрсет, Амитгард, Стрэлэнд, Гвердэн, Таридон, Валдэн, Орэндаиль, Кердзэн.

Что останется от богатых, укреплённых доменов? Что осталось от Гвердэн, лежавшего в тридцати верстах к северо-западу? Белокаменный кружевной остов, брошенная обомшелая голубятня, зачарованная руина из страшной сказки, поросшая терновником и плющом. Что осталось от замка Кердзэнов? Обгорелый костяк. Проклятая пустошь, обходимая даже ветрами. И сколько таких ещё? Мрачных пропешин, гниющих язв. Долина Олвадарани безнадежно больна.

И хворь эта пострашнее любых восточных напастей.

Упырь скрипнул клыками. Ясные, прозрачно-синие, цвета аквамарина и ляпис-лазури, небеса будто издевались. Рассветные перламутры уступали более насыщенным, хоть и приглушённым в здешних краях, оттенкам погожего дня. Таковыми темпами, к Остре-Заре⁷¹ совсем развиднеется, а может, и потеплеет. Чего в кветень⁷² тут отродясь не бывало.

– Хоть изредка даже тебе не помешало бы спать.

Фладэрик крепко призадумался и, к собственной досаде, с опозданием заметил одинокого гостя, предусмотрительно закутанного в корзень⁷³. Только когда оный тактично покашлял и сакраментальное наблюдение под боком озвучил. Несмотря на явно неуставной час, выглядел Эзрель строго. Даже респектабельно, во многом благодаря роскошной меховой опушке из чернобурки.

При известном прозвище Советника выбор показался Адалину забавным. Упырь даже посмаковал идейку ободрать соплеменника на воротник. Некоторые кафтанами из человечесьей кожи не брезгают, дурно выделанными скальпами обвешиваются, зубами и иными мелкими, легко отделимыми подробностями вражеской, а то и дружеской анатомии

⁷¹ Один из семи основных праздников традиционного календаря, отмечающий день весеннего равноденствия. Обозначал пробуждение природы. Посвящен, соответственно, Остре-Заре.

⁷² Апрель

⁷³ Корзно. Мантия знати. Накидывается на кафтан, застегивается на правом плече фибулой. Плащ с меховой опушкой.

не пренебрегают. Остроумный, практичный подход. И декор занимательный, и перекус какой-никакой. Упырь подивился придури усталого рассудка, потёр переносицу и бредни отогнал.

Лишь затем Адалин в меру почтительно поклонился:

– Мессир Гуинхаррэн. Полагаю, это справедливо для нас обоих.

– Воистину, – Корсак туже запахнулся в корзень. – Перейдём к делу. А то, знаешь, красотами здешними по нынешней поре не шибко сподручно любоваться: того и гляди застудишься, кашлять начнешь...

Фладэрик на Советника глянул чуть пристальнее и невольно фыркнул.

– Блодвэна за мной послал?

– Какое там, – отмахнулся Гуинхаррэн. – Себе дороже. Уж больно ты ловок. Случайно я твоего дружка углядел. Приметный он. К тому же, Шуйца при Стяге.

В такие случайности прелagатай не верил, но покладисто изобразил малахольную наивность и покивал. Эзра, ёжась, вновь подтянул богатый корзень.

– Волей-неволей за такими приглядываешь, – добавил он негромко.

Выходит, Блодвэна приставили к Эльзанту.

Адалин молча устремил взгляд над сизыми сосновыми шапками и островерхими макушками ёлок за Эреттурн, навстречу медленно восходившему в палевой дымке солнцу.

Советник привычно щурил продолговатые, хитрые глаза и тоже наблюдал.

– Зачем ты... прикрываешь меня, Эзрель?

Обыкновенно не слишком ласковый, низкий и хриплый, что звук смалывавших зерно жерновов, голос прелагата сделался особенно угрюм. И вызывал теперь ассоциации с разбуженными медведями. Гуинхаррэн усмехнулся без тени веселья на лисьей физиономии.

– Я всё объяснил. Ты талантлив и полезен долине.

– Чушь. А впрочем, ляд с тобой, – Упырь обернулся. – На тебя донесли. Канцлер уже отписался Её Величеству. Жди нарочных.

В лице Советник не переменялся. Разве характерный прищур стал жёстче.

– Надеюсь, у тебя высокий болевой порог, – заметил Адалин.

– Весьма любезно с твоей стороны, благодарю, – не дрогнув, галантно поклонился Эзрель. – Предупреждение запоздало. О слухах мне доносили давно. Полагаю, место моё долго пустовать не будет?

– Понятия не имею, – чуть не брезгливо дёрнул плечами старший Адалин. – Я собираюсь... покинуть Олвадарани.

– Ничего не знаю и знать не хочу, – откликнулся Эзрель с занятой поспешностью. И ухмыльнулся, покивав. – Да, мой болевой порог много уступает твоему. Спыток могу и не выдержать.

– На то они и спытки. – Фладэрик вернулся к рассеянному любованию пейзажем, уже наливавшимся дневными соками.

В казарме прогремела первая побудка.

На хозяйственном дворе откликнулась изобильная замковая живность, засновала поднятая с могильников Голоземья обслуживавшая её сдыхоть. Ясновельможная братия мало интересовалась жизнью слуг. Хозяйственная возня их не занимала. Как, впрочем, и многое другое.

Адалин напряжённо потёр зажившую, наконец, бровь и сосредоточенно пересчитал мгристо-бурые ёлки.

– Что, даже не спросишь про мой план? – насмешливо уточнил Корсак.

Упырь с непроницаемым видом покосился на рыже-бусого Советника и пожал плечами.

– Полагаю, он существует.

Эзра, всё так же иронично щурясь, с вивисекторским любопытством пялился в ответ.

– А мессир Советник достаточно проницателен, дабы сохранить его при себе, – заключил Адалин и растянул губы в холодной улыбке, мало напоминавшей любезную.

Неизвестно чем позабавленный Гуинхаррэн живо покинул:

– О, да, мессир Советник достаточно проницателен. И заметь, он даже не просит подробностей.

Фладэрик поморщился, изобразил досадливое непонимание, которого Эзра, видимо, ожидал. Корсак потрянул пепель-

но-рыжей шевелюрой. Узкие, тёмные щели глаз не смеялись.

– Донос. Ты, я полагаю, прочёл его, пока обследовал покои Её Величества.

Упырь легко поклонился, отчего въедливая ухмылочка командира сделалась ещё ехидней. Лицо источало скабрёзность, будто свежие соты – мёд.

– Как тебе это удаётся? – спросил Эзра почти с восхищением.

– Она довольно легкомысленна в некотором отношении.

Ветер рассеянно чесал хвойные шапки могучего королевского бора, ёлки дремотно раскачивались под пальцами-сквозняками, шуршали скрипучими стволами пушистые сосны. Над чашей, блестя конопатой черепицей, едва различимые зыбкими лучинами-росчерками, высверкивали кровли башен, шпили и флюгера.

Эзрэль расхохотался.

Упырь едва поборол желание смазать соплеменнику по физиономии и удивлённо обернулся. Но хитро блестящие зенки Советника смотрели с неподдельным восхищением. Гуинхаррэн, слегка откачнувшись, демонстративно разглядывал прелаягая и мину корчил красноречивую. Фладэрик высокомерно вздёрнул подбородок.

– О, нет-нет! – бравадно воздел ладони Советник. – Не надо испепелять меня взглядом. Я совсем не это имел в виду.

Язвительное покаяние насквозь проросло издёвкой. Но Упыря отчего-то проворно охладило. Адалин лишь скривил

губы и машинально положил ладонь на пояс, запоздало констатируя отсутствие сабли. Эзра характерный жест приметил и фыркнул.

– Воистину, доблестный муж, краса и гордость. Вопрос только, чего, – интонация неуволимо переменялась.

Советник запрокинул голову, любуясь кружившими в поднебесье созданиями. Возможно, отпущенными на охоту обитателями птичника. Или исчадиями чародейского зверинца. Что, само собой, не сулило добра легкомысленным и легковооруженным зевакам.

– Я говорил не про кабинет, Адалин, – пояснил почти с тоской подданный. – Даже не про высочайшее внимание и милости. Страсть Её Величества, которую ты так ловко подогреваешь, объясни. – Фладэрик скрипнул клыками, но предпочёл не прерывать. А Эзрэль, прозрачными облаками налюбовавшись, взглянул на преллагатая крайне серьёзно. С настораживающей искренностью, обыкновенно чуждой его сухощавому лицу. – Меня завораживает другое. Ты – старший сын Тайдэрика, по праву рождения наследник Адалина. Благородный. Достойного рода и блестящего воспитания, гвардеец Стяга, Высший. Не отпрыск каких-то местечковых хозяйчиков, запаршивевших ленников или обнищавших динстманнов. Не какой-нибудь Блодвэн, Гартэм, Тэрглофф, даже Гуинхаррэн... – Корсак невесело осклабился. – Как ты стал этим?

– «Ублюдской тварью» Её Величества? – Упырь оскалил-

ся, подставил сведённые судорогой скулы пропахшему металлу и сырым гранитом сквозняку. Снизу, со двора, тянуло подвальной сыростью, скисавшим вином, прелым сеном и навозом, но ветер нёс с гор иные ароматы. – Так на твоих глазах всё было.

– И то верно, – кивнул Советник. – Только это лишь первая часть моего вопроса. Речь о другом. Как ты сумел... пересилить клятву? Обет гоминиума – не просто блажь, игрушка впавших в маразм Магистров, – рассуждая, Эзрель всё качал головой и устало разглядывал плиты могучей кладки, зубцы и скосы бойниц. Как будто избегал смотреть на мрачно сощурившегося соплеменника. Адалин тоже вернулся к натурным наблюдениям. – Эту клятву нельзя нарушить, во всяком случае, без последствий. Что бы там ни пел Тэрглофф в своих наветах. Никто, даже твои юношеские дружки-заговорщики, не смогли перешагнуть через неё. Именно так разоблачили «кружок Кердзэна».

Адалин незаметно перевёл дыхание. Эзрель неспроста помянул кружок.

Обет гоминиума, нерушимая клятва верности, что колдовским клеймом ложилась на присягнувших и защищала Чёрный Трон. Присягали так или иначе все. И недовольные потом проворно попадались. Но вечные подозрения канцлера Двора, пытки и поиски злоумышленников не давали Упырю покоя. По всему выходило, венценосной есть, чего опасаться, вопреки молве.

– Однажды поклявшийся в верности, прошедший ритуал и принявший на себя знак монаршей милости – не в силах противиться. Как бы отчаянно ни ненавидел. Обычно, – по-временив, добавил Эзра, всё ещё надеясь на ответ.

Упырь не реагировал долго, будто вовсе окаменел. Но в лице Второго Советника он обрёл «собеседника» достойного. По субъективному мнению самого Фладэрика, достойного, как минимум, личного болта в грудь. Потому, в конце концов, пришлось повернуться. И осчастливить:

– Отчего мессир Гуинхаррэн так уверен, что я сумел?

– Но, – заметно опешил тот. Аж полы корзня, тотчас ветром подхваченные, выпустил. – Разве... На что ты тогда вообще надеешься? Это самоубийство?

– Самоубийство – это королевские шалости и вельможные бредни, – отрезал Адалин.

– И ты позволишь Радэрику пройти посвящение и гоминиум? – Настолько непритворно ошарашенным Советника видали немногие.

Почти польщённый, Адалин лишь пожал плечами:

– Я – верный слуга дивноокой. Зачем мне нарушать гоминиум? Или препятствовать... отроку в кудрях.

Несмотря на подкупающую убеждённость, ушлый Корсак, скорее всего, не поверил. А Фладэрик поленился усердствовать. От недосыпа. И неожиданно впал в настроение дремуче тягостное, под стать ёлкам. Почему, обнаружив в пала-

тах по возвращении прикорнувшее на сундуках елейно-шёлковое чудо, свернувшееся уютным калачиком и трогательно подпирившее ладонью щёку, откровенно рассердился.

Брат застенчиво укрылся вышитым кафтаном и сладко, до обидного беззащитно, спал.

Упырь, брезгливо сбросивший свой ещё на пороге, постоял над отроком. Каштановые кудри милосердно прикрывали нежное лицо. Фладэрик протянул ладонь, но, так и не коснувшись, отдёргнул руку, устало щипнул себя за переносицу и отвернулся. Дивное творение студармских менторов, возвращенное на сонетах, альбах⁷⁴, бесконечных ле⁷⁵ и рыцарском самодурстве, не заслуживало грядущих бед. Старший Адалин всё тёр немевшую от усталости физиономию и бессознательно опустил на пол подле сундука. Привалился спиной, развлечения ради припомнил наиболее занимательные сюжеты – фаблию, кочевавшие по городам да весям вдоль Окуня. Про Благородного – или какого-то еще, возможно, Слепого или Покалеченного за правое лево – Барсука. Премудрую Выпь и Бодрую Ондатру. А то и Подпaska смекалистого, вместо господских коров мавок похотливых на выгоне собиравшего. Чем не развлечение? Сейран той дичью много

⁷⁴ (окс. alba, фр. aube, aubade «заря», нем. Tagelied «песня на заре», «утренняя песня») – жанр средневековой лирики, трубадуров. Тайное свидание рыцаря с женой сеньора.

⁷⁵ яркое выражение куртуазного стиля в новеллистической продукции средневековья, фантастическая «новелла настроений», переносящая действие в неведомые экзотические страны

вдохновлялся, когда вирши скабрёзные сочинял...

Над Мрачными Холмами разверстой пастью исполинского дракона багровел и наливался пурпуром закат. Густой и жуткий, как похлёбка людоеда. Точно зарево огромного пожара, исхлеставшее зарницами вересковую пустошь. Голоземье купалось в солнечной крови, отчаянно скреблось иссохшими стеблями, затканное ржавым мхом и бурым очеретом. Вечерние Холмы заворачивали опасным, злым великолепием, но это не походило ни на один, даже самый лютый, морок.

Гангреной лиловевший небосклон цедил багряную сукровицу. А из земли, кроша желтушный сухостой, ломко дыбились нескладные, болезненные тени. Чёрные и несуразные, как верёвочные куклы в пальцах хмельного потешника. Курганы Голоземья, некогда щедро засеянные мертвецами, принесли богатую паразить. Но толком разглядеть те «всходы» Фладэрик не успел. Что-то ужасило его промеж лопаток.

Упырь пошатнулся от толчка, опустил взгляд, скорее удивлённый: спереди, чуть влево от грудины, пророс какой-то бурый шип, блестящий и влажный. Адалин моргнул, опознав наконечник. И обернулся с ленивым равнодушием, даже не пытаясь обломить или вытащить предательский снаряд. Судлицу ⁷⁶? Плюмбату ⁷⁷? Самодельный дрот?

⁷⁶ Метательное копьё, по размеру меньше копья, но больше, чем стрела для лука. Судлицы имели самые разнообразные формы – листовидные и в виде ромба.

⁷⁷ Метательное оружие: короткий дротик, утяжелённый свинцовым грузилом.

Странно, Фладэрик совсем не озаботился закономерными последствиями ранения. К примеру, неминуемой и мгновенной смертью.

Завидная верность руки метателя, угловидшего аккурат в сердце, впечатляла. Как и отстранённое любопытство, с которым оседавший в цепкие колючки Адалин высматривал врага.

Девушка шла через пыльную пустошь, озаряемая жуткими рдяными сполохами. Белокожая, растрёпанная, как кешалия⁷⁸ или русалка. Плотнo сжав вишнёвые губы, сладкие даже на вид. Зыбко-лазурное платье туманом вилось над иссушенной землёй. А чёрные, нескладные твари окружали тесным кругом.

В воздухе вновь зажурчала тихая и скорбная свирель.

Фладэрик упал на колени. Он всё не мог рассмотреть бледного лица, ясного и неуловимого одновременно. Жуткая девка приблизилась вплотную, подобрала невесомый подол и с обжигающим, жестоким равнодушием толкнула предлагающая в грудь носком сафьянового сапожка. Судлица злорадно серебрилась в потёках чёрной крови и продвинулась едва не на аршин, скобля обломки рёбер.

Адалин опрокинулся на спину, вцепился костенеющими пальцами в осклизлое древко, взгляделся, почти узнавая: растрёпанные волосы полоскал ядовитый ветер Голоземья, бледное лицо купали страшные зарницы. Винноцветные,

⁷⁸ прекрасные горные девы, дочери царя туманов

стиснутые губы не шевелились.

«Летавица!»

Дивный кошмар.

Глава 3. Мессир Валдэн

Рывком проснувшись, Адалин сморщился от боли, всё колотившейся о рёбра свихнувшимся воробьём. И сообразил оглядеться, лишь отдышавшись. Проспал Упырь совсем недолго. Радэрик по-прежнему уютно посапывал над ухом. Позёмьш уже тишком вернулся с подвального разбоя, сытый и довольный, но под боком едва угнездилился.

Фладэрик припрятал за пазуху разьевшегося и оттого ленивого горностая, выругался под нос и нехотя поднялся на ноги. Мерзкое видение ещё тлело где-то у границ рассудка. А место на груди, куда ткнулся сапужок, ныло и болело, будто и не намороченное вовсе.

Вот уж летавицы сонные его ещё не пинали.

Упырь усмехнулся и тихо ушёл, оставив братишку досматривать куда более воодушевляющие грёзы. Вздохмаченная девка в голубом среди полыхавшего, наводнённого навьем Голоземья – привидится ж такое. Ещё и с трезвых глаз.

В углу, похвально неприметная, бедным, заголодавшим родственником, шуршала в пыльной прелой и даже на вид липкой соломе одинокая мышь. Догрызала замызганные циновки, так и не сменившиеся весенним камышом.

Прежде подобного не случалось.

При суровом Милэдоне, что порядок с дисциплиной на-

перёд всего пестовал и за Постом надзирал с рачительностью записного феодала, ключник бы костями лёг – возможно, буквально, – а беспорядка не допустил.

Сейран вроде как отвечал лишь за свою обожаемую, вылизанную и выдрессированную на зависть всем придворным псарям и конюхам Прихоть, но на деле речистый Командир почитался главным на всём протяжении от Клыка до самого Стилета.

Валдэн не возражал.

Калёное порождение солдатской муштры с житейской домовитостью при необходимости и навалить могло, и высмеять. А то и невзначай, по-отечески отпотчевать затрещиной. Гарнизон суровое начальство не то чтобы любил, но уважал и боялся. На вкус скептического Астаза, что в чувства и сохранность оных не шибко верил, так даже лучше.

Былые, как водится, славные, потому как подзабытые деньки за чаркой мрачно поминая, Смотрящий Стилета пощипывал краюху очерствелой ковриги, обминал и украдкой в угол пошвыривал.

Примеченная мышь сперва под обстрелом ошалела, но проворно сориентировалась. И теперь изничтожала ниспосланное лакомство. Астаз, угрюмо ухмыляясь, давился той кислятиной, что по некоему чудовищному стечению обстоятельств у косоглазого Йермоша, властвовавшего в погребах, почиталось «смородиновым вином» и выдавалось в виде знака чрезвычайного расположения, тайком и скаречно, точно

почётная реликвия.

Почёта того Астаз до сих пор не распробовал. Но попыток мужественно не оставлял.

Кордегардия перед глазами плыла и туманилась. Щедро политая, пятнистая доска, положенная на козлы, кренилась, а оружейные стойки с грубыми нарами уже вовсю затевались плясать бранль. Валдэн тяжело навалился на грубую столешницу и обозрел сводчатый каменный мешок с вмурованными в глухие стены факельными кольцами и скобами неведомого назначения. Астаз подавил отрыжку – закономерную реакцию организма на сомнительные архитектурные изыски.

Стилет, скальная крепость, выстуженный каменный муравейник, изначально враждебный таким понятиям, как свежий воздух и естественное освещение, по зрелом размышлении, изумительно подходил для отчаяния, пьянства, чахотки и, возможно, самоистязаний в качестве развлечения. А ещё тут можно было разводиться мышей. Или крыс. Хотя последние благоразумно сбегали – скопидомный Йермош, не будь дурак, потравой умашал каждую пядь подведомственных угодий, а порой, увлѣкшись, и в солонину, стервец, подкладывал для аромата.

Мышь в углу затихла. Приглядевшись, Астаз понял, что сбегать горазды все хвостатые.

– Я назвал бы тебя... как-нибудь, – буркнул в пустоту Валдэн и напряг крепкие плечи. – А ты... курва!

Залпом проглотил отчаянно-кислую дрянь, залихватски

отмахнул чаркой об стену и попробовал сочинить дальнейшие занятия на день.

Насладиться одиночеством вдосталь не получилось: дощатая, широкими полосами проклёпанного металла оправленная и заметно по полу уже скрежещущая створка натужно растворилась, пустила рдяные разблески плясать по оружейной свалке и настенным железякам. В образовавшуюся щель робко протиснулся один из гарнизонных.

– Астаз... тут... того... из Розы нарочные... и Ланброк!

– Кто? – Валдэн помотал всклокоченной башкой, грозно зыркнул на осовевшего с перепугу подчинённого.

Гарнизонный – какой-то свежий хлыщ из последней партии, – боязливо косился на сторону, пантомимой пытаюсь описать нечто несусветное. Смотрящий брезгливо сплюнул и поднялся на ноги, упершись обеими руками в предательски шаткий стол. Догадываться пришлось самостоятельно и проворно, поскольку хлыщ, пока безымянный, но всерьёз намеренный утвердиться на позиции Лупоглазого Пугала, усердно пятнал и без того прискорбно пёструю честь свежих лычек.

Блеснув фамильной сообразительностью, Валдэн недобро выскалился:

– Ах, Ланброк! Командование пожаловало... Ну-ну.

Кордегардия продолжала исправно придуриваться и слегка накренилась. Лупоглазый проворно откачнулся в сторону, вытянулся во фронт. Уступил означенному «командова-

нию» дорогу.

Нынешний командир Прихоти, смазливая мерзопакость без тени совести в бледно-серых, цвета измороси на стене глазах, прозывалась Элейасом. Происходил он из семьи Ланброкков, мелких ленников Амитгард, и выглядел, мягко говоря, несуразно. Чего стоили подвитые на железках волосья и тщательно выстриженные бакенбарды.

Астаз мрачно провёл пятернёй по колючей, липковатой от вина щеке и исподлобья воззрился на объявившееся в тревожном факельном мерцании лощёное чудище. Он уже предвкушал, и даже не без злорадного удовольствия, неминуемую выволочку.

Юный командирчик напоминал кокетливо посиневшее умертвие, принаряженное безутешной роднёй в щегольской кафтан.

Сероглазая прелесть скрипнула челюстями:

– Я требую объяснений!

Валдэн окинул всю компанию тягучим и далеко не ласковым взором. За спиной разгневанного командирчика наблюдалась оказия поплоче. Астаз и без посторонней помощи признал. Но нарочные, в отличие от самонадеянного недоросля-карьериста, издержками этикета пренебрегать не любили. Тактично кашлянув, старший сделал выверенный полшаг вперед и склонил угловатую, русую башку:

– Мессир Валдэн, я Хизель Родмунд, нарочный при особе Канцлера Двора, мессира Тэрглоффа.

Второй, молодежавый, опрятный и деревянный, отрывисто дёрнулся – кивнул на свой лад:

– Астор Тэрглофф.

Ещё один счастливый отпрыск «благословенного семейства».

Смотрящий ослабилась, под рёбрами опасно щекотало – все его приключения начинались с этой паскудной щекотки. Будто свербело чего, подзуживало к очередному безрассудству, будь то пьяный дебош, неосторожное высказывание или непрошенная откровенность.

– Что ж, милости просим, – всё скалясь, повёл гудящей башкой Астаз. – Могу предложить вина... дрянного, правда, но уж что есть. А на обед сегодня... что на обед, э-э-э... дружище? Луковая похлебка и горох? Или репа?

Лупоглазый «дружище» ошалело – и предсказуемо – вытаращился на свихнувшегося соплеменника и перестал дышать вовсе. У хорошенького Ланброка отвисла челюсть.

– Мессир Валдэн весьма любезен, – ласковым тоном, приберегаемым для особо коварных нарушителей, провещал холёный отпрыск и наклонил полировано неподвижную морду к плечу. – Зазорно пренебречь столь щедрым предложением. Мы с радостью разделим с вами луковую похлёбку и... горох?

– Репу, – проблеял из угла побелевший гарнизонный. – Со строганиной и грибами.

– Тем лучше, – кивнул со стылой улыбочкой назвавшийся

Родмундом.

– Угу, отменное сочетание, – мрачно пошутил не больно вдохновлённый очередными изысками падкого на всякую кулинарную придурь стряпки, лишь по случайности не ставшего пока отравителем, Астаз.

Репа хотя бы прикидывалась безобидной. А вот грибы в списке ингредиентов сразу настораживали. Особенно местные, Йермошем в подполе выращиваемые, традиционно бледные и подозрительно нарядные, при собственных пелеринках. Славное подспорье для удачного синтеза вполне сносных ядов. Видать, на той почве умельцы и сдружились. Один сырьё поставлял, второй – крысиное лакомство. Валдэн вовремя оборвал буйно заколосившуюся фантазию, украдкой озирая улыбчивых гостей.

– Если хотите разделить ещё и здешние нужники, – закончил он почти всерьёз.

– Мессир весьма остроумен, – тошнотворно сладко проворковал младшенький Тэрглофф. Обледенелого выражения алебастровой физиономии он будто вовсе не менял. Семейные зенки источали стужу и грозили несварением ничуть не меньше грядущей трапезы. – Достойный сын благородного Дизельма.

– На деле или по бумагам? – уточнил всё же перебравший Астаз и скверно ухмыльнулся. – А то на деле пёс его знает, с кем там моя возлюбленная матушка путалась, а?

Гарнизонный медленно влип в стенку. Ошарашенный

Ланброк, воплощение великосветской оторопи, тоже попятился. Смотрящий ни на миг не усомнился в осведомлённости лощёного командирчика по части паскудных сплетен, порхавших при дворе. К вящему удовольствию, не беспочвенных. Слишком уж детишки от папеньки отличались, игнорируя приметные черты семейства Валдэн. За исключением самого старшего, тем не опасённого: благородный родитель от отпрыска благополучно открестился, когда Канцелярия того в измене уличила и в Башни сосватала.

Астаз разухабисто беспечного Годэвана припомнил и окончательно озлился. Брата он родителю так и не простил. Да и родителю ли?

Русоволосый Хизель лишь изогнул тонкие губы в усмешке, густые брови сардонически наморщил. Чуть менее закалённый в силу возраста и происхождения Астор поперхнулся, уставился на командира придавленной колесом жабой:

– Мессир в себе? – обескураженность изрядно шла его вытянутой, постной мордашке. Выгодно отличалась на фоне привычной деревянности.

– А в ком я сейчас, по-вашему? – хохотнул Валдэн. – Прощу к столу, коль... наведались. Или мне, что, уж собираться?

– О, нет, – первым вернул самообладание русый Родмунд и опустился на липкую скамью почти без видимой гадливости. – Мессир всё не так понял. Мы прибыли лишь для прояснения некоторых подробностей, так сказать, возвращения старшего Адалина.

Астаз нетрезво ухмылялся, кажется, лишь одной половиной окоченевшего лица и покосился на присмирившее Командование с плохо скрываемым сарказмом:

– Так то не ко мне вопрос, – ошастливил Валдэн и выразительно бухнулся обратно на захрипевшую разьежавшимися по соломе ножками скамью. – Вон... юность попробуйте!

Ланброк аж поперхнулся и отчаянно закашлял. «Дружище» окончательно и бесповоротно врос в стену, а теперь робко мигрировал к вожделенному косяку. Налюбовавшись вытянувшимися мордами соплеменников, Валдэн с невинным лукавством «поспешил» исправиться:

– В смысле, спрашивайте. Они там трепались сам-на-сам, пока я за охламонами студармскими завалы разгребал. Да и ремонтировал вашего Адалина кто-то из Прихоти. Я так, подобрал только.

– Да я... я... – прохрипел зримо позеленевший Элейас. – Да...

– С мессиром Ланброком мы побеседуем позже. – Любезная улыбка русого Хизеля навевала образы жизнерадостно поблескивавших во мраке застенка клещей. Командир испепелил Смотрящего ненавидящим взглядом – после озвученного обещания сконцентрироваться на предметах, так или иначе с шибеницей не связанных, удавалось не сразу, – и сполз на один из немногочисленных сундуков.

Какие-такие богатства крайне аскетичного, как покинутая пещера отшельника-каннибала, Стилета предполагалось

в них хранить, Астаз за годы службы так и не придумал. А потому держали в окованных железом монстрах то, что на виду оставлять казалось неуместным даже по местным меркам. Дабы оное наружу не выбралось и чего не вытворило.

Валдэн подозревал за изукрашенной резьбой крышкой зарождение новых форм жизни и суеверно не вмешивался. Предоставил потенциальным цивилизациям полную свободу самовыражения в выделенных рамках. А сидеть, и даже рядом останавливаться, избегал. Потому на злополучного командирчика покосился с некоторым злорадным любопытством. Впрочем, Астаз не сильно отвлекался от происходящего вокруг фарса. Ибо не вежливо... ну, и опасно. Деревянная физиономия Астора как раз сподобилась на гримасу чуть менее безобразную: отпрыск, видать, решил создать «дружелюбную, располагающую атмосферу», непонятно только, зачем он начал для этого улыбаться.

– Сейчас нас интересуют подробности «подбирания», – ласково оповестил младшенький канцлерёныш и обстоятельно сложил холёные, вожжей не пробовавшие лапки на занозистой поверхности стола.

Родмунд согласно кивнул:

– Как я понимаю, обстоятельства возвращения, так сказать, были несколько... неординарными.

– Как же! – кивнул Валдэн, мрачно размышляя, что разумнее предпринять.

Ничего предосудительного, если верить его нетвёрдой па-

мяти, в упомянутых обстоятельствах не просматривалось. Но уж коли речь зашла об этой чернявой холерине... пёс его знает. Астаз пожал плечами и машинально проморгался. Икоту после Йермошевой кислятины даже разыгрывать не пришлось. Дрянь едва не пузырилась, прожигала потроха и отзывалась в скулах ломотой.

– Эта погань меня покусала, – объявил, наконец, даже не погрешив против истины, Валдэн.

– Адалин? – откровенно изумился Астор.

Ланброк захлопал сизыми глазами и ошарашенно пошатнулся на засёдланном сундуке.

Будто бы припоминая, Валдэн почесал во всклокоченных вихрах:

– Да нет... Тварь его, хорёк этот бесноватый, Позёмьш, – и в доказательство сунул гостям наскоро замотанную, уже изгвазданную бурым повязку. – Лютая зверюга. Перепуганный, побитый, а жалит, змейство... Ещё и, как очухался, повадился, паскудина, мясо у Йермоша таскать. Этот косоглазый думал – крыса, ловушек на него понаставил. Да сам по темноте на них и напоролся. Бестолочь слепая. Хорошо, всего три дня у нас этот... Адалин «гостил».

Астаз решил слегка притормозить. Ложь, набирая обороты, делалась всё более нарочитой. Хотя в отношении фактов Смотрящий и не лукавил, излишне бравурно излагать в присутствии канцлеровых прихвостней без риска оказаться уличённым хоть в чём-нибудь не следовало даже собствен-

ное имя.

– Три? – тотчас «принюхался» Хизель.

Младший Тэрглофф тоже подобрался. Стойка Валдэна убедила окончательно: вампир пожал плечами и пьяно ухмыльнулся.

– Ну, вроде. Князь весть... а сегодня который день? Я тут слегка занят был. После «седмицы» в порядок приводил... э-э-э, всё, – Астаз порадовался удачно пойманной формулировке и малодушно придержал пояснения. Но на успех сильно не рассчитывал. Слишком уж ехидно и проницательно шурился младший Тэрглофф, гаденько кривил губы русский Родмунд.

– Не следил я за ним, в общем, – закончил смотрящий с нарочито хмельным видом.

– А напрасно, – назидательно отметил канцлерёныш.

Астаз скрипнул челюстями, чувствуя, как напрягается и без того зудевшая кожа вокруг глаз. Вообразить выражение не составило труда. Валдэн прекрасно знал, как бесит эта физиономия собеседников, особенно титулованных, вроде надменного папеньки или самодурствующего деда-советника. Или сих славных защитничков порядка со справедливостью, властью облечённых, но здравомыслия не удостоенных. В виду чуждости самого понятия как делу высочайшего надзора, так и самому ярому блюстителю, заправлявшему процессом.

Иначе чем объяснить лихую придурь, с которой изничто-

жался народ?

И неужели невдомёк улыбочивой паскудине, что рано или поздно надоест жителям долины кровавый балаган. Найдётся какой-нибудь очередной Кэрдзэн или Таридон. Да хотя бы тот же Фладэрик. Взбесится окончательно, пресытившись монаршими прелестями, плюнет на остатки фамильной гордости и устроит властям предержажим танцы с бубноплясками. Валдэн, к примеру, не погнушался бы. Ведь и непонятно толком, что его, Астаза, допрежь останавливало. Уж точно не пылкое и безответное жизнелюбие.

Смотрящий вперил потяжелевший, неожиданно прояснившийся от хмельной поволоки взгляд в липкую столешницу.

Ненависть и презрение к избирательной бесхребетности собственного нрава неизменно сводили на нет эффект исчадий Йермошевых погребов. И ладно бы последовательно бесхребетность эта проявлялась: сидел бы в поместье, олеиной потчевался, медки духмяные прихлёбывал, по охотам с егерями разъезжал, батюшкины вздохи да дедовы бредни смиренно слушал, матушке-лиходейке улыбался. Нет, куда там... Приспичило ведь.

– ...Мессир? – кажется, Хизель, гадость чуткая, взывал уже не в первый раз.

Астаз для порядка икнул и потряс головой. Изображал лёгкое одурение он старательно, но уже не столь убедительно. Нарочито бессмысленно хлопал зенками, будто боль-

шеглазого «дружище», под дверью с испугу костеневшего, невзначай пародировал.

– Аюшки?

– Возможно, нам следует несколько освежить вашу память? – с леденящей душу учтивостью промурлыкал Тэрглофф.

Ланброк окончательно сбледнул с лица верхом на обетованном сундуке. Родмунд согласно кивал, размеренно и величаво. К пробрезжившему аромату клещей принюхиваясь и дыбу предвкушая, Валдэн неожиданно для самого себя расхохотался:

– Да она, похоже, околела! Память моя. Вы как по части некромантии?

Глава 4. Хозяин рода

Мутное видение отдавало ржавым металлом и отпускать из липких лап так сразу не хотело. Старший Адалин удержал естественное желание схватиться за саблю, а то и наговором вслепую шарахнуть: в стылом мареве нетопленной, напоминавшей отшельнический застенок спальни отчаянно смердело притираниями. По комнате в самозабвенном упоении, достойном крепкой оплеухи, порхало некое создание, напоминавшее одну из Трясовиц.

Фладэрик приподнялся на локтях, сипло прокашлялся и запоздало сплюнул сердитое «сгинь, лихо». Замковые привидения отличались завидной общительностью. Но даже они себе подобного не позволяли. Эфемерная дрянь и на вид отличалась придурью, тут не одни манеры подкачали. Лиловая напасть бултыхала полупрозрачными шелками, стать имело истончённую, а волосы – неправдоподобно длинные, водорослями извивавшиеся вокруг блёклого черепа под гротескной короной. Тварь зашипела и потекла навстречу насмешливо оскалившемуся Упырю, у самой койки распавшись белым пеплом. Фладэрик стряхнул с груди ошмётки привидения и почти услышал, как хихикает в кряхтящей Башне клятый Эльзант.

Дурацкие шуточки Сполоха отличались записным сумасбродством. Но развлекали. Ведь чопорная, обледеневшая в

фанаберии Роза исправно наполняла сердце тягостной тоской.

Так что к брату старший Адалин вышел в самом благодушном настроении. Радэрик уже успел навернуть кружок по замку и принарядиться в новенькое, ещё более изощрённое платье, что отрока превращало в кружевное исчадие дамских грёз, осиянное изобильными мандрагоровыми эликсирами. А ещё младший приволок с собой какой-то свиток и, поджидая заспавшуюся родню на сундуке, уткнулся в оный носом. Основные подозрения вызывала вопиющая романтичность писанины, явно не случайно образовавшаяся при активном участии свечки, розовой воды и, возможно, наговоров. Все паскудные приметы любовной эпистолы сходились. Даже ленточка присутствовала.

– Здравствуй, Радэрик, – едва дрогнул углами рта Упырь и подошёл к окну. Тяжёлые рамы, подёрнутые изморосью, источали лютый холод. Старший Адалин тронул заиндевелое стекло: весна весной, а в долине ночами подмораживало. Нет, до Остры-Зари⁷⁹ поблажек ждать не приходилось. Как бы погода хвостом ни крутила, а студёные сквозняки пригоняли с Лунного Кряжа и из Сизоледья за горами потустороннюю стынь.

– Здравствуй! – серебряным колокольцем отозвался отрок, проворно свернул свиток и подобрался для броска наперерез.

⁷⁹ Праздник весеннего равноденствия.

Фладэрик предусмотрительно обернулся, но младший кидаться на шею брату, видимо, раздумал: удручённо склонил набок отороченную блестящими кудрями голову. – Ты что, не менял... э-э-э... наряд?

«Наряд» облачение напоминало в последнюю очередь. Упырь удивлённо покосился вниз:

– Это свежая рубашка, – от неожиданности пояснил он.

Радэрик округлил и без того огромные глазищи:

– Но туника! И твой кафтан!

Кафтан так и валялся б на полу, кабы не рачительность неслышного и незаметного Норбера, перенёсшего его в хозяйскую опочивальню, где старший Адалин, стряхнув приставшую солому, по пробуждении вновь натянул расшитую беду.

– А... что с ними должно было случиться? – уточнил Фладэрик и злорадно вообразил варианты. Получалось презанятно: не то Айрин погрызла, не то Советник из мести оплевал. – Оставь, Радэрик. Что это за свиток?

– О! – проворно вспыхнул отрок. – Это... поэма!

– Потрясающе, – прохладно оценил Адалин и отошёл к камину.

В поленнице поджидали своего часа опрятные, дымчато-золотистые дубовые чурбачки. Упырь присел на корточки, выбрал парочку и покосился на притихшую юность, усердно полыхавшую ушами за его спиной. Растопкой в покоех обыкновенно занимался Готгард, ещё один принаря-

женный домашним челядинцем ратник из отцовской дружины, но Фладэрик за годы обитания в Алой Башне отвадил упырей являться в комнаты без спросу. Но присутствие младшего господина внесло некоторые коррективы: призванные челядники исполнительно приволокли снедь на подносах, окропили чем-то поленницу и, язва их забери, насовали по углам какие-то вонючие охапки. Упирь мысленно закатил глаза, но смолчал.

– Босого? – подозрительно подбодрил старший Адалин и движением пальцев затеплил ароматные дрова.

Радэрик с сомнением пожал плечами:

– Нет. Кого-то из Замка.

Упирь насмешливо скривился.

– Восхитительно. Ужель ещё писать не разучились? Тем паче, связно. – Младший тактично промолчал и столь же деликатно, вопросительно улыбнулся мрачной шутке. – Радэрик, зачем тебе эта дичь?

– Не знаю, – виновато пожал плечами отрок. – Нашёл утром у себя в вещах.

Упирь обернулся с куда более искренним участием:

– Вот как? И что... в поэме?

– Ну, это явное подражание простонародному стилю, – уклончиво потупил взгляд младший брат без тени воодушевления. – Тут... э-э-э... лесной дух под видом Огненного Змея навещает знатную девицу... которая на деле оказывается служанкой, решившей ободрать чешуй себе на монисто.

– Какая сказочная дурь! – непритворно восхитился старший. Густо-багровый Радэрик вдругорядь пожал обтянутыми златотканым сукном плечами. – Что, в подробностях то посещение изображено? – догадался Адалин ехидно. – Поди, и не подписанная? Дашь почитать? Или она тебе... ещё пригодится?

– Фладэрик! – возмутился младший, охотно и даже поспешно протянул несчастный свиток.

– Шучу. В твоей морали не усомнится и Проповедник, – усмехнулся Фладэрик милосердно и забрал «поэму». – Чем глазами хлопать, садись и поешь. Полагаю, новый поднос приволокли по твоему распоряжению?

– Это всего лишь хлеб и сыр, – робко возразил Радэрик. Как и предполагал Упырь, поздний семейный завтрак получился занимательным. Во многом из-за дурацкого пасквиля, прозрачного в отношении подразумеваемых фигурантов. И, погань сквернословная, даже забавному. Неужели у кого из придворных острословов рассудок пробудился?

Радэрик, не дождавшийся комментариев и приободрённый язвительным молчанием, уплетал скромные яства и радостно щебетал об очередных приключениях своего непутёвого дружка Орэндайля, усердно ухлёстывавшего за младшенькой Стимбор. Гоминиум волновал отрока значительно меньше.

Фладэрик не спешил разочаровывать невинную юность, а потому смиренно внимал, но в уме прикидывал, как невоз-

бранно вывезти злополучного Милэдона из-под вострого носа придворных катов, канцлеровых дознатчиков и королевичных осведомителей из долины. И так увлёкся, что и не заметил изменения курса братишкиных фантазий. Отрок вдохновенно живописал грядущие совместные странствия, хорошо хоть не стихами. Упырь скривился, но не возражал. Трапеза его ограничилась искрошенным на поднос сдобным ломтем. Хлеб для господ выпекали прямо в замке, а для казарм и нижних башен – привозили из слобод, и качество его сильно отличалось. Этот украшали явно для королевского стола, потому аппетит ретировался. А Упырь определил первый пункт на повестке дня.

Лучистых Командиров, Высших и их наследников сейчас, перед Присягой, в замок съехалось видимо-невидимо. Министериалы и динстманны ждали джостры⁸⁰ и надеялись на милость госпожи. А значит, кто-то из приличных тоже разыгрывал почтение присутствием. Например, Ирджи Джебрик наверняка не отказал себе в удовольствии провести младшего отпрыска и помелькать перед злопамятным Величеством, дабы та не вставляла несмышлёному отроку палки в колёса. Любил Тэрглофф под знаком «себя дискредитировавшей породы» известить целое семейство, особенно при владениях, столь завлекательно расположенных.

Радэрик как раз вдохновенно декламировал какую-то поэтическую дичь, но чутко охолонул, раскусив манёвр в за-

⁸⁰ Рыцарский поединок на копьях.

чатке. И горестно подхватился следом.

– Ты снова уходишь?

Старший Адалин лениво подтянул шнуровку туники:

– Пойду Джебрика проведу. Хочешь со мной?

– Джебрика? – повёл ухом отрок. – Это зачем? Фладэрик!.. Ну, Фладэрик!

Вчерашний студиозус презрел тщательно оберегаемые приличия и просто перемахнул через кресла, приятно удивив не ждавшего подобной прыти Упыря. Но юность уже мёртвой хваткой вцепилась в плечо, романтические зенки распахнула во всю ширь и заискивающе, испуганно заглянула старшему брату в лицо. Так что впечатление разом околело.

– Думал, мы вчера договорились! – простонал Радэрик убито. – Я думал, я твой Близкий! А Джебрик...

– Джебрик сделает из тебя путного Лучистого, – перебил старший Адалин, освободив рукав из захвата. – А не бродягу со скверным характером, – добавил он чуть тише. – Радэрик, жизнь в Долине куда интереснее. Да и за Адалином кто-то должен приглядывать, – последний довод не казался убедительным.

Младший предсказуемо закусил удила:

– До сих пор же кто-то приглядывал! А нет – так ведь не развалилось!

– А ты... давно там был? – вкрадчиво уточнил Упырь. И, воспользовавшись замешательством, покуда младший в уме

прорисовывал картины разрухи и увядания, постигших родовое гнездо, поспешил к выходу.

– Я с тобой! – Отчаяние взяло верх, парень припустил следом, сердито звеня подкованными каблуками. – И, чтоб ты знал, это несправедливо!

– Как и всё под этим небом, – пожал плечами мрачный Адалин.

– В замке есть управляющий, кастелян, дворня, в конце концов! – Радэрик чуть забежал вперёд, не заботясь о судьбе разбежавшихся с пути слуг и тарасивших зенки караульных.

Упырь целеустремлённо шёл по нескончаемым, дурно освещённым коридорам приободрившейся к полудню Розы. И причитания отрока слушал вполуха.

– Фладэрик!

– Что? – Старший Адалин строго пялился в пространство между соплеменниками, избегая пролежнем липнущих взглядов.

– Ты думаешь, я совсем бесполезный? – Что-то в интонации брата заставило его остановиться. Фладэрик проворно огляделся и решительно, пусть и тактично, отстранил младшего к стене.

Местечко для подобных сцен не подходило, ибо предвзяло выход на казарменный двор. В смоляной духоте открытые очаги исправно коптели своды, сгущая тени по углам. Среди солдат, греющихся у жаровен, и сноровистых слуг вести задушевные беседы не хотелось. Тем более, праздные

гвардейцы уже заметили Адалинов и начинали исподволь прислушиваться. А свора неопрятных пегих кобелей чем-то неаппетитно похрустывала в соломе, перемешанной с духмяной травой, и рычала.

Презрев обычное здравомыслие, Фладэрик заговорил. Вкрадчиво и, как сам он надеялся, убедительно:

– Послушай. Сейчас совсем не то время, чтобы без дела мотаться по дорогам. За пределами долины опасно. И, очень возможно, нас ждёт война. После смерти отца именно я возглавляю наш род, я старший, Хозяин и глава семьи. Мне решать, кто и где будет находиться. Я *хочу*, чтобы ты был тут. Оставь романтику трубадурам. Мечты о подвигах хороши лишь в качестве досуга, и то дозировано. Мир за пределами долины куда как приземлённее, чем твои на его счет соображения.

Радэрик побелел и молчал, но подбородок вздёрнул решительно и даже вызывающе:

– Если будет война... с чего ты взял, что здесь мне безопаснее?

– Первое, что приходит на ум – азы стратегии и тактики, – хмыкнул старший Адалин. – Есть возражения? – Судя по непримиримому выражению лица, возражения ещё как были. Но высказать их отрок не успел. – Я съезжу в Адалин, проверю, что к чему. Не хочешь сидеть в Розе – милости просим. Возвращайся в домен, займись хозяйственными делами.

Радэрик буквально задохнулся от очередной несправедливости и, кажется, с трудом припомнил родную речь:

– То есть... теперь ты вообще запрёшь меня в Адалине? Что происходит? Ты... к чему готовишься?

– К тому самому, Радэрик, – не стал вилять Упырь. Только глаза сузил и понизил голос. – Что за манера пререкаться со старшими? Этому теперь в стенах Стударма менторы обучают?

Вампирчик, тряхнув подвитой шевелюрой, мрачно насутился и забурчал под нос едва слышно:

– Прости. Я не собирался тебе перечить. Просто... Фладэрик! Я так мечтал об этом.

– О чём? – старший Адалин с кривой ухмылкой вглядывался в воплощение обманутой добродетели. – О ночёвках по оврагам? Поселянах с факелами и кольями? Хватит еще на твой век приключений. Обычай велит после принесения клятв с полгода трон покараулить. И ты покараулишь, как и все.

Глава 5. Конные и оружные

Упырь отвернулся, устало растёр переносицу, на мгновение отпустил воображаемую узду. И будто впервые увидел вокруг холёные физиономии «верных сынов долины», полублаженных отпрысков дряхлеющей аристократии, надменных в своей подлости выскочек, витавших в облаках кутил и зубоскалов Стяга, охочих до пестроты двора. Волшебное собрание злоумышленников всех мастей, сборище точёных масок прекрасно оттенял пыльный, прогорклый от сотен чадных факелов и благовонных чаш, неистребимый хлад замковой утробы. Навье не вызывало тёплых чувств.

Каменная Роза, тяжеловесное, обрюзгшее исчадие древних зодчих, дряхлела и крошилась под пышной паволокой цветов и гобеленов, как ветхая вдова под толщей белил. Фладэрик, чернее тучи, брезгливо посторонился от рыщущих по полу в поисках нерасторопных крыс придворных гончаков и сердито скрипнул челюстями. Соплеменники друг друга игнорировали, но Упырь с первого взгляда определил сразу с полдюжины активно прислушивавшихся к прилюдной размовке Адалинов.

– Брат, – нерешительно позвал оставленный без внимания Радэрик, оправляя аксамитовый кафтан. Он тоже зыркал по сторонам, но выглядел смущённым. Прикидывал впечатление, произведённое на будущих соратников по Стягу, розо-

вел ушами и мечтал половчее провалиться под пол. – Фладэрик. Мне идти с тобой?

– Как хочешь, – небрежно бросил старший Адалин. – Князь весть, где этих Джебриков нынче носит...

Носило Джебриков не так чтоб уж очень далеко: как быстро выяснил Упырь у витязя с физиономией поосмысленнее, старший Корнэль занемог ногами ещё с начала сечения и отпросился в поместье, а подчинённых препоручил заботам сына. Почему Ирджи, исполнительный и усердный, теперь совмещал обычные обязанности с административными. Разрывался между казармами, разъездами и бесконечными «советами», затеваемыми опальным Аманиром с усердием, достойным лучшего применения.

В данный момент командир грызся с окольным, Масьяжем Войнчем, одним из подпевал старшего Орэндайля, ведавшим снабжением Стяга. Беседа получалась прелюбопытная.

Старший Адалин, обнаруживший парочку в арке врат промеж дворами над неаппетитной бочкой, кокетливо прикрытой от посторонних глаз дерюгой, замер в отдалении и прислушался к скандалу.

Спор касался оскорбительного расточительства «не одного такого умного» командира, вздумавшего затребовать из казны дополнительных ресурсов. Да ещё посмеявшегося пенять на негодный провиант, ниспосланный от щедрот в качестве довольствия.

Ирджи, невысокий, крепкий, чуть сутуловатый, уже закипал, несмотря на фамильную выдержку, делавшую честь иному послу. Черта наследовалась, как успел заметить Адалин, и превратилась в отличительную особенность рода – благоразумный Данжик, товарищ Фладэрика по Стударму, сносил его паскудный нрав без видимых усилий. А теперь частенько жил в Коммуне у Диланта – пакостника Упырю под стать. И умудрился не только ни разу ни с кем не подраться, но и достоинства не уронить.

Прелагатай рассеянно наблюдал. Лишь раз гадливо сплюнул, когда доведённый до исступления Ирджи в сердцах пнул бочонок и заорал, что скорее сам помрёт с голоду, чем начнет кормить лошадей гнилым сеном. Тоже взбешённый Масьж горным козлом отскочил от прорвавшегося зловонным фонтаном из лопнувшей бочки месива, нечленораздельно взвыл и, подобрав длиннющие рукава тёмно-лилового кафтана, улепетнул через парящий на холодке разлив к хозяйственным постройкам за подмогой.

– Что это? – Упырь неспешно вышел из укрытия гранёного портала арки. Он изо всех сил старался не дышать.

Капуста – видимо, капуста, хотя уверенности сизый окрас и несъедобный аромат не внушали – стремительно отвоёвывала пространство.

– Фладэрик! – страшно кривя физиономию, вероятно, всё-таки обрадовался Ирджи и брезгливо вытер заляпаные сапоги о заросли плюща, что милосердно прикрывали трес-

нувшую стену. – Здравствуй! Не ждал тебя увидеть. Приехал на гоминиум поглядеть?

– Ну да, – Адалин привычно раздвинул губы и подождал, пока Командир оставит безнадёжные попытки избавиться от налипшего на голенища непотребства. Джебрик насилу отплевался и махнул рукой.

– Курвино племя... Не приведи Князь, разьест ведь! Видал, чем нынче солдат потчуют?! Да и в Стяге не лучше! Был бы жив батюшка твой, передушил бы голыми руками умников, что это выдумали!

– М-да, – пожимая протянутую ладонь, старший Адалин старался не смотреть, как подоспевшие к месту катаклизма слуги старательно сгребают угощение обратно в кадушки. – У меня разговор, Ирджи.

– За брата пришёл просить? – понятно улыбнулся Джебрик и сощурил бледно-серые, неизменно воспалённые от ветра и бдения глаза.

Фладэрик пожал плечами:

– А стоит?

– Нет, дорогой, – стареющий вояка тряхнул седеющими волосами, собранными в короткий хвост, и усмехнулся. – Радэрик – достойный юноша. Я с радостью приму его Близким. Если ты не попросишь об обратном, разумеется, – Ирджи понизил голос и подступил поближе.

Не сговариваясь, навьи двинулись вдоль стены. Ирджи наблюдал за упражнявшейся с мечами солдатнёй. Фладэрик

больше изучал самого командира.

– Думаю, слухи тебя не миновали, – начал Джебрик. – Стяг по лавкам рассадят. Корнэль, как проведал, чем дело пахнет, разом отбыл. И я скоро к нему присоединюсь. У нас есть... воины. И соседи. Твои, между прочим, министерялы.

Упырь безмятежно устался на ворон, обсевших жирной грязной полосой конёк ближайшей крыши. Ирджи шмыгнул некогда перебитым носом.

– Сдаётся мне, скверные времена настали, Фладэрик. И, стыдно говорить, я рад, что Данжик... пропал без вести, того не дожидаясь.

– А младший Корнэль?

Подданный покосился на преллагатая, сурово сдвинул пепельные брови и кивнул. С какой-то жуткой, неправдоподобной омертвелостью во взгляде.

Адалин понял.

Королева Айрин, дивноокая владычица Каменной Розы, госпожа и повелительница всяя Олвадарани, аккуратно разбирала переложенную самоцветами, перевитую золотой проволокой причёску и деликатно складывала извлекаемые драгоценности небольшой горкой на столе подле посеребрённого стекла, где отражался безупречный, трепетный лик. Королева улыбалась припудренными губами, чувствуя взгляд.

– Кто занимается довольствием армии, Ваше Величе-

ство? – невзначай, едва отвлекшись от листаемого кодекса, бросил Фладэрик.

Немолчное воркотание из принесённых по приказу госпожи птичьих клеток мешало думать. Пели заразы вдохновенно. Упырь всерьёз опасался скорого кровотечения из зудевших ушей и периодически растирал мочки да серьгу покручивал.

Отражённая Равнсварт устремила на прелagатая проникновенный взор, томно приспустила выгнутые ресницы. Тяжёлая копна волос цвета золотого мёда как раз освободилась из бесценного капкана и занавесом упала вдоль прямой спины. Несколько позабытых шпилек со стуком покатались по полу – обыкновенно дивноокая прибежала к помощи служанок, но нынче вновь их отпустила.

– Армии? – изящно вздёрнув брови и точёный подбородок, удивилась Королева, будто о существовании таковой доселе и не подозревала. – О чём ты, Адалин?

– Я о тех «конных и оружных», которыми пока заправляет Аманир. – Фладэрик с мимолётным смешком отложил кодекс на шкуры и невзначай подался вперёд.

Ослепительная нежность в отражении непроницаемо улыбалась, задумчиво поглаживая бархатистую щёчку тончайшей работы резным гиацинтом, не иначе, сотворённым умельцами Дзедзнэ по особому заказу. В Резном Квартале Армандирна, да и в Златых Вёрстах столичного Дзвенцска, подобных побрякушек не водилось. Даже из-под полы.

Задумчиво постукав «цветочком» по скуле, синеглазое создание мурлыкнуло чуть слышно и коварно:

– Мне передали, что ты успел перемолвиться словечком с одним из Командиров. Как здоровье старого Корнэля? Колени всё ещё беспокоят?

– Скорее всего, – даже не моргнул Упырь. – Годы берут своё. В здешних краях и по такой погоде – не удивительно.

– Возможно, – томно отозвалась правительница и небрежно запустила надоевшую игрушку по столу. – Джебрики, вроде, бывшие министриалы Адалин? Твой отец даровал им бенефиций и ввёл в число Малых Благородных Домов, – Фладэрик без видимой заинтересованности пожал плечами. – Любопытно. О чём ещё вы говорили, кроме... довольствия?

– О Радэрике, – не соврал прелагатай.

– И впрямь. Твой младший брат хочет стать Лучистым, – припомнила Айрин. – Занятно. Он похож на тебя? – Старший Адалин вновь лишь пожал плечами. – Я позабочусь о его Вызове, – ележно проворковала Королева, жмурясь.

К обычным, воспринимаемым неизбежным злом, ароматам королевских покоев примешался не сразу опознанный из-за его непредсказуемости запахок. И то был вовсе не птичий дух, как сперва не без злорадства подумалось Упырю. Пахло иначе, лесной прелью и кузней. А ещё – отдалённо – горным сквозняком, как на террасах скального Гравароса. Фладэрик прикусил угол рта и тоже машинально прищурил-

ся.

Королева примерила очередной перламутровый атласный туалет, утончённая и невинная, точно ландыш в буреломе. Затканное серебром платье, узкие рукава, безупречный ворот. Никаких следов – портрет записной непорочности. Жемчуга на шее и в ушах. Нежнейший румянец цветет на гладких скулах. Айрин безукоризненно разыграла внезапный приступ благонаравия, одарив отражение робкой улыбкой.

– Странный взгляд, Адалин, – так и не дождавшись не только предсказуемых комплиментов, но вообще реакции, заметила уязвленная повелительница и вернулась к прерванному разоблачению.

Упырь усмехнулся:

– Госпожа сегодня особенно свежа и как никогда прекрасна. И не предположить, что колдовала... – Следующим «взором» дивноокой смело можно было выбивать ворота замка.

Упырь, перехвативший стремительный, точно бросок разъярённой змеи, взгляд сапфировых омутов, подумал именно так. И меланхолично усмехнулся, поднимаясь. Напряжение в лице самодержицы настораживало, но Адалин изо всех сил прикидывался праздным и ленивым. Но он уже заметил пустые клетки. Голосистых истеричек осталось куда меньше, чем их витиеватых узилищ. Гоэтия. Тёмная ворожба.

Фладэрик коснулся горделиво расправленных плеч, ми-

моходом погладил золотистую волну благоухавших бергамотом локонов. Королева вновь потупила бесподобные, коварные глаза. И улыбнулась. Плотоядно, не чарующе:

– Сегодня у нас состоялась небезынтересная беседа с мессиром Гуинхаррэнном, Вторым Советником и твоим, как выяснилось, большим почитателем, – заметила она чуть слышно и прикусила нижнюю губу, как будто вспоминала изысканное лакомство. – Пришлось проверить полученные сведения. Мне он не показался достаточно... искренним.

Упырь задумчиво оглаживал точёные плечи и невзначай перебирал бусы, когда неожиданно отчётливо вообразил, как скручивает клятое ожерелье гарротой. И поспешно отогнал заманчивую картинку. В посеребрённом стекле отражалось крайне злое, бесконечно жестокое лицо, вельможе не позволительное.

– Тебе приятно будет узнать, что мессир Гуинхаррэн с честью выдержал... разговор, – добавила Айрин едко.

– Мне приятно будет узнать, что Розе и её дивной Госпоже ничто не угрожает, – галантно отозвался старший Адалин. Равнсварт благосклонно кивнула и охотно подставила нежную шею шершавым пальцам. Фладэрик давно подозревал, что пленительное змейство догадывается, подозревает нечто на его счёт. Не зря же подпускает угрозы через раз. И теперь не без язвящей самоиронии угадал нездоровое удовольствие, что испытывала королева в подобных ситуациях. От этих мыслей Упырь разозлился пуще прежнего и накло-

нился к ароматному виску, чтобы скрыть холодный взгляд.

Айрин внезапно ухмыльнулась:

– Очень надеюсь, Адалин. Потому что, знаешь... я люблю тебя. – Прелагатай, чуя подвох, замер. Слова прозвучали скорее предупреждением, многообещающим посулом, и совсем не в том тоне, что пристал волнующим девичьим признаниям. Омуты тёмных глаз в полумраке, нагнетаемом открытым очагом, смотрели пристально и жутко. – И ты будешь со мной. Так или иначе.

«Любопытно поглядеть на то «иначе»», – мрачно подумал Фладэрик, но от ремарок удержался. И вместо этого изобразил безобидную усмешку:

– Моя прекрасная госпожа второй день кряду признаётся мне в любви. Чем я заслужил подобное счастье?..

Глава 6. Всё закончить

Тонкий аромат вербены и бергамота вился шёлковыми лентами среди густых и терпких ароматов спальни: жара камней, тяжелого духа очага, давящих мехов и не остывшей плоти. Фладэрик опять стоял над спящей королевой, прикидывая, смог бы задушить её во сне. Хрупкая и нежная фигурка: точёный абрис идеального лица, рассыпанные в беспорядке золотые кудри, изящные запястья и гранёные лодыжки, не ведавшая деторожденья грудь.

«Убей её, – шепнул из тени Валтар. Упырь почти услышал, как по плитам пола прокатилась за спиной отрубленная голова. – Казни ведьму, Адалин. Ты теперь Кромешиник, тебе решать и совершать. Убей её, и кровь не прольётся».

Адалин брезгливо искривил сухие губы. Неувядающая красота порока. Возможно, морок прав. Но предательское убийство спящей королевы в спальне – от одной мысли становилось тошно. Обескураженных придворных хватит удар, а смутой в Розе наверняка воспользуется свежесобранный южный «друг».

Фладэрик покрутил блекло светящуюся сергу. На пальцах танцевало невидимое пламя, искрило и кололось, обжигая изнутри. Нечто подобное предлагатай уже испытывал однажды при посвящении на главном капище у Драб Варьяна. Беггерван тогда сжевал какой-то жухлый бледный корешок,

кроваво улыбнулся в полумраке и ехидно уточнил: «Что, зашекотала Кромка, почувал липкий поцелуй?». Поцелуй это не напоминало. Скорее прикосновение русалочьей руки. Потому Фладэрик лишь потянул плечами.

Сейчас шаманский знак на шее будто бы нагрелся. И не он один.

Упырь пощупал заряженные побрякушки. Он не собирался колдовать, так, чуть заморочить Айрин, чтоб сильно по нему не тосковала.

Но в жаровнях вдруг полыхнуло болотными огнями, и под ногами зашуршало битое стекло по белым, свивавшимся узорами окатанным камням. Ложе охраняли птицы. Не те крикливые пеструхи, что проснулись и робко сбились в золочёных клетках. Призрачная высокая фигура распростёрла дымные крыла над спящей королевой. Когтистые лапы исполинского орла тонули в меховых волнах. А вокруг бледного лица венцом из змей вились в беспорядке космы, что чернее мрака. Перья твари отливали серебром. Вострую девичью грудь покрывала чешуя. У могучих ног сверкали зоркими глазами огромные зубастые вороны.

Фладэрик усмехнулся дикому видению и попятился от Кромки. На стенах по ту сторону гирляндами висели низки черепов. И в очаге горели вовсе не дрова. Упырь нагнулся, подобрал незаметно принесённый накануне кожаный мешочек, вытряхнул содержимое на ладонь и сдул на спящую Айрин. Тончайшая пыльца на миг сверкнула в воздухе алмаз-

ной пылью и исчезла.

– Спи, королева, – посоветовал негромко Адалин.

«Дурак», – откликнулась из мрака отрубленная голова.

Стоял тёмный, предрассветный час.

Омерзение пучком осоки царапало глотку изнутри. Упырь поспешил выбраться из башни до смены караула. Сонные гвардейцы клевали породистыми носами. Алебарды не спасали – парочка незадачливых богатырей отчётливо сползала вдоль стеночки в солому.

Адалин шёл по коридорам безымянной тенью. Ещё один призрак спящей Розы с туго перевитым ллакхарскими охранными чарами свитком и осунувшимся мрачным лицом.

Каменная Роза дремала в привычном облаке тревожных шорохов и скрипов. Ясновельможные предавались потаённому досугу, а слуги торопились сладить постылый труд. Фладэрик головой не вертел, но за коридорами следил пристально, выглядывал возможных наблюдателей, вроде недоброй памяти пыльного Ансэльма. Тонкогубое исчадие кулуарных войн побочные обязанности исполняло куда проворнее непосредственных, но скрытно и успешно, чем всерьёз досаждало. Упырь знал, что кастелян Розы «приглядывает» за ним, буквально чувствовал лопатками неотступный взгляд.

Про брата, к собственному вящему стыду, Фладэрик вспомнил, лишь обнаружив одного в покоях. Радэрик вновь

успел на сундуке, укрывшись не то гобеленом, не то попоной.

Поленья в очаге почти прогорели. Алые огоньки с дремотным, баюкающим треском сновали в чёрных бороздах детёнышами вёртких саламандр.

Что отрок потерялся где-то по дороге между дворами, Упырь ещё рассеянно отметил, но дальше благополучно о нём позабыл. И теперь остановился над сопящим братом, размышляя. Гоминиум пройдёт отлично. Довольная жизнью Равнсварт поулыбается невинному братишке, братишка в ответ сподобится изобразить восторг куда искреннее, чем беспутный прелагатай, вновь усвиставший в родные болота. И Величество, вероятно, очарует.

О последствиях старший Адалин предпочитал не думать и очень рассчитывал на житейскую сметку «курнозой» Сэнтайн, недурно себя зарекомендовавшей. Девица ловко увлекла мальчишку, и Фладэрик всё ждал, когда до поэтического отрока дойдёт. Пусть его самого наличие невесты некогда и не спасло от чар проклятой синеглазой королевы, Упырь тешил себя надеждой, что Радэрика участь любителя болот с физиономией завязатого душегуба и манерами верстового столба таким образом минует.

Собрался старший Адалин проворно – сальная свеча не сгорела бы до половины.

Из спальни он выходил уже в дорожном платье: полотняной, укреплённой проклеенными вставками тунике с плот-

ной шнуровкой у горла, походном кафтане, прошитом стальными квадратами клёпок в полпальца шириной, и с Позёмышем на плече. Горноста́й, дорвавшийся до праздной жизни, энтузиазма не выказывал и, извлечённый из-за сундука, где думал схорониться, сердито свиристел пружиной арбалета. Радэрик пошевелился под гобеленом, свернулся поплотнее и что-то неразборчиво пробормотал, но не проснулся.

Упырь забрал саблю в оплётке ножен и ремней портупей и с сожалением покосился на брата.

Пергамент, оставленный рядом с недопитым кубком, гласил:

«Мне нужно уехать до срока. Джебрик примет тебя близким после присяги. Будь почителен и верен ему.

Всегда помни, чей ты сын».

К письму прилагался гостинец. Фибулу старший Адалин купил в Армандирне. Как и все продаваемые в Резном Квартале из-под полы побрякушки, подарок отличался заковыристыми свойствами. Аргвар-Торгаш божился – мало не бесценными. Сберегал обладателя от сглаза и поноса, любой вредоносной ворожбы, внушения и почему-то мужского бессилия. Над последним, многозначительно подчёркнутым чудесным свойством Фладэрик особенно умилился.

Предвкушая первую зорю в казармах, когда караул сменится, а там и сонные страдальцы разбредутся, Упырь решил поторопиться и выскочил из покоев, необдуманно резко отмахнув тяжёлой, смертоносно-бесшумной дверью. К вящему

ужасу раздался гулкий удар и тихий стон. Прикрывал створку Фладэрик куда рачительнее, почти опасливо. Кастелян в расшитом кафтане распростёрся на полу без сознания с преглупым выражением постной, пришибленной физиономии. Упырь на всякий случай проверил пульс и, удовлетворённый, оттащил Аэтлере в нишу чуть поодаль от двери. С гобеленов мрачно наблюдали пыльные и злые кровососы канувших в небытие эпох.

Духа в конюшнях пришлось седлать и втихаря сводить самостоятельно. Конюхи благополучно спали на тюфяках, один любовно прижимал к груди обляпанный кровавыми слезами глиняный кувшин. Воронок издали опознал лёгкую хозяйскую поступь, наострил уши и загодя приготовился, в отличие от прочих обитателей. Когда Упырь, уже предвкушавший добрый путь и бодрых волколаков, распахнул двери стойла, пара замковых жеребчиков захрапела, ещё один поднялся на дыбы с глухим заполошным ржанием, норовя разбудить похмельных конюхов. Дух проникся общим настроением, теребил удила и скалился, но возникать активнее не рисковал.

На востоке, зловещим предзнаменованием грядущих непотребств, занималась нежная заря, красившая шапки Лунного кряжа причудливым многоцветьем. Фладэрик размял плечи и потёр застывшее лицо. Холод бодрил. Седой двор форбурга купала перламутровая дымка, пропахшая опрелым камнем. В кустах робко копошилась неопознанная

живность – возможно, сонные псари, хоронившиеся здесь от прожорливых подопечных. Очередной гвардеец спал, опершись на пику. Выглядело патриотично, звучало того гаже. Хриплые рулады могли посрамить иных равнинных дударей.

Проезжая вновь опустившийся без ведома бдительно посапывавшего караула мост, Фладэрик устремил невидящий взгляд в холодную паволоку туч к северу над кряжем. Горы стыдливо румянились, небо привычно закипало непогодой. Упырь гадливо сплюнул в ров и отпустил поводья.

Каменная Роза не может стоять в вазе на столе Миридиканского дворца. Семь Ветров не хозяева тут и никогда не будут.

«Дурак, – вновь позвало из тени за плечами. – Ты мог её убить и всё закончить».

Дух шёл без указки, ровно и бойко. Предместье просыпалось. А Адалин всё вспоминал увиденное за Кромкой жуткое создание, нависшее над спящей, и Летавицу в голубом.

Утро бередило мрачную упырю долину. Долина отзывалась старческим скрипом высоких стволов и шорохом редких птиц – чёрного воронья и хриплых галок.

Есть правда, пусть и небольшая, в меланхолических побасенках рифмачей – владения Её Величества наводили смертную тоску, очарование долгого и мучительного умирания среди душных перин, шёлковых наволочек и горшков с касторкой.

Фладэрик дремал в седле, лениво отмечая запустение и

общую необитаемость предместья. Омшелое, диким виноградом и плющом обросшее городище скрежетало проржавленными прапорицами и постукивало ставнями, точно зубами. Вороньи флажки висели и тут – растяжки с фигурной крашениной, задираемой сквозняками, на фоне сизых стен. Под стать скрюченным кустам и редким работягам, не разгибавшим спин с первых петухов. Заслышав издали перестук подкованных копыт по брусчатке, они и вовсе утыкались в землю носом. Только какой-то босоногий отрок оцепенело вытаращился из канавы, во всю моргая покрасневшими от бдений глазищами. Возрастом он не превосходил Радэрика, а чахлой статью и вовсе напоминал ребёнка. Плечи оттягивала книзу гружёная булыжником корзина.

Выезжая за внешние ворота, Адалин продолжал слепо таращиться над косматыми верхушками огромных сосен, исподволь обступавших коронный посад. На сердце при виде сомнительного процветания завывали воображаемые волколаки. И пацан в канаве отчего-то упрямо не шёл из головы.

«Ты мог всё закончить», – шелестела вслед Кромка голосом Ваа-Лтара.

Глава 7. Адалин

Верстах в пятидесяти по восточному тракту за густыми зарослями одичавшего и потому безнаказанно пышного боярышника, непролазного бересклета и строптивой бузины замаячили памятные, не слишком изящные, зато верные общему антуражу коронных земель стены Адалина.

Сердитые башни по углам, недоверчивый вертикальный прищур окон, двускатная крыша высокого донжона и неприветливое карканье вспугнутой вороны, кляксой размазавшейся по утренним, припыленным облаками небесам. Никакого забора, никакого сада. Стена и замковое сооружение, оседлавшее возвышенность среди лесов.

Фладэрик улыбнулся случайным проблескам воспоминаний. И тут же отогнал нарядный морок взмахом головы.

Крупная серая кладка заметно оживлялась коврами мха и пятнами курчавого лишайника.

В прежние времена, ещё при жизни Тайдэрика, поместье выглядело иначе. На дворе вечно отсвечивали динстманны при оружии и знаках рода Адалин. Сновали проворные отроки и челядь. Отец привечал вассалов и баловал милостями слуг, а вот Фладэрик, оказавшись в роли хозяина, распустил всю свору к ляду. Оставил самый минимум, присутствия которого теперь не наблюдал. Надо было видеть недоумение старого кастеляна. Ойон чуть не плакал и смотрел, точно на

завтрашнего покойника. Сразу, как поленница иссякнет, а крысы в подполе голодный бунт поднимут. Что, при известной житейской сметке запасливых пращуров беспутному наследнику не светило при всём желании.

Адалин строили три с половиной столетия назад, когда память о войне ещё была свежа, а подданные успешно симулировали признаки рассудка. Громоздкое исчадие инженерного гения прошлого вполне годилось, скажем, держать круговую оборону десятков-другой вполне благополучных зим. А то и организовать небольшую державу на автономных от короны началах. Если против чародеев Её Величества, Лучистых и динстманнов выстоять и с соседями, вроде Джебриков, договориться. Упырь ради развлечения прикинул шансы. Нет, противостоят Айрин и Канцлеру Долины так – просто бесполезно. Замок Кэрдзенов сторел дотла, хоть не был даже близко деревянным.

Фладэрик придержал коня на заросшей лопухами и колючей ежевикой подъездной лужайке. Звенели трензеля. Дух недоуменно заплясал на обомшелых, а где-то и расколотых камнях. Глухому цокоту хором воплиниц вторило ленивое, страдальческое эхо. Адалин спешился, со всё возраставшим любопытством через плечо разглядывая отчий дом. Замок насупился в ответ и тихо шелестел едва зазеленевшими ветвями молодых кустов. Ни тебе ржания из конюшен, ни птичьего воркотания, ни лая, ни других привычных шумов. Лишь тихий, вкрадчивый шёпот хвойных крон вокруг

и сквозняка, петлявшего меж башен.

Тайдэрик держал голубятню и, разумеется, кречатню, потому дремотное безмолвие теперь насторожило. «Лесная благодать», – подумал Фладэрик ехидно. Почти слышно, как ветшает семейное добро за толстыми стенами, да захороненные предки разлагаются. Упырь пожалел, что не навестил межевой острог.

Нехорошее предчувствие прокралось исподволь, стоило лишь подобраться к монолиту забранных железом врат. Двор пах необетованно, а из дверей повеяло стужей катакомб.

Размышляя о превратностях судьбы и каверзах истории, Упырь брёл в пыльных сумерках и не замечал отсутствие огня. Память услужливо дорисовала недостающие детали. В каминном зале, где раньше они с отцом попивали подогретое вино после зимней охоты, висела ватная, простёганая запустением тишь. Очередные двери с грохотом захлопнулись, и Адалин не удивился бы, лязгни за спиной упавшая в пазы перекладина. В жерле исполинского камина, на сундуках и гобеленах висела ключьями густая паутина.

К родовому замку Упырь питал потайную неприязнь и после смерти отца благополучно пустил хозяйство на самотёк, а младшего брата отправил в Стударм на полный пансион. Оставленные присматривать за имуществом слуги, очевидно, разбежались. Странно, что не прихватили того имущества на память. Фладэрик задумался, что приключилось с

преданным Ойоном.

Пал жертвой, защищая хозяйское добро?

К ветшавшему жилищу Адалинов не проявили интереса и бродяги, охочие до заброшенных домов. Выцветший, точно позабытый на припёке гобелен, обескровленный замок дремал в тенетах расплотившихся пауков. Гуинхаррэн не лукавил: род Адалин почитался одним из знатнейших в долине. Повеселел бы Корсак, узри их фамильное гнездо в столь жалком состоянии.

Упырь чуял горьковатый, тлетворный дух затхлого подвала, купавший залы некогда роскошного жилища.

Сколько прошло лет с тех пор, как под этими сводами последний раз звучала речь: сдержанно перекликались ли то слуги, возглашали здравицу динстманны или бранились Хозяин со своевольным, непослушным первенцем?

Фладэрик направился напрямиком к лестнице. Портрет отца мрачно взирал на пришельца из-под пыльной вуали. Суровое лицо, тугое сплетение углов и теней, неодобрительно хмурилось. Но Адалин знал, что это лишь игра воображения, и безутешный папенька из пыльной рамы, просвечивая потрохами, не полезет, как ни фантазируй. Ибо согласно доброму миридиканскому обычаю по смерти был сожжён и обрёл упокоение.

«Помни, чей ты сын», – советовали брату выведенные по пергаменту строчки. Себе Упырь тоже иногда повторял эту фразу. И неизменно вспоминал обезображенное лицо с

выжженными глазами, отрезанными ушами и порванными ноздрями. Лицо сгоравшего отца. Ллакхарам нечего делать на землях Багрянки, а если пожалуют, отведают навъего гостеприимства. Пусть даже против воли расставшейся с рассудком королевы.

Наверху Фладэрик привычно повернул направо, не удостоив взглядом ни отцовский кабинет, предварявший хозяйскую опочивальню, ни женскую, давно пустовавшую половину. Угрюмо проскользнул в побочную анфиладу, где располагались их с братом покои. Толкнул присосхую к косяку дверь. Характерный скрежет ржавым сверлом пробуравил виски. Створка оставила на каменных плитах пола чёткий полукруг.

Пыль и прах – вот всё наследие. Набитые небылицами сундуки, мешки и бочки. Сокровища, тщательно распределённые новым Хозяином и частью уже вывезенные из Долины.

Фладэрик оценил иронию момента и бухнулся на полуистлевшую кровать, взметнув столб серого тумана. Перед глазами поплыло. Бороться с одолевавшей дремотой становилось всё сложнее, хоть спать в затхлом вертепе вовсе не хотелось. Упырь нехотя поднялся на ноги, небрежно отряхнул кафтан. Не без труда распахнул первый из сундуков, выбрасывая содержимое. Отправлять братишку с его неокрепшей душевной организацией в исходящее прахом царство старины расхотелось. Старший Адалин выгреб шелка-аксамиты и

достал похороненные под толщей драгоценных тряпок заговорённые ларцы.

Позади хрустнуло и заскрежетало. В темноте, среди пыльных гобеленов кто-то хоронился, разглядывал сонного прелагатая голодным, жадным взглядом.

Сиплое дыхание за спиной Фладэрика разбудило. Упырь развернулся, взвесил куль с древним барахлом в ладони и примерился для первого броска. По комнате мелькало серое пятно. Адалин выругался, отбросил не случившийся снаряд и обнажил прихваченную саблю. Лихо требовало приёма по-солиднее.

Не дожидаясь, пока кромешная тварь окончательно сплетёт неприглядное обличие, Упырь отмахнул клинком, пробуя воздух, и улыбнулся. От той улыбки сельских старост хватала трясовица, а западное рыцарство, гремя доспехами, драпало впереди коней. Но лихо, чтоб его крысы поглодали, отреагировало куда спокойнее. Растопырило когтистые лапищи и застрекотало.

У твари с Кромки не было привычного лица или морды: ни щёк, ни носа. Вместо рта над шеей мехами раздувались жвала. На продолговатой сизой башке, ровно в центре горела вертикальная прорезь единственной уродливой зеницы, окружённой непрерывным танцем самоходных глазок поменьше. Они сновали в ноздреватой, прелой коже прыткими жуками и слюдяно блестяли.

Фладэрик отскочил вбок, отсёк метнувшуюся нежить

вдоль скользкой пепельной спины. Сталь звякнула о выгнутый хребет ударом колокола. Лихо раззявило пасть отороченным зубам жерлом и снова зашипело. Жуки-глаза с противным свистом внезапно разлетелись в стороны, серой взвесью опутали покой.

Навензы в ворота воссияли многоцветьем несущейся по небу Летавицы. Адалин отшатнулся из-под когтей и провалился в Кромку. Но не так, как бывало прежде, когда Упырь ступал на зыбкие дороги призрачного иномирья, заглядывал через границу в странную, причудливую даль за гранью яви. Сегодня Кромка обретала плоть, как в том сне, где Валтарова голова впервые нарекла его Кромешником.

Чернота шуршала растревоженным крысиным гнездовищем.

По залитым иссохшей кровью, выжженным руинам танцевало лихо. Жуки-глаза бежали по камням, по провалившимся аркам и переходам. Фладэрик завертел саблей, подступил к твари, полоснул по выпуклому бельму. Оказавшийся в другой руке подсвечник с иглой ударил бестию в висок и глубоко засел в треснувшей кости. Нежить взвыла, распялив четырёхгранный рот. Вой превратился в вибрирующий призывный визг. Но Адалин уже занёс саблю для нового удара. Одним движением смахнул с костлявых серых плеч страшную башку и резво обернулся. Он чуял приближение нового врага. И глаз.

Запустни частенько избирали обиталищем ветшавшие до-

линные постройки. Добротные, просторно-путанные, покинутые из-за дурных воспоминаний, а лучше –родительских проклятий. Особенно когда владение пустует пару-другую дюжин лет.

Не обладая собственным обличем, эта тварь принимала любую форму, не гнушалась личиной безалаберного хозяина или сродников. А жрала, не брезгуя, всё, что убежать не успевало.

Фладэрик прищурился, покрепче перехватил замаранную чёрным саблю. Запустень и лихо. Чудесная компания, радужный, ласковый приём.

Гость с Кромки вне всяких описаний, гадостный, как опарыш в киселе, выпрыгнул из тьмы.

Отдалённо, как мухоморный морок – привычную реальность, сейчас он напоминал медведя. Безобразно раздутого, не одну зиму коротававшего на дне ядовитых топляков Хмури, косолапого четырёх аршин в холке.

Упырь сплюнул прилипшую поперёк рта прядь и жестом поманил нежить.

Существо прыгнуло, щёлкнуло зубами в пяди от лица, взмахнуло лапами. Адалин вовремя отшатнулся, перескочил в очередную рухнувшую арку, приложился плечом в изъеденную ветрами стену. Запустень прыгнул следом. Длиннющие чёрные когти, кошмар цирюльника и мечту древодела, Упырь отбил клинком. И снова отскочил. Обезглавленное лихо слепо шарило костлявыми лапищами в камнях, тщась

отыскать башку. Фладэрик заметил, что его глаза собрались муравьями вокруг истекающего чернотой обрубка нечистой плоти, приподняли его и понесли прочь.

Запустень взвыл и попыталась ухватить прелагатая жёлтыми зубами. Упырь увернулся. Тварь подскочила, на лету меняя облик. Кувыркнувшись, спружинил в стену тощий, хромоногий и плешивый тип, которого Фладэрик не узнавал.

Лихо, наконец, схватило беглую башку и кое-как приладило на место, прыгая на суставчатых ногах, как акробат-канатоходец.

На алом небе полыхнули первые индиговые вспышки. В руинах загорелись изумрудные огни. Упырь заметил, как сползаются из дымчатых теней уродливые подобия изломанных фигур. И выругался.

«Ты теперь Кромешник, – напомнил ядовито Валтар, задумчиво пощипывая лютню под одной из арок. – От судьбы не убежишь... Взгляни, на что теперь похож твой Адалин».

Морок лгал. Не Адалин лежал здесь в руинах. Какой-то некогда прекрасный замок, сложенный из алебастра, украшенный резьбой, укрытый пологом истлевших цветов и виноградных лоз. Сгнивший остов сказочной обители из сна.

Здесь пахло ландышами, мёдом и осокой.

Фладэрик вскочил на парапет и огляделся в поисках врага. Тварь прыгнула на стену, всадила когти в ажурный столб, замешкалась на толику мгновенья. Адалин, не размышляя, рубанул чудовище наискосок через плечо и спину, рассадил

до поясницы, съёс голову. Граница расступилась с треском, выпустила в привычный мир. Упырь неловко приземлился в водопаде чёрных брызг на пол разгромленной опочивальни. Лихо с шипением отползало в угол. Остатки запустня шлёпнулись на пыльную кровать парящими на холоде кусками.

Старший Адалин сорвал с груди один из периаптов и швырнул в уродливое одноглазое злодейство. Тварь полыхнула чёрным. Запахло пылью, скисшим молоком и серой.

Фладэрик отёр предплечьем лоб и рухнул прямо в лужу чёрной крови. Седая пыль кружилась мотыльками, с потолка планировали пух и перья вспоротых перин. Упырь закашлялся, раскинул гудящие от напряжения ноги, упёрся в опрокинутый сундук подошвами сапог. Белая руина с Кромки не шла из головы, баюкала соловьиной трелью. Но и запустень, и лихо с ползучими глазами, и разрушенная красота таяли, как дым.

Остался только звон разбитого стекла.

Над выцветшим в ночи, поблекшим, одичалым садом перекликалось сварливое воронье, и ветер, подвывая в тон, носил оборванные, ломкие листы. Сухие ветви в косах мха ворчливо скрежетали.

А ведь Упырь успел забыть...

Здесь, за заросшим буреломом, некогда благоухавшим чубушником, цветущей в червень⁸¹ вишней и яблонями, за рух-

⁸¹ Июнь.

нувшей беседкой в кружевах ржавой обрешётки и выродившегося винограда, из-под намётов многолетней прели торчали расколотые камни древнего буёва. Князь весть, кого тут хоронили. И кто хоронил.

Местные развалины напоминали менгиры и дольмены Голоземья.

Фладэрик обвёл ленивым взглядом скрежещущую округу. Могильники чернели обомшелыми боками, изъязвлённые произвольными отверстиями, погрызенные и зализанные прихотливой непогодой, в наростах лишайников и космах седых трав. Упырь понятия не имел, зачем припёрся сюда среди ночи. И, задрав голову, попробовал определить час.

Не тут-то было.

С небес, напрямиком из пышных, напоминавших жатый шёлк монарших простыней туч брызнуло багровым. Не молнией или заклятьем. Огонь полился жалящим дождём, сперва свечными язычками, трепещущими искрами, шипящими на влажном валежнике и отсырелых стволах, а там, разойдась, лёг сплошной стеной, вмиг иссушил и сад, и полусгнившие захоронения.

Фладэрик шарахнулся из-под палящего покрова, упал в тени беседки, судорожно отполз от рыжих шлей, полосующих окрестность. Бересклет и чёрная осока занялись мгновенно. С противным треском, раскаляясь, проседали древние дольмены, оглушительно шипя, кренились обгоревшие стволы. Упырь так ошалел, что позабыл все ругательства.

Из сплошного огненного зарева, рыча и подвывая, полезли чёрные создания, какая-то изломанная, ирреальная жуть, имевшая столько же общего с человеческими очертаниями, как мирный волкодав с рехнутой мантикорой. Разевая пустые рты, создания выламывались из-под земли и огрызались, беспорядочно наскакивали друг на друга, бежали сквозь огонь.

Адалин уткнулся спиной в проржавленную обрешётку, судорожно зашарил у пояса в поисках сабли. Он всё отчетливее ощущал страшный жар ревущего, неумолимого огня и тошнотворный смрад гостей. Когда первая, будто облитая смолой, тварь выскочила из огня, Упырь успел лишь с хрипом захлопнуть онемевший рот, куда-то выпадая. Да так удачно, что проснулся.

Глава 8. Большое зло

Хоть зубы и саднило, на деле разбудил Адалина сквозняк, так и норотивший ввинтиться под тунику, а не вывих челюсти, который Упырь подозревал.

Фладэрик поморщился, не без труда сел и потряс гудящей головой. В ушах ещё шумело, а волосы приклеились к виску.

Покои превратились в груды щепок: поваленные сундуки, подрубленные стойки рухнувшего на кровать балдахина, застрявший в очаге столец. Адалин задумался, во что же превратило его Валтарово колдовство.

«Кромешник».

Ведь одно дело топтать несуществующую пыль колдовских дорог вне яви, другое – сражаться сразу в двух мирах.

Готовил сундуки и письма Фладэрик в прескверном настроении. А уж когда пришлось жечь избранные листы над свечкой, как и пристало романтичным заговорщикам, и во все обозлился. Сны, чем дальше, становились всё живее. И нравились Упырю всё меньше. Кромка расступалась, а безумие грозило просочиться в явь. И прелагатая не грела перспектива делаться его проводником.

Окончив основные сборы, Фладэрик спустился в большой зал, доломал и выбросил в очаг несчастный столец, пихнул туда же свитки и поджёг движением руки. А потом покаянно рухнул в пыльные объятия высокого резного кресла. Сухая

древесина и листья занялись мгновенно и почти бездымно. Упырь подвинулся поближе и водрузил ноги на решётку.

После изучения Валтаровых откровений, записок Эльзанта и гримории королевы картинка вырисовывалась неутешительная. Норт Адальхейн Эрвар восстановил забытое и трижды проклятое посвящёнными искусство, дивноокая Айрин его затею с охотой поддержала. Союз, Ллакхары, Кромка, совместные налёты на южную Коммуну свободных упырей и полное истребление неугодных. Цветные стёклышки катаются во мраке, свивая реальность посолонь. А Равнсварт проворно впереди всего Сартана скачет те калейдоскопы отмыкать. А значит, следует поторопиться, иначе твари с Кромки и тамошние силы разорвут не только неугодных проклятым чудодеям, но и саму явь.

Фладэрик в сердцах сдёрнул ноги с припыленной обрешётки, отчего та опрокинулась вовнутрь, взметнув сноп искр и огненные языки. Упырь с руганью стряхнул искры со штанин. Правая дымилась. На полу сиротливо выцветал в серебро выпорхнувший из очага оглодок свитка. Адалин фыркнул: с огнём ему в последнее время везло ещё меньше, чем с поселянами.

Под одной из выставленных вдоль стен лавок энергично хрустел чем-то сочным горностаём. Фладэрик пожалел, что загодя не вспомнил о харчах. Прикинул, удастся ли разжиться в здешних погребах чем-то, кроме очередного лиха, и двинулся к хозяйственному двору, где давеча оставил ворон-

ка. Дух тоже умудрился чем-то поживиться, возможно, это «что-то» перед смертью отбивалось. Алые глаза коня светились.

Фладэрик засёдлывал храпящего, нетерпеливо встряхивавшего мордой жеребца, и оглядывал заброшенные постройки. Адалин выглядел заброшенным и скорбным. Помятый бересклет чернел иссохшими ветвями. Черепица кровли местами облупилась. Дверь в амбар просела.

Упырь как раз собирался прогуляться по двору и рассмотреть следы запустения поближе, когда к ногам змеёй шмыгнул Позёмьш. Да так поспешно, что с земли взлетел единым духом на плечо и юркнул за отворот кафтана. Горностай дрожал.

Возможно, лихо так и не околело? Упырь чувствовал слепой страх, что со спутниками выучки его проныры случилось крайне редко. Ужель изловленная крыса прямо во время трапезы обратилась прекрасным принцем... с погрызенными конечностями и определёнными претензиями к миру?

С плохо скрываемым злорадством воображая красочные особенности недожранного принца, Адалин вернулся в зал.

Внутри подозрительно похолодало. Дыхание срывалось с губ палевыми лепестками. По стенам ползли перламутровые нити инея или ломкой паутины. У догоравшего камина сидел какой-то дед. В кафтане и высоких сапогах. Голова его медленно провернулась так, как не могла бы у живого. Да и не-мёртвый выкинуть подобное бы не сумел. Сизый дед

только что свернул собственную шею, чтобы вытаращиться на застывшего при входе Упыря беспросветно чёрными глазами. Сухой рот на обескровленном лице открылся. По губам проворно скользнул раздвоенный язык. Дед поднял жилистую, высушенную руку и поманил к себе пришельца.

– Ты меня видишь? – будто удивился он.

– Ещё б не видеть, – фыркнул Адалин. Ладонь сама собой сомкнулась на рукояти сабли. – Это кресло моего отца.

– Ты в нём только что сидел, – напомнил призрак.

– Вот именно, – подтвердил Упырь. Черты создания выглядели так знакомо и вместе с тем так чуждо, что вернулась едва унявшаяся головная боль.

Фладэрик устало смежил веки: Кромка не желала отпустить.

– Кто ты, дух?

– Хранитель рода. Адалин. – Создание всё пялилось и глаз не отводило.

– Первый, Найдэрик? – заподозрил прелагатай мрачно.

Но призрак покачал бесцветной головой:

– Я не привидение. Просто дух.

– Всего-навсего, – Фладэрик подошёл поближе. – Ты выглядишь неважно, дух Адалин, – заметил он не без иронии.

– Да, – согласился тот. – И это не предел. Ты убил лихо?

– Кажется. – Упырь устроился на сундуке. От попыток разглядеть кафтан или черты лица боль в голове нарастала, резало глаза, а в ушах шумело. – Мне лучше не приглядывай.

ваться? – догадался Адалин.

– Ты смотришь в Кромку, а она – в тебя. Сам реши, – дух развёл руками. Пергаментное лицо морщилось, переползало сороконожками теней, а чёрные провалы глаз затягивали взгляд воронкой. – Ты учинил разгром, мальчик, – в пыльном голосе звучало осуждение.

– Старался, – скромно подтвердил Упырь. – Не думал, что найдётся зритель.

– Я могу восстановить замок, – предложил дух равнодушно.

– В ответ, конечно, ты захочешь?.. – Фладэрик намеренно не окончил фразы и вопросительно вскинул подбородок. В исполинском жерле очага с треском и шипеньем догорали остатки резных ножек. Прелagатай пожалел, что не захватил ещё дров. В зале холодало. И воняло склепом.

– Ничего, – отрезал дух. – Хотя немного крови бы не помешало. Я рад, что ты убил тех тварей.

Старший Адалин подумал, что чересчур устал. Вытянул ноги, привалился спиной к стене и бросил без обиняков:

– Где Ойон? Где... все? И чьим лицом прикрылся запусень?

Дух скорбно покачал головой, сложил у груди старческие, пятнистые кисти. Склепный дух усилился. Теперь к нему отчётливо примешивались нотки ладана и мирры.

– Большое зло здесь приключилось, – плотоядно улыбнулся дед. Раздвоенный язык вновь мелькнул между бескров-

ными губами. – Очень большое зло.

– Говори, дух, – распорядился Адалин и потерял серегу. – Только, по возможности, короче и по делу.

Дух кивнул.

– Старика-Ойона убили помощник оружейника со своей девкой, – начал он крайне деловито, без тени должного трагизма. – Потом воспитателя твоего, старого Мейнарта, на цепь посадили, зарезали кухарку, конюших и псарей. – Фладэрик невольно хмыкнул. – Егерей, что не в отъезжих жили, потравили, сожгли межевой острог. Остальная дворня поддержала предприятие. Потом явился запустень. Сожрал сперва хозяина, а там, его лицом пользуясь, и прочих «домочадцев». Потом подъел собак и лошадей.

– Потрясающе, – скрипнул челюстями счастливый наследник. – Ойона с Мейнартом похоронили?

– Обоих съели, – пожал плечами пергаментно невозмутимый дух. – Упыри ж.

– Окаёмы⁸², – буркнул старший Адалин, растирая лицо. – Как же я устал...

– Устал? – Бездонные глаза как будто заблестели. – А кто, по-твоему, во всём этом виноват?

– И кто же? – криво выскалится Упырь.

Дух ожиданий не обманул:

– Не ты ли сам, вот здесь же, в этом зале...?

– Молчи, – помертвел физиономией старший Адалин.

⁸² Отморозки.

– А ведь отец тебя предупреждал... – Сухие губы тоже искривило подобие оскала. Глаза загорелись, как два каганца. – Ты, мальчик, всегда был самовольным. И всё, произошедшее здесь – твоя вина.

– Да вот ещё, – небрежно хохотнул Фладэрик, пытаюсь схорониться за насмешкой. Не вышло. Дух говорил правду. И правду эту прелагатай знал.

– Тебя предупреждали, – напомнил призрак глухо. – Но я повторю. Повторю речь твоего батюшки, здесь же, в этих самых стенах произнесённую. Потому что, как видишь, всё сбывается по сказанному им.

Фладэрик прикрыл глаза: память, неумолимая, жестокая и неотступная, жгла сердце раскалённым добела тавром.

– Род Адалинов почётен и древен, испокон веку он служил долине Олвадарани и госпоже Каменной Розы. Многие столетия входил в число Благородных родов Долины как опора престола Её Величества. Никто из твоих предков не запятнал себя бесчестьем.

Или просто на том не попадался, переиначил на свой лад старший Адалин, но перебивать не стал.

– Твои предки чтили закон и уважали обычаи. За что Королева и пожаловала в незапамятные времена Найдэрику Верному титул и домен.

Фладэрик покивал. Эти радости в него вбивали в детстве с особым тщанием и изредка тычками.

– Скорбен дом тех, над кем простёрлось проклятье бесче-

стия. Нет хуже преступления, чем запятнать имя предков. И проклясть свой род. – Дух развёл руками. – Я вижу твоё сердце, мальчик. Оно отравлено гордыней. Сила твоя стала жестокостью, а смелость превратилась в бесстыдство. Напрасно ты счёл, будто произнесённое здесь, в стенах наследного поместья, на обогрённой жертвенной кровью, завещанной тебе земле, канет без последствий. Твой батюшка – да хранит в мире его покой вечная слава – был добр. Он простил тебя и твою горячность. Он любил тебя и уповал на твою мудрость. И он по мягкосердечию своему и по чрезвычайной любви к тебе ошибся.

Упырь слепо таранился в вечность. Вечность не реагировала. Как и жуткий дед с горящими глазами.

– Помнишь это, мальчик? – Ответа дух не ждал. – Помнишь, как кричал тут и бросался оскорблениями, как отрёкся от отца и предков? Как проклял этот род? Взгляни, к чему это привело, – неумолимый призрак обвёл зал широким взмахом перламутровой руки. – Все мертвы, а дом разрушен. Тайдэрик мог проклясть тебя навеки, мог, точно так же отказаться от тебя и тем самым спасти Адалин. Не мне судить его. – Выглядело прямо противоположным образом. Фладэрик подозревал, будь воля привидения, в колыбели бы удушил сквернавцев, причём обоих. – Ведь ты был горячо любим ими. Когда ты хворал в детстве, матушка просиживала у твоей кровати дни и ночи, сплетала заговоры, не подпускала слуг. Ты разбил её сердце. И оскорбил отца. – Бледное лицо

скривилось в гримасе презрения. – Дела минувшие. Тем па-
че, батюшки твоего уж нет под этим небом. И, Князья сви-
детели, он не держал на тебя зла.

– Знаю, – угрюмо бросил старший Адалин.

– Умирая, он благословлял тебя.

– Я знаю, – Упырь окончательно побелел и говорил чуть слышно.

Призрак лишь пожал плечами:

– Но ты по-прежнему живёшь во власти страстей и подлых чувств, достойных челяди, не господина. А ведь отец преду-
преждал тебя: ты заблуждаешься, принимаешь блеск битого
стекла за драгоценность.

Адалин вздохнул: следовало признать, прозорливость ба-
тюшки настораживала и удручала. А пуще того – злила.

– Помнишь, как ты кричал тут о любви? Что ты кричал...
и в чём клялся? Отрёкся от отца и матери, проклял собствен-
ное имя, чем навлёк бесчестие на весь род. К чему это при-
вело? Ты сам призвал сюда и лихо, и запустение. Оглянись
вокруг: отец мёртв, преданный Ойон убит, Мейнарт затрав-
лен псами, поместье опустело, а сам ты, неприкаянный, но-
сишься по свету без приюта и цели.

– Чего ты хочешь, дух? – устало бросил старший Ада-
лин. – На мне род не пресечётся. Папенька с маменькой по-
заботились, состряпали наследника, стоило отвернуться. И
не прикидывайся, я знаю, как всё было. – Дух стыло усмех-
нулся, но смолчал. – Не беспокойся, Радэрик тебя не разоча-

рует. Истинное олицетворение лощёной куртуазности о белых рюшах и очах невинных. Истинный вельможа, ни тени челядинца. Доволен?

– Ты любишь брата, – внезапно заключило привидение и снова облизнулось змеиным языком.

Упырь, осёкшись, сдвинул брови.

– Разумеется. Что за дурацкий перескок?

– Он тоже пострадает. Пострадают все, кто соприкоснётся с этим родом. И ты, хоть трижды проклял это имя, останешься Хозяином, старшим в семье, владельцем домена и всех титулов.

– Да будь оно неладно! – огрызнулся Фладэрик, намереваясь встать. Но тело не повиновалось, а чернота выплеснулась из жутких глаз и потекла смолой под ноги.

Под пыльным сводом зала эхо множило причудливый узор осколков назидания. И как Упырь ни прислушивался, связь уловить не получалось. От камина пахнуло подвальной затхлостью и тленом. В чугунном кружеве обрешётки взвихрился подхваченный сквозняком изумрудный пепел и засе-ребрился в темноте.

Фладэрик моргнул, сердито растёр переносье: сажистый прах свивался языками призрачного пламени цвета халцедона. Пыльная взвесь уже напоминала туман над гатью. Слова сливались в монотонный гул. А по стенам, ломаясь и корчась в жутких судорогах, расползались тени.

Упырь и сам не понял, уснул ли он или вновь провалился

в зыбкие тенета Кромки.

Пьянящий дух костров Бовтуня мешался со сладковатым ужасом истлевших, обомшелых городищ, что брошенными трупами гнили на пустошах без погребения на радость стервятникам всех мастей.

Адалин с трудом, оскальзываясь в топком глинозёме, обрывая пучки сизой травы, резавшей пальцы не хуже осоки, выкарабкался из пологого распадка, раскисшего болотиной. Косой дождь стегал в лицо и вспенивал окрестность. Оглушённый подвываниями стихии и ударом, выбившим из седла, Упырь затряс головой, попытался разглядеть происходящее сквозь мрак.

Визг подрубленной кобылы ещё вибрировал в голове.

Что-то сверкало и рвалось. Фладэрик, шатаясь, выдернул саблю из перепачканных жирной грязью ножен и зарычал. Огни на стенах Дор Гравэнна сливались золотыми полосами. До предместья считанные вёрсты, уже учуять можно. Но кто догадается караулить нежить вдоль Огнянки, проржавленных пустошей, что вгрызались в лесистые эскеры западного Ваэррагена?.. И кто сподобится так ловко бросить колдовскую сеть?

Дор Гравэнна, здесь их с отцом некогда захватили колдуны.

В висках ещё колотилось хриплое «облава», когда видение с треском и скрежетом, как раздираемое когтями заскоружное сукно, рассыпалось узорами вмурованного в сугли-

нок калейдоскопа.

Осколки масляно блестели, с шелестом катались по камням. На стенах дёргались, шипели колченогие, изломанные тени. Откуда стены в Голоземье?

«Одумайся... ты пожалеешь...»

Столько рук, сизые пальцы скребутся, точно ветки мёртвого куста. Цепляются, царапают. Сплошной клубок. Но у той, что говорит, есть лицо – поблекшее и полузабытое, обратившееся в уродливую маску без глаз.

«Остановись! Князя свидетели, мой сын так не поступит!»

«Тогда я тебе не сын!»

Скрюченные пальцы разом распрямились, ладони почернели, растеклись кляксами смолы, с бранчливым клёкотом разлетелись по углам воронами. И Кромка расступилась.

Адалин насилу вывернулся из удушливых объятий иномирья, меркло улыбнулся без тени радости в посветлевших от ярости глазах: сквозь узкие оконца скудный дневной свет цедился блёклым, проявляющим пыль маревом. В отдалении едва различимо, настороженно ржал встревоженный конь.

Милэдон поторопился. А значит, пришло время распрощаться с долиной Олвадарани.

Глава 9. Славные хлопцы

Очнулся Мирко от того, что кто-то насильно разжимал ему железкой челюсти.

Мальчишка отчаянно захрипел и попытался вырваться, но быстро сообразил, что крепко стянут поводьями. И забился, испуганно таращась на бородатого мужика, пытавшегося влить ему в рот какую-то горячую, остро пахнущую жижу.

Костёр, корявый, бугрящийся наростами, раскидистый платан, стреноженных поодаль лошадей и повозки, а так же греющуюся у огня компанию Мирко рассмотрел не сразу. Да и мучителя своего, кроме блёклых, будто просвечивавших глаз да рыжеватой бородищи, толком не увидел. Свет костра с парой воткнутых в землю факелов плясал и вился, будто в припадке. Трясся и бородач. Потом до мальчика дошло, что колотит его самого.

– Уймись, – густым, сильным голосом увещевал бледноглазый, всё пытаясь влить варево меж губ. – Ну, уймись! А, холера... Горазд, Вальфэ, охолоните его. Лихорадит уже.

Из мутной кисеи мешавшихся костровых отблесков, теней и, кажется, тумана, возникли ещё двое. Чернобровый, черноусый, бритоголовый увалень, весь испятнанный странными узорами, и поджарый, скуластый, большеглазый дядька почему-то в серьгах.

Мирко завопил. И тотчас захлебнулся горячим варевом.

Черноусый, улыбаясь, потрепал его по плечу. А мальчик снова провалился в душный, страшный бред, где безглазая, простоволосая Ладка убегала вдоль распадка от колченогих еретников, а у Причудины рядом стояли колья. И ко всему этому, взбивая копытами обращённый в прах овраженский двор и вытопанную кулигу, нёсся с факелом чёрный, страшный всадник.

Проснулся во второй раз вещун снова в сумерках. Но, видимо, в других. Потому что пейзаж изменился: вместо корявого платана вокруг сгустился целый мрачный лес, две повозки встали, смыкая бока, лошадей паренёк и вовсе не заметил. А компания, вроде как, выросла.

Исподволь, глаз до конца не размыкая, учёный Мирко разглядывал людей.

В том, что выхаживают его люди, мальчик почти не сомневался. Вряд ли нежить стала бы обсаживать стоянку факелами, играть на дудочке и жарить убоину, когда под боком стенает беззащитный кусок человечины.

Рыжебородый мучитель развалился у огня, вольготно откинулся на меховом плаще и широко расставил ноги в смазных сапогах. Он прихлёбывал из бурдючка и смеялся. Рядом обтёсывал деревяшку небольшим топориком черноусый дедина в разводах. Его скуластый поделщик с серьгами, оказавшийся ещё и долговязым, что колодезный журавль, стоял у облучка одной из повозок, неодобрительно сплетя руки на груди. Рядом привалился к колесу русый и тоже, кажется,

высокий молодец в распахнутой стеганке. Он-то и играл на дудочке. Ещё дальше с хохотком да бранью что-то обсуждали несколько совсем молодых парней и кряжистый, огромный, как самоходная печка, мужичина в озяме⁸³, отчего-то напомнивший изображения Боя в идольной избе.

Бой, к слову, хмурился и на веселящихся парней смотрел уж очень неласково. Как и штопавший чуть в сторонке какую-то кудлатую попону, одноглазый страхолюд, напугавший бы Мирко до икоты, встретить такого пацан, скажем, на лядине или в бору.

Компания показалась мальчику диковинной. Но сносной. Да и топоры, перначи, мечики, в свете костра то тут, то там поблёскивавшие, обнадёживали. К чему нежити такое вооружение?

Пахло от костра приятно: обернутый меховым одеялом, Мирко принялся к травному духу, разбавленному ароматом коптящегося мяса, и почувствовал, что вот-вот расплачется не то от облегчения, не то от голода. Хотя живот больше и не крутило.

Мальчик робко пошевелился.

– Глянь, щенок очухался, – кивнул долговязый с серьгами.

Рыжебородый закупорил бурдюк, отёр губы и обернулся:

– Ну, здравствуй, паря... Пить хочешь?

⁸³ Азя́м или озя́м – старинная верхняя одежда, поначалу употреблявшаяся всеми сословиями, позднее только крестьянами в праздничные дни и в дорогу; длинный кафтан, сермяжный или из толстого сукна домашнего приготовления, носился с кушаком

Мирко, насилу удержавшись, чтоб не юркнуть обратно в меховое, безопасное тепло, помотал головой. И сморщился. В глазах зарыбило, поплыло. К горлу подкатил комок.

– Экий резвый. Полежи, не дёргайся. Трясовицу ты подхватил. Да и бочину порвал знатно. Откуда ты такой бедовый приبلудился только? – Рыжий верно истолковал зашуганный, дикий взгляд, поворотился всем корпусом и дружелюбно, насколько позволяла не слишком к тому привычная физиономия, улыбнулся: – Я – Рагва Линтвар, двадцать второй колдун Сартана. Возглавляю отряд этих вот славных хлопцев. А тот глазастый дрын, что телегу подпирает – мой помощник, Вальфэ Вадан. – Скуластый легонько пригнул голову, блики на серьгах подмигивали и мерцали. – Тридцать седьмой колдун Сартана... но тебе это, должно быть, ни о чём не говорит, – проказливо ухмыляясь, фыркнул назвавшийся Рагвой.

Мирко нерешительно пожал плечами в своём пропахшем травяными настоями убежище. Остальные «славные хлопцы», не слишком от занятий отвлекаясь, исподволь наблюдали за происходящим. В открытую пялился только страхолюд, даже шитьё на время отложил.

– Я к тому назвался, чтоб ты не трусил лишнего. Мы – не сброд какой, разбойники иль торгаши, сам знаки видишь. – Мальчик с любопытством покосился в указанную бородачом сторону, на странные рисунки, ни о чём ему не говорившие. – Иргибские Псы. Посланы высочайшим распоряжени-

ем навести покой и добронравие в здешних краях.

Вещун сообразил, что скрывалось под витиеватыми зако-
рочками, намалеванными на укрывавшей телеги крашени-
не, и охнул. Баре-колдуны истребляли нежить вроде той, что
уничтожила Овражки, и защищали людей.

– Выжлецы! – не удержавшись, воскликнул Мирко.

– Ишь, как радуется, – фыркнул страхолуд и колупнул
шилом в зубах. – Знать, припекло.

– Тише, Блажен, – благодушная улыбка раздвигала боро-
дищу. Но наблюдал за мальчиком Рагва пристально. – Сам
видал, каким его Вадан привёз. Настродался малой...

– Настродался так настродался, – потянул плечами одно-
глазый, продолжая сутулиться. – Ты его лучше спытай, отке-
лева он такой, настродавшийся, вывалился. Не из Паданцев
же, навроде.

Рыжебородый Линтвар обстоятельно кивнул:

– Расскажет, куда он денется? Так как, говоришь, зовут
тебя?

– Мирко, – сглотнув саднящий комок, поспешно сознался
мальчик. – С Овражек, хутора на Причудине.

– Беглый? – сощурил бледные, в сумерках почти светящи-
еся колдовские зенки Рагва.

Парень непонимающе поморгал, разглядывая посмурнев-
шие лица.

– Наверное... На нас еретники напали, железнозубые...
Весь хутор пожрали. Ладка... – Вещун неожиданно хлоп-

нул носом, поглядел на облезлые, скребущие мутную синь вечерних небес ветви, и разрыдался. Громко, с подвываниями. Запутался в тяжёлом меху.

Долговязый мужик с серьгами, одарив страхолюда мрачным взглядом, отлип от телеги и, подойдя к пацану, опустился на корточки, заставив съёжиться, забиться глубже в одеяла. Слегка раскосые глаза «дрына» действительно светились, не то замораживая, не то, напротив, согревая.

Мирко зайцем обмер под пугающим и баюкающим одновременно взглядом, судорожно всхлипнул. Колдун молча положил ладонь на мгновенно взопревший лоб ребёнка. Руки у мужика оказались гладкими, будто полированный камень. И совершенно ледяными. Но пацан отчего-то резко успокоился: пропали не только обида и боль, с горем замешанная, сами воспоминания как будто сделались прозрачнее, отдалились.

– Угу, – тяжёлый голос Рагвы доносился приглушённо, точно из бочки. – Понятненько. Ну, добро, коли так... Спасибо, Вадан.

– Чем меня благодарить, лучше Блажена угомони. Ещё одно внушение – и парень идиотом останется, – откликнулся заметно помрачневший Вальфэ.

– А тебе что за печаль? – оскалился одноглазый, поигрывая шилом. – Не зазря, что ль, брешут про вас, мореходов?..

Закончить фразы глумливый страхолюда не успел. Черноусый детина отложил наострённый колышек, подкинул то-

пор на руке и с разворота, легко да ловко, почти играючи, метнул в охолонувшего Блажена. Лезвие прошло всего на пару пальцев левее дернувшейся головы и глубоко врезалось в ближайший ствол.

– Горазд! – рывкнул, подбираясь, Линтвар.

Вальфэ не отреагировал ни на слова страхолюда, ни на вспышку черноусого. Колдун пристально вглядывался Мирко в самое сердце.

Негромкий, мелодичный голос почти потонул в рокочущих проклятьях и площадной брани, наводнившей стоянку. Больше всех орали сварливый Блажен с молодцами да взбешённый Рагва. Черноусый только что-то глухо взрыкивал про «постылое непотребство».

– Ты, стало быть, со способностями? – тихо уточнил, блестя серьгами, долговязый. – Сбежал от упырей, по ворге прошёл, памжу выпотрошил. Жрица тебя, значит, поцеловала, или в кого ты там веришь? Хорошо. Ты впредь не хнычь. Хлопцы те, за редким исключением, лютые и дикие. Удавят, если скулить начнёшь. Или обидят. Так что держись ближе к Линтвару с Гораздом. Рыжий – знатный в своих Ллакхарских утёсах, невместно ему. У Горазда троих таких же пашенков чума вымарала вместе с бабой. Дударь ещё, но дударь трус. Коль Рагва с Гораздом не доглядят, а Милек-Дуда не ползет... худо будет.

– Не надо, – насилиу выдохнул оцепеневший Мирко и затравленно вгляделся в полыхающие zenки. – Пощади...

– Я? – Колючие брови взметнулись насмешливой дугой. – Я детьми не промышляю. В роду Ваа-Дан так не принято, – и засмеялся, отчего мальчику стало ещё жутче и резко захотелось до ветру.

